

РЕВОЛЮЦИЯ
И МЫ

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА ДОРОГА В СССР

КАК «ЗАПАДНАЯ»
РЕВОЛЮЦИЯ
СТАЛА
РУССКОЙ

Annotation

В книге известного российского писателя и ученого С.Г. Кара-Мурзы показано, как изначально типично западническая революция 1917 года превратилась в широкое национальное движение, что предопределило неизбежную победу большевиков и Ленина.

Именно Октябрьская революция, утверждает и доказывает С.Г. Кара-Мурза, обеспечила выбор Россией своего особого пути развития («советского проекта» и далее СССР), который позволил ей за самые короткие сроки достичь впечатляющих результатов во всех областях общественно-экономической жизни.

Как всегда, книга С.Г. Кара-Мурзы содержит глубокий анализ рассматриваемых событий и большое количество фактического материала.

-
- [Кара-Мурза, Сергей Георгиевич](#)
    - [Введение](#)
    - [1. Предыстория борьбы на распутье русской революции](#)
    - [2. «Развитие капитализма в России»: исходная позиция](#)
    - [3. Представление о крестьянстве: от марксизма к ленинизму](#)
    - [4. Крестьянская община в России: конфликт марксизма с ленинизмом](#)
    - [5. О характере русской революции](#)
    - [6. Образ советского народного хозяйства при Ленине](#)
    - [7. Образ будущего СССР в марксизме и у Ленина](#)
    - [8. Русский либерализм: провалы кадетов](#)
    - [9. «Империализм как высшая стадия капитализма» и ориентиры для революции](#)
    - [10. Дискуссия о самоопределении в революции среди марксистов](#)
    - [11. Русофобия «прогрессивной» интеллигенции](#)
    - [12. Апрельские тезисы](#)
    - [13. Советы](#)
    - [14. Попытка компромисса: Учредительное собрание](#)

- [15. Представление о масштабах революции](#)
  - [16. Классы и сословия](#)
  - [17. Чаяния и расхожие мнения](#)
  - [18. Выход из Гражданской войны и обуздание революции](#)
  - [19. Модель СССР: возможности и риски](#)
  - [20. Создание штатного режима](#)
  - [21. Методология](#)
  - [Заключение. Демонтаж страны и символа](#)
  - [Литература](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
    - [21](#)
    - [22](#)
    - [23](#)
    - [24](#)
    - [25](#)
    - [26](#)
-

Кара-Мурза, Сергей Георгиевич
Дорога в СССР. Как «западная»
революция стала русской

Введение

Когда умер В.И. Ленин, Сергей Есенин написал: «Того, кто спас нас, больше нет». Сегодня нам надо это понять – не для того, чтобы разобраться в наших чувствах «любим – не любим», а ради *знания*.

Русская революция – главное событие XX века. Она – стартер мировой революции «крестьянских» стран, изменившей все мироустройство. Китай, Индия, Латинская Америка – ее дети. Она – конец модерна, за этим порогом все пошло не так, как предписано в проекте Просвещения. На мировую арену вышла *доиндустриальная* цивилизация, идущая в обход западного капитализма. Это – цивилизация крестьян и этносов, отвергнувшая господство гражданского общества и гражданских наций.

Мы, Россия, и сейчас живем в этой революции. Крах советского строя в его первой версии – ее эпизод, сегодня – лишь начало этого эпизода. Если мы хотим выжить как народ и как культура, надо *знать* и *понимать* эту революцию. Ленин – ее продукт и ее творец, ее теоретик и конструктор. Он – ключ к знанию и пониманию.

Наша беда, что Ленин и его соратники не имели времени, чтобы ясно описать свое дело и тем более *понять* его, они следовали *неявному* знанию. Эйнштейн сказал, что в физике он «сначала находил, потом искал». Ленин и его соратники находили, а искать академические формы найденного не было времени. Нам надо *реконструировать* ход их мысли и дела. Эту возможность мы получили только сейчас, когда и сникла советская идеология, превратившая Ленина в икону, и когда выдохся антисоветский черный миф Ленина. Молодым нужно холодное и достоверное знание, им разгребать руины и строить на пепелище – а главные удары еще впереди.

Вот условия для разумных суждений тех, кто не боится *знать*:

– Отделять свои нравственные оценки от фактов. Допустим, вы считаете священной собственностью помещиков на землю, но надо признать, что практически все крестьяне (85 % населения) считали ее незаконной. Это важный фактор реальности.

– Политика надо оценивать в реальных координатах, сравнивать не со святыми, а с теми, кто *в тот период* воплощал альтернативные проекты. Для Ленина мы имеем такой ряд: Керенский (*либералы-западники*), Деникин (*«белые»*), Савинков (*эсеры*), Махно (*анархисты*) и Троцкий (*коммунисты-космополиты*). Монархисты к концу 1917 г. уже сошли с арены, даже Столыпин стал историей. Мечтать о «добром царе» – детская забава. Все актуальные фигуры «предъявили» свои проекты, люди попробовали их на зуб, а не изучали в кабинетах. Отрицаете Ленина? Скажите, с кем бы вы были и почему в тот момент.

– Не надо копаться в мелочах. Надо сравнить два главных проекта, два вектора, задававших России разные (и расходящиеся!) цивилизационные пути. Один проект предполагал построение в России государства западного типа с рыночной экономикой. Его воплощали сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Это – Февраль, *«белые»*. Другой проект – советский, его воплощал Ленин. Это – Октябрь, *«красные»*.

Эти проекты Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте. С февраля по октябрь 1917 г. – в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Керенский проиграл вчистую. Под давлением и при участии Запада блок кадетов и эсеров попытался вернуть власть военным путем, сравнение проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и военное соревнование белые также проиграли вчистую.

Надо прислушаться к мнению предков, для которых, как народу, этот выбор был вопросом жизни и смерти. Ошибка была бы фатальной. Совершенно не важно, какой из проектов нам сегодня нравится больше. Важно не сегодня и не наши предпочтения, а *тогда* и *то поколение*. О ценностях мы в ближайшее время не договоримся, сытый голодного не разумеет. Даже если сейчас захотелось жить по-рыночному, плевать в прошлое неразумно, если мы хотим ужиться на одной земле.

– О *личности* Ленина говорить не стоит. За ним не было замечено пороков или странностей, которые объясняли бы его мысли и дела. Он не был ни стяжателем, ни тираном. Это был умный и образованный человек, великий труженик, преданный своему делу, которое он считал справедливым. Многие сегодня считают его дело несправедливым.

Пусть так. Но Ленин сделал дело своей совести *мастерски*, с большим успехом – так давайте брать у него пример именно в этом.

Ленин входил в мировую элиту социал-демократов, в «политбюро» второй партии в двухпартийной системе будущего Мирового правительства. Он блестяще выполнил последний завет Маркса – интеллектуально разгромил народников с их доктриной революции «не по Марксу» и развития «по некапиталистическому пути». Но, осознав смысл революции 1905 года, Ленин совершил радикальный сдвиг в обеих плоскостях раскола России – он встал в ряды *простонародья* против *сословной элиты* и в стан *почвенников* против *западников*. За это одни его возненавидели, а другие – полюбили.

Что касается характера, то Сергей Есенин, поэт не купленный, о Ленине написал: «*Слегка суров и нежно мил*». А в другом месте:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.

На какое-то время в России стали верить Познеру больше, чем Есенину, но это время проходит. Значит, будем говорить о *делах*, а не о личности.

– Надо прислушаться к носителям художественного чувства, оно часто приоткрывает знание. Были те, кто ненавидел Ленина, как Бунин. Были те, кто его принял, как избавление, – Блок, Есенин, Шолохов. Надо вникнуть в мотивы и тех, и других. А кто считает себя западником, пусть почитает современников Ленина, которые наблюдали его проект лично, – Бертрана Рассела и Ганди, Грамши и Кейнса. Все это – урок истории, его надо освоить независимо от нынешней позиции каждого.

Но это – первое приближение. Надо понять, что же такого ценного сделал Ленин, за что его уважали многие достойные и умные люди во всем мире и любила большая часть народа России. И что он сделал не так, из-за чего антисоветские силы через 70 лет одержали верх. Разговор трудный. Антিলенинская кампания последних 35 лет недобросовестна и нанесла всем большой вред. В ней не было

разумной критики, и все сложные проблемы так принижались, что мы отвыкли ставить серьезные вопросы даже самим себе.

Вспомним ситуацию. С конца XIX века России приходилось одновременно догонять капитализм и убегать от него. Она слишком раскрылась Западу, а он не желал и уже *не мог* «принять» ее. Это было «исторической ловушкой»: возникли порочные круги, которые не удавалось разорвать. Замаячила революция как выход через *катастрофу*.

Было несколько проектов, все их перепробовала Россия. Каждый проект отражался в другом, каждая неудача обогащала знанием всех. Успешным был проект Ленина. Этот выбор вынашивали все, в том числе оппоненты и противники. В этом рывке было сделано много открытий мирового значения.

Сегодня наше общество духовно больно – элита, вскормленная великими делами планетарного масштаба, эти дела своего народа старается принизить и оплевать.

В основе советского проекта был *крестьянский общинный коммунизм*. Маркс считал его реакционным, он исходил из того, что крестьянство должно исчезнуть, породив сельскую буржуазию и пролетариат. В это верил поначалу и Ленин. Его подвиг в том, что он преодолел давление марксизма, при этом нашел такие доводы, что стал не пророком-изгоем, каких немало, а вождем масс.

Назад из кризиса не выходят, и ленинизм соединил общинный коммунизм с идеалами Просвещения, что позволило России не закрыться в общине, а создать промышленность и науку – минуя котел капитализма. Это был новаторский проект, и он сбылся – на целый исторический период. И Победа, и Космос, и тот запас культурной прочности, на котором мы переживаем нынешний кризис, – результаты того проекта.

Ленин – мыслитель, конструктор будущего и виртуозный политик. В каждом плане у него есть чему учиться, он был творец-технолог. Он создавал прочные мыслительные конструкции и потому был свободен от доктринерства. Он брал главные, массивные процессы и явления, взвешивал их верными гириями. Анализируя в уме свои модели, он так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и допустимого. Так было и с Брестским миром, и с военным коммунизмом, и с НЭПом, и с устройством СССР.

Он не влюблялся в свои идеи и доводил сканирование реальности до отыскания всех скрытых ресурсов. Поэтому главные решения Ленина были нетривиальными и поначалу вызывали сопротивление партийной верхушки, но находили поддержку снизу.

Предвидения Ленина сбылись с высокой точностью (в отличие от Маркса). Читая его рабочие материалы, приходишь к выводу, что дело тут не в интуиции, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего, он «проектировал» будущее, а в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век. В этом плане Сталин был его учеником.

Ленин выдвинул и частью разработал с десяток фундаментальных концепций, которые и задали стратегию советской революции и первого этапа строительства, а также мирового национально-освободительного и левого движения.

Здесь отметим лишь те, которые советская история оставила в тени.

1. Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма и от мирового сообщества марксистов. Это обеспечило поддержку или нейтралитет мировой социал-демократии. Он преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединив «западников и славянофилов» в советском проекте. На полвека была нейтрализована русофобия Запада.

2. Создавая Коминтерн, Ленин поднял проблему «несоизмеримости России и Запада», проблему взаимного «перевода» понятий обществоведения этих двух цивилизаций. Эта проблема осталась неразработанной, но как нам не хватало в постсоветские годы хотя бы основных ее положений! Да и сейчас не хватает.

3. Ленин поднял и, в общем, успешно решил проблему *выхода из революции* (ее *обуздания*). Это гораздо сложнее, чем начать революцию. Гражданская война была остановлена резко, ее переход в «молекулярную» форму погубил бы Россию. Именно поэтому Есенин сказал, что Ленин «спас нас». Системность мышления и чувство динамики нелинейных процессов придали силу политическим технологиям Ленина.

4. Ленин предложил способ «пересобрать» русский народ после катастрофы, а затем и вновь собрать земли «империи» на новой основе – как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение, – опыт XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Что не удалось сделать Ленину – это уже задачи для нас. Надо сказать на будущее.

Ленин предвидел (как позже и Сталин), что по мере развития советского общества в нем будет возрождаться сословность («бюрократия»), и сословные притязания элиты создадут опасность для строя. Так и произошло. Никаких идей о том, как этому можно противодействовать, Ленин не выдвинул (как и Сталин). Не выдвинуты они и до сих пор, и угроза России со стороны «элиты» растет.

Ленин преувеличивал устойчивость мировоззрения трудящихся и рациональность общественного сознания, его детерминированность социальными отношениями. Он не придавал адекватного значения тому культурному кризису, который должен был сопровождать индустриализацию и быструю смену образа жизни большинства населения. Этот кризис свел на нет тот общинный крестьянский коммунизм, который скреплял мировоззренческую матрицу советского строя. Требовалась смена языка и логики легитимации социального порядка СССР, но эта задача даже не была поставлена в проекте Ленина, к ней не готовилось ни государство, ни общество. Поэтому кризиса 70—80-х годов СССР не пережил.

Наконец, Ленин, разрешив срочную задачу сборки СССР, не учел тех процессов в национальном самосознании народов СССР, которым способствовало огосударствление этносов. В период сталинизма возникавшие при этом проблемы разрешались чрезвычайными способами, а с конца 50-х годов контроль за их развитием был утрачен. Эта важная для многонациональной страны проблема в проекте Ленина не была даже названа, надежды возлагались на консолидирующую силу социальных отношений.

Эти задачи легли на плечи нынешних поколений.

1. Предыстория борьбы на распутье русской революции

Революционная интеллигенция России, которая вырабатывала идеологию, стратегию и тактику русской революции, получила европейское образование и в конце XIX – начале XX века находилась под сильнейшим влиянием марксизма. Русские мыслители прошлого, сделавшие вклад в развитие нашей общественной мысли (независимо от их политических взглядов), разумно и уважительно относились к влиянию на них марксизма. Благотворное влияние, о котором писали русские философы, – дисциплинирующее воздействие методологии Маркса. Подчеркивая общекультурное значение марксизма для России, Н. Бердяев отмечал в «Вехах», что марксизм требовал непривычной для российской интеллигенции интеллектуальной дисциплины, последовательности, системности и строгости логического мышления.

Важнейшим духовным продуктом марксизма был *антропологический оптимизм* – уверенность в то, что лучшее и справедливое будущее человечества *возможно* и для его достижения имеются эффективные средства. С.Н. Булгаков, уже совершенно отойдя от марксизма, писал, что после «удушья» 80-х годов XIX века именно марксизм явился в России источником «бодрости и деятельного оптимизма». Переломить общее настроение упадка было тогда важнее, чем дать верные частные рецепты. Содержащийся в марксизме пафос прогресса помог справиться с состоянием социального пессимизма. По словам Булгакова, марксизм «усвоил и с настойчивой энергией пропагандировал определенный, освященный вековым опытом Запада практический способ действия, а вместе с тем он оживил упавшую было в русском обществе веру в близость национального возрождения, указывая в экономической европеизации России верный путь к этому возрождению» [50].

Второе фундаментальное изменение, которое внес марксизм в общественную мысль, заключалось в рационализации той части духовных исканий человека, которые ранее выражались лишь на языке идеалов и нравственности. Маркс, развивая проект Просвещения, задал рациональную «повестку дня». Г. Флоровский, объясняя, почему

марксизм был воспринят в России конца XIX века как мировоззрение, писал, что была важна «не догма марксизма, а его проблематика». Это была первая мировоззренческая система, в которой на современном уровне ставились основные проблемы бытия, свободы и необходимости. Как ни покажется это непривычным нашим православным патриотам, надо вспомнить важную мысль Г. Флоровского: именно марксизм пробудил в России начала XX века тягу к религиозной философии. Флоровский пишет: «Именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия. Из марксизма вышли Булгаков, Бердяев, Франк, Струве... Все это были симптомы какого-то сдвига в глубинах» (см. [51]).

Огромную роль сыграл марксизм в консолидации российского общества вокруг проблемы «образа будущего». Как целостное связанное учение, соединившее в себе рациональную концепцию с нравственными идеалистическими императивами, марксизм был эффективно применен большевиками для создания идеологии, на время овладевшей массами. В этой идеологии стихийные народные представления о благой жизни были скреплены логикой и идеалами марксизма, которые в тот момент оказывали почти магическое воздействие на сознание. Это не дало народу в момент катастрофы 1905–1920 годов рассыпаться на мелкие группы, ведущие «молекулярную» войну всех против всех. Известно, что в периоды таких катастроф общества, не связанные размышлением о будущем и о путях к желаемому жизнеустройству, порождают массу бандитских шайек и милитаристских групп – кризис порождает *общности извергов*.

Учитывая все это, необходимо рассмотреть те установки Маркса и Энгельса, которые внесли раздор в демократическое и революционное движение России и нанесли ущерб и самосознанию интеллигенции, и развитию русской революции, и здоровью уже советского общества и государства. Хотя, на мой взгляд, наши революционеры сами виноваты – слишком они были очарованы марксизмом и воспринимали все его положения как откровение свыше. Тогда у нашей интеллигенции были романтические представления о народе и обществе, а рациональности научного типа было недостаточно.

Маркс предупреждал, что предмет его учения – западный капитализм и западный пролетариат. Он прямо указывает: «в том строе общества, которое мы сейчас изучаем, отношения людей в

общественном процессе производства чисто атомистические». А это значит, что результаты такого изучения не приложимы к тем обществам, где не произошло атомизации человека и производственные отношения содержат общинный компонент. Эти предупреждения прогрессивная русская интеллигенция игнорировала и смотрела на общественные процессы в России через призму марксизма.

Согласно видению истории как смены социально-экономических формаций на той стадии развития, на которой находилась Россия, революционным классом должна была быть буржуазия и помогающий ей пролетариат. Именно они рассматривались как носители прогресса и модернизации. Главными задачами революции в России, которая должна была быть только буржуазной, являлись свержение монархии, устранение сословий, ликвидация барьеров, дать простор капитализму в деревне и городе. В такой революции крестьянство как консервативная монархическая сила, опора традиционного общества, виделось противником главных устремлений революции.

Но и попытку пролетариата бороться против капитализма, который еще не исчерпал свой импульс, Маркс и Энгельс считали *реакционной* – даже в форме *интеллектуальной* (литературной) борьбы. Они пишут в «Манифесте Коммунистической партии»: «Первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы во время всеобщего возбуждения, в период ниспровержения феодального общества, неизбежно терпели крушение вследствие неразвитости самого пролетариата, а также вследствие отсутствия материальных условий его освобождения, так как эти условия являются лишь продуктом буржуазной эпохи. Революционная литература, сопровождавшая эти первые движения пролетариата, по своему содержанию неизбежно является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность» [30, с. 455].

Эта уравнительность, особенно свойственная «крестьянскому коммунизму», рассматривалась Марксом едва ли не как главное препятствие на пути исторического прогресса.

Вторая установка классического марксизма, которая довлела над мировоззрением русской революционной интеллигенции, состояла в концепции разделения народов на *революционные* и *реакционные*.

Народ, представляющий Запад, является по определению прогрессивным, даже если он выступает как *угнетатель*. Народ-«варвар», который пытается бороться против угнетения со стороны Запада, является для классиков марксизма *врагом* и подлежит усмирению вплоть до уничтожения.

Энгельс следующим образом трактует революционные события 1848 года в Австро-Венгрии: «Среди всех больших и малых наций Австрии только три были носительницами прогресса, активно воздействовали на историю и еще теперь сохранили жизнеспособность; это – *немцы, поляки и мадьяры*. Поэтому они теперь революционны.

Всем остальным большим и малым народностям и народам предстоит в ближайшем будущем погибнуть в буре мировой революции. Поэтому они теперь контрреволюционны» [98]^[1].

Русские считались реакционным народом, угрожающим Европе. С XVI века в элите Запада к образу России как «варвара на пороге» добавлялся «географический» мотив представления русских как азиатского народа. Утверждали даже, что для Европы «русские хуже турок». Маркс писал: «Турция была плотиной Австрии против России и ее славянской свиты» [4].

Почти целый век эксплуатировался и миф об угрозе для Европы *панславизма*, за которым якобы стояла Россия. Энгельс развивал эту тему в связи с революцией 1848 г.: «Европа [стоит] перед альтернативой: либо покорение ее славянами, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы – России».

В большой статье «Демократический панславизм» Энгельс пишет, обращаясь к русским демократам: «На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их *первой революционной страстью*; со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное

демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам» [35].

Насколько живучим был миф панславизма, видно из того, что к нему обращается даже Гитлер в «Майн Кампф»: «Я не забываю всех наглых угроз, которыми смела систематически осыпать Германию панславистская Россия». Более того, представление о России, угрожающей Европе «панславизмом», продолжало быть актуальным и в отношении СССР. В книге Ханны Арендт «Истоки тоталитаризма» (1951) прямо сказано, что «большевизм должен своим происхождением панславизму более, чем какой-либо иной идеологии или движению».

Русофобия Маркса и Энгельса, их представление о русских как реакционном народе были неразрывно связаны с ненавистью к *России* как государству и стране. В трудах основоположников марксизма это чувство проходит как постоянно звучащий мотив. Оно бросается в глаза и удивляет человека, который начинает читать подряд, без определенной цели, сочинения Маркса и Энгельса, – из советского марксизма этот болезненный колорит был вычищен. Эта адаптация марксизма пошла нам на пользу, но и сделала нас беззащитными против рассуждений, в которых антироссийский смысл сохранился в неявном виде.

По мнению Маркса, «народ создает государство» (а сам он порождается «кровью и почвой»). Какое же государство мог породить реакционный народ? Только реакционное. Для таких энтузиастов идеи прогресса, как Маркс и Энгельс, уже этого было достаточно, чтобы видеть в России особую реакционную силу.

Российское государство опиралось на все те силы, отношения и институты, которые в глазах Маркса были главными генераторами реакционного духа, – религию, государственное чувство, общинное крестьянство, нерыночную уравнительную психологию. Таким образом, Россия представала как активный источник реакции, бросающий вызов прогрессивным силам мировой цивилизации.

Свою неоконченную работу «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (написана в 1856–1857 гг.) Маркс завершает так: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала virtuoso в искусстве рабства. Даже после своего освобождения

Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира... Так же как она поступила с Золотой Ордой, Россия теперь ведет дело с Западом. Чтобы стать господином над монголами, Московия должна была *татаризоваться*. Чтобы стать господином над Западом, она должна *цивилизироваться*... оставаясь Рабом, то есть придав русским тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних» [2].

Прошло десять лет, но этот антироссийский штамп применился Марксом без изменения. На митинге в Лондоне он произнес патетическую речь: «Я спрашиваю вас, что же изменилось? Уменьшилась ли опасность со стороны России? Нет. Только умственное ослепление господствующих классов Европы дошло до предела... Путеводная звезда этой политики – мировое господство, остается неизменным. Только изворотливое правительство, господствующее над массами варваров, может в настоящее время замысливать подобные планы... Итак, для Европы существует только одна альтернатива: либо возглавляемое москвитами азиатское варварство обрушится, как лавина, на ее голову, либо она должна восстановить Польшу, оградив себя таким образом от Азии двадцатью миллионами героев» [3, с. 206, 208].

Изложенные Марксом и Энгельсом после 1848 года представления о прогрессивных и реакционных народах, о реакционной буржуазной сущности крестьянства и столь же реакционной сущности славян (особенно русских) резко осложнили развитие движения революционных демократов в России. Эти представления вызвали в русском марксизме того времени раскол, который затем перерос в конфликт марксистов с русскими народниками, а затем и в конфликт меньшевиков и эсеров с большевиками.

Принципиальное неприятие положений Маркса и Энгельса в указанных выше вопросах выразил М.А. Бакунин (по свидетельству самого Энгельса, самый умелый и мужественный командир революционных войск в 1848 г. в Праге и в 1849 г. в Дрездене). Так

возник его конфликт с основоположниками марксизма, привел к вражде и изгнанию Бакунина из общности марксистов, а в общественном мнении СССР – к замалчиванию тех важных идей и прогнозов, которые высказал Бакунин относительно назревающей русской революции. Как сказал о Бакунине Н.А. Бердяев, «в его русском революционном мессианизме он является предшественником коммунистов».

В книге Бакунина «Кнуто-германская империя и социальная революция» [5], которая послужила ответом на серию статей Энгельса о революционных народах, славянах и крестьянах, Бакунин выдвинул тезис о том, что *национальный* шовинизм (ненависть к «реакционным народам») и *социальный* шовинизм (ненависть к «реакционному крестьянству») имеют одну и ту же природу. Оба они отражают расизм западного капитализма, который оправдывает присущую ему эксплуататорскую сущность своей якобы цивилизаторской миссией. Бакунин считает, что буржуазная идеология «заразила» этим шовинизмом и рабочий класс Запада, включая рабочих-социалистов.

Бакунин категорически отвергает представления Маркса и Энгельса о крестьянстве, об «идиотизме деревенской жизни». Он предупреждает рабочих, что этот социальный расизм в отношении крестьян не имеет под собой никаких разумных оснований. Более того, Бакунин выдвигает пророческий тезис о том, что социалистическая революция может произойти только как действие *братского союза* рабочего класса и крестьянства. Эта мысль была принята народниками. Позже этот тезис Ленин развил в целостную политическую доктрину (которая и стала основанием *ленинизма*). Но к этим установкам русские большевики пришли, только осознав опыт революции 1905–1907 годов, а марксисты-меньшевики не пришли вовсе.

Поскольку, начиная с 70-х годов XIX века, марксизм господствовал в умах левой и либеральной российской интеллигенции, вывод Бакунина замалчивался. Его предвидение характера назревающей русской революции как социалистической, а также совершаемой союзом рабочего класса и крестьянства, Маркс назвал «ученическим вздором». Он увидел в нем нелепую попытку низвести пролетарскую революцию в высокоразвитой Западной Европе на

уровень «русских или славянских земледельческих и пастушеских народов»^[2].

Следующим поколением реакционных русских революционеров, которое Маркс и Энгельс считали своим долгом разгромить, были *народники*. В 80-е годы XIX века экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В.П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подходы к изучению истории. Концепцию народников Маркс отверг категорически и очень резко, и это сыграло важную роль в судьбе революционного движения в России.

В 1875 году народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России назревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс просил Энгельса ответить на нее. Ответ («О социальном вопросе в России» [1]) был полон грубых личных выпадов против Ткачева, но слабых доводов.

Через полвека Н.А. Бердяев писал: «Замечательнейшим теоретиком революции в 70-е годы был П.Н. Ткачев... Он первый противоположил тому русскому применению марксизма, которое считает нужным в России развитие капитализма, буржуазную революцию и пр., точку зрения, очень близкую русскому большевизму. Тут намечается уже тип разногласия между Лениным и Плехановым... Ткачев, подобно Ленину, строил теорию социалистической революции для России. Русская революция принуждена следовать не по западным образцам... Ткачев был прав в критике Энгельса. И правота его не была правотой народничества против марксизма, а исторической правотой большевиков против меньшевиков, Ленина против Плеханова» [6, с. 59–60].

Энгельс издевается над прогнозами народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и “собственники”, стоят “ближе к социализму”, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей

возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе» [1, с. 546].

Энгельс предупреждает, что революция в России, согласно марксизму, имела бы *реакционный* характер: «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии» [1, с. 537].

Вывод был таков: «Русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы» [1, с. 526].

К чему же свелся этот европейский контроль? Прежде всего к атаке на российское народничество и к побуждению русских марксистов вести такие атаки и внутри России.

Энгельс пишет Вере Засулич (3 апреля 1890 г.): «Совершенно согласен с Вами, что необходимо везде и всюду бороться против народничества – немецкого, французского, английского или русского. Но это не меняет моего мнения, что было бы лучше, если бы те вещи, которые пришлось сказать мне, были сказаны кем-либо из русских».

Приняв эти установки, российские марксисты много сделали для разгрома народников. На первом этапе своей политической деятельности в разгроме народников принял участие и молодой Ленин. Как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, ответ Ткачеву «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В.И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества» [1, с. XXIX].

В работе «От какого наследства мы отказываемся» (1897) Ленин так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.». Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны

традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество – в общем, «азиатчина»). Исходом революции должно было стать «чисто капиталистическое» хозяйство.

Современные исторические исследования массового сознания крестьян, проведенные путем изучения большого массива документов 1905–1907 годов (наказов, приговоров и петиций), подводят нас к важному выводу о причинах того разрыва внутри революционного социалистического движения, который привел и к трагедии Гражданской войны. Сейчас эти причины видятся таким образом.

Ленин первый перешел к принципиально иной модели, объясняющей природу русской революции и места в ней крестьянства. Но и он «приходил к ленинизму» трудно, с отступлениями и противоречиями, традиционное сословное российское общество считалось архаичным и противопоставлялось гражданскому обществу.

Такое видение сохранилось и сегодня, и наши нынешние либералы и демократы недалеко ушли в этом от кадетов и меньшевиков.

2. «Развитие капитализма в России»: исходная позиция

Главной задачей труда «Развитие капитализма в России» (1896–1899) сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России – он слишком «затвердил» установки марксизма, не вскрыв рационального зерна взглядов народников. Русские мыслители прошлого, сделавшие вклад в развитие нашей общественной мысли (независимо от их политических взглядов), разумно и уважительно относились к влиянию на них марксизма. С.Н. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм». Тем более молодые марксисты России смотрели на социальную реальность через призму трудов Маркса.

В момент написания этой книги даже в первый период после революции 1905–1907 годов Ленин следовал тезису о неизбежности прохождения России через этап господства капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна была быть революцией *буржуазной*.

В предисловии к 1-му изданию книги Ленин специально подчеркнул свою солидарность с главными выводами работы К. Каутского «Аграрный вопрос»: «Каутский категорически признает, что о переходе деревенской общины к общинному ведению крупного современного земледелия нечего и думать... Мы считаем необходимым подчеркнуть полную солидарность воззрений западноевропейских и русских марксистов ввиду новейших попыток представителей народничества провести резкое различие между теми и другими» [53, с. 8, 9]^[3].

Заметим, что Каутский ошибался: в отличие от Германии, русская община показала удивительную способность сочетаться с кооперацией и таким образом развиваться в сторону крупных хозяйств. В 1913 г. в России было более 30 тыс. кооперативов с общим числом членов более 10 млн человек. Позже смогла община восстановиться и в облике колхозов – крупных кооперативных производств.

Но главное было даже не в превращении общины в крупное предприятие, а в том, что в условиях России социальная организация общины была эффективнее, чем капиталистическое хозяйство. Индикатор этого – переток земли. В целом после реформы 1861 г. на рынке земли стали господствовать трудовые крестьянские хозяйства, а не фермеры. Если принять площади, полученные частными землевладельцами в 1861 г. за 100 %, то к 1887 г. у них осталось 76 %, к 1897 г. 65 %, к 1905 г. 52 % и к 1916 г. 41 %, при этом из этих 41 % 2/3 использовалось крестьянами через аренду. То есть за время «развития капитализма» к крестьянам перетекло 86 % частных земель.

А.В. Чаянов пишет: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам» [44, с. 143].

К этому Чаянов дает такой комментарий: «Наоборот, экономическая история, например, Англии дает нам примеры, когда крупное капиталистическое хозяйство... оказывается способным реализовать исключительные ренты и платить за землю выше трудового хозяйства, разлагая и уничтожая последнее» [44, с. 409].

Исходя из марксистской политэкономии, Ленин был уверен, что освобождение крестьян от оков общины – благо для них, и так определял позицию социал-демократов: «Мы стоим за отмену всех стеснений права крестьян на свободное распоряжение землей, на отказ от надела, на выход из общины. Судьей того, выгоднее ли быть батраком с наделом или батраком без надела, может быть только сам крестьянин. Поэтому подобные стеснения ни в каком случае и ничем не могут быть оправданы»^[4].

В декабре 1907 г. Ленин заканчивает книгу «Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», а зимой 1908 г. готовит ее к печати (книга была конфискована и уничтожена еще в типографии; сохранился один экземпляр, вышла книга в 1917 г.). В ней еще излагаются старые представления

ортодоксального марксизма: то же самое обличие «средневековья» и те же мечты о «фермере», что и в «Развитии капитализма в России».

Вот главные для нас мысли этой книги: «Крестьянское надельное землевладение... загоняет крестьян, точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглового характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины. И экономическое развитие России *фактически* вырывает крестьянство из этой средневековой обстановки, — с одной стороны, порождая сдачу наделов и забрасывание их, с другой стороны, созидая хозяйство будущих свободных фермеров (или будущих гроссбауэров юнкерской России) из кусочков самого различного землевладения...

Для того чтобы построить *действительно* свободное фермерское хозяйство в России, необходимо “разгородить” *все* земли, и помещичьи, и надельные. Необходимо разбить *все* средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимально возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на место заржавевшей тягловой общины. Необходимо “очистить” всю землю от всего средневекового хлама...

Мелкие собственники-земледельцы в массе своей высказались за национализацию [земли] и на съездах Крестьянского союза в 1905 году, и в первой Думе в 1906 году, и во второй Думе в 1907 году... не потому, что “община” заложила в них особые “зачатки”, особые, не буржуазные “трудовые начала”. Они высказались так потому, наоборот, что жизнь требовала от них *освобождения* от средневековой общины и средневекового надельного землевладения. Они высказались так не потому, что они хотели или могли строить социалистическое земледелие, а потому, что они хотели и хотят, могли и могут построить действительно буржуазное, т. е. в максимальной степени свободное от всех крепостнических традиций мелкое земледелие» [49].

Он даже сделал радикальный вывод: «Доброму народнику и в голову не приходило, что покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем, и общинная деревня превращалась и превратилась в деревню мелких аграриев» [53, с. 321]. Это — чисто марксистское видение проблемы, но оно было

ошибочным, что Ленин неявно признал в сентябре 1908 г. в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», разумно не поднимая вопроса о старой ошибке.

Общая ошибка марксистов до революции 1905 г. заключалась в том, что они ставили знак равенства между *докапиталистическими* формами и *некапиталистическими*. Если видеть в общине только ее формационное содержание, то она, будучи «докапиталистической» формой, в конце XIX века выглядела как пережиток и отсталость. Если же рассматривать общину как продукт культуры, то в ней виден гибкий и содержательный уклад, совместимый с самыми разными социально-экономическими базисами. На основе общинных отношений во многом строилась ускоренная индустриализация Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии.

Жизнь показала ошибочность выводов Ленина 1899 года: вопреки мощному политическому и экономическому давлению крестьянство не исчезало, а оказывалось жизнеспособнее и эффективнее, чем фермы. В 1913 г. 89 % национального дохода, произведенного в сельском хозяйстве европейской части России, приходилось на крестьянские хозяйства – в 10 раз больше, чем на капиталистические (по другим оценкам, для России в целом накануне Первой мировой войны доля крестьян по стоимости продукта составила 92,6 %). Значит, насаждавшиеся правительством фермы были менее эффективны. Поэтому и помещики, и скупившие землю кулаки не устраивали ферм, а сдавали землю в аренду крестьянским дворам.

Неудача реформы Столыпина показала и другую важную сторону развития капитализма в России: здесь, в отличие от Западной Европы, капитализм в сельском хозяйстве не мог вытеснить общину и даже *нуждался* в ее укреплении. Иными словами, чтобы в какой-то части России мог возникнуть сектор современного капиталистического производства, другая часть должна была «отступить» к общине, стать более традиционной, нежели раньше. Образно говоря, капитализм не мог существовать без крупной буферной «архаической» части, соками которой он питался.

Глобализация капитализма в период империализма привела к тому, что свою «архаическую» часть Запад смог в значительной степени вынести за пределы метрополии, господствуя в заморских территориях – в колониях, а потом в «третьем мире». Но Россия, не

будучи колониальной империей, могла вести развитие капитализма только посредством архаизации части *собственного* общества – крестьянства. Именно после реформы 1861 г., открывая простор для развития капитализма, само царское правительство укрепляло крестьянскую общину. И это не было ошибкой, иначе и быть не могло.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин, следуя за устаревшей политэкономией Маркса, ошибался относительно прогрессивной роли капитализма в целом, в глобальном масштабе. В реальности капитализм был системой «центр – периферия». Создавая на периферии анклавы современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» остальной части производственной системы, даже уничтожая структуры местного капитализма.

Ловушка или порочный круг в аграрной политике России были в том, что приходилось «одновременно догонять капитализм и убегать от капитализма» (Вебер). Поэтому сама идея революции союза рабочих и крестьян ради *предотвращения* капитализма показалась большинству марксистов абсолютно еретической. Но была необходима индустриализация и модернизация страны. Ленин понял этот вызов и одновременно структуру ловушки, понял суть России как цивилизации и проник в смысл крестьянской мечты – и преодолел давление господствующих понятий и теорий.

3. Представление о крестьянстве: от марксизма к ленинизму

Уже в ходе революции 1905–1907 годов (после крестьянских волнений 1902 г.) начинает меняться представление Ленина о крестьянстве и его отношение к капитализму. Он рвет с установкой западной социал-демократии – избегать уступок крестьянам даже в виде включения аграрного вопроса в партийные программы. На IV (объединительном) съезде РСДРП он предлагает принять требование о «национализации всей земли» – крестьянский лозунг революции 1905 г. Это было настолько несовместимо с принятыми догмами, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Луначарский даже упрекнул Плеханова за старую куцую программу, которую тот якобы протащил «из страха перед крестьянской революцией, из боязни, чтобы ее торжество не повлекло за собой и торжество народников над марксистами».

Сам Плеханов на IV съезде верно понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию – так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения».

После 1908 г. Ленин уже совершенно по-иному представляет сущность спора марксистов с народниками (кстати, спора, который он сам активно вел в последние годы XIX века). Он пишет в письме И.И. Скворцову-Степанову: «Воюя с народничеством как с неверной доктриной *социализма*, меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества... Отсюда их чудовищная, идиотская, ренегатская идея, что крестьянское движение реакционно, что кадет прогрессивнее трудовика, что “диктатура пролетариата и крестьянства” (классическая постановка) противоречит “всему ходу хозяйственного развития”. “Противоречит всему ходу хозяйственного развития” – это ли не реакционность?!» [33].

Из этого ясно видно, что трактовка, которую давал проблеме сам Ленин десять лет назад, ушла в прошлое, он о ней даже не вспоминает. «Чудовищная, идиотская, ренегатская идея» меньшевиков, не понявших прогрессивного содержания народничества, – это их позиция после революции 1905 года, которая выявила реальность. После этой революции мыслить в канонах марксизма десятилетней давности значило именно стать ренегатами марксизма.

Исследователь крестьянства Т. Шанин пишет: «Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905–1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему, к концу 1905 г., Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.» [8, с. 279]^[5].

Хотя Ленин и «сделал радикальные и беспощадные выводы», начиная с 1905 года он сознательно принижал оригинальность его выводов, потому что в то время обвинение в «ревизионизме» марксизма нанесло бы большой ущерб линии большевиков. Революция 1905–1907 годов была особым, не объяснимым в рамках классического марксизма явлением. И все равно поддержка Лениным крестьянского взгляда на земельный вопрос означала серьезный разрыв с западным марксизмом.

Т. Шанин пишет: «В европейском марксистском движении укоренился страх перед уступкой крестьянским собственническим тенденциям и вера в то, что уравнильное распределение земли экономически регрессивно и поэтому политически неприемлемо. В 1918 г. Роза Люксембург назвала уравнильное распределение земель в 1917 г. как создающее “новый мощный слой врагов народа в деревне”» [8, с. 512].

В 1907 г. Ленин в проекте речи по аграрному вопросу во II Государственной думе прямо заявил о поддержке «крестьянской массы» в ее борьбе за землю и о союзе рабочего класса и крестьянства. Союза не с сельским пролетариатом, а именно с крестьянством. Какой разительный контраст с книгой «Развитие капитализма в России»! В этой речи уже и намек нет на прогрессивность больших землевладений и бескультурие «одичалого земледельца». Здесь сказано

нечто противоположное: «Вопиющую неправду говорят про крестьян, клеветают на крестьян те, кто хочет заставить Россию и Европу думать, будто наши крестьяне борются против культуры. Неправда!»

В 1908 году Ленин пишет статью, само название которой наполнено большим скрытым смыслом: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Уже здесь – совершенно новая трактовка русской революции, пересмотр одного из главных положений книги «Развитие капитализма в России». Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом буржуазной революции.

В этой статье Ленин очень осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно предотвращение этого господства – стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Это – новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как «зеркало русской революции»? Теперь, согласно взгляду Ленина 1908 г., «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Не буржуазная революция, а протест против капитализма!

При этом Ленин не говорит здесь об униженных и оскорбленных, о раздавленных колесницей капитализма, об «одичалом земледельце» – он говорит о крестьянстве в целом: «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции как крестьянской буржуазной революции».

Чтобы не вступать в конфликт с системой взглядов русского марксизма, которую сам же он укреплял в своем труде 1899 г., Ленин говорит лишь об «особенности» нашей революции, но выделяет слово *крестьянская*. На деле речь шла не об особенностях, а о совмещении двух разных, а в главных вопросах и противоположно направленных революций – буржуазной и крестьянской, глубоко *антибуржуазной*. Можно даже сказать, что крестьянская революция более

антибуржуазна, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария – лишь конкуренты на рынке^[6].

Ленин после урока революции 1905–1907 годов по-иному видит чаяния крестьянства: не освободиться от постылого надела, не превратиться в рабочего, а «расчистить землю, создать на месте полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, – это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции». По сути, уже в 1908 г. Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 г. и признает, что народники верно определили конечный идеал, цивилизационное устремление 85 % населения России, а значит, и грядущей русской революции.

Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции. Второй, помимо Ленина, великий русский политик, который так же глубоко понял урок первой революции, – Столыпин – отдал все силы делу раскола и «умиротворения» крестьянства и потерпел крах.

Столь же осторожно, но существенно развивает Ленин мысль об антибуржуазном характере крестьянской революции. В 1910 г. он пишет в связи со смертью Л.Н. Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все “устои” деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...».

Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устранившем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение. Нет здесь и следа старой догмы о свершившемся разделении крестьян на буржуазию и пролетариат. Это – полное отрицание старого тезиса, что общинное крестьянство – опора капитализма. Капитализм – враг крестьянства в целом. И в ходе революции (как в 1905–1907, так и летом 1917 г.) не бедные крестьяне («пролетарии») громили «крестьянскую буржуазию», а крестьянская община приговаривала к сожжению избы, а то и целых деревень соседей, изменивших общему решению схода.

И именно по вопросу о крестьянстве стала все более и более проходить линия, разделяющая большевиков и меньшевиков, которые все сильнее тяготели к блоку с западниками-кадетами. И вопрос, по сути, стоял так же, как был поставлен в двух Нобелевских комитетах (по литературе и по премиям мира), которые отказали в присуждении премий Льву Толстому – самому крупному мировому писателю того времени и первому всемирно известному философу ненасилия. Запад не мог дать Толстому премию, ибо он «отстаивал ценности крестьянской цивилизации» в ее борьбе с наступлением капитализма.

Мы в советское время, бездумно слушая профессоров марксизма-ленинизма, не замечали того, что четко зафиксировали современники и оппоненты Ленина: выводы его труда «Развитие капитализма в России» им самим де-факто признаны ошибочными, и он принципиально изменил всю теоретическую концепцию. В 1912 году М.И. Туган-Барановский подчеркнул: «Аграрные программы марксистов стали все ближе приближаться к аграрным программам народников, пока наконец между ними не исчезли какие бы то ни было принципиальные различия. И те, и другие почти с одинаковой энергией требовали перехода земли в руки крестьянства... При таком положении дел старые споры и разногласия решительно утрачивают свой смысл. Жизнь своей властной рукой вынула из-под них почву» [9].

Представить новые выводы Ленина относительно крестьянства в среде марксистов и либералов было сложнейшей задачей потому, что в начале XX века марксизм в России стал больше, чем теорией или даже учением: он стал формой общественного сознания в культурном слое. Поэтому Ленин как политик мог действовать только в рамках «языка марксизма». И Ленин совершил почти невозможное: в своей мысли и в своей политической стратегии он следовал требованиям реальной жизни, презирая свои вчерашние догмы – но делал это, не перегибая палку в расшатывании мышления своих соратников.

Приходя шаг за шагом к пониманию сути крестьянской России, создавая «русский большевизм» и принимая противоречащие марксизму стратегические решения, Ленин сумел выполнить свою политическую задачу, не входя в конфликт с общественным сознанием. Ему постоянно приходилось принижать оригинальность своих тезисов, прикрываться Марксом, пролетариатом и т. п. Он всегда

поначалу встречал сопротивление почти всей верхушки партии, но умел убедить товарищей, обращаясь к здравому смыслу. Однако и партия сформировалась из тех, кто умел сочетать «верность марксизму» со здравым смыслом, а остальные откалывались – Плеханов, меньшевики, Бунд, троцкисты.

В тот момент было очень трудно отказаться от картины истории человечества, которая была внедрена в сознание российской интеллигенции системой образования. А в среде левой интеллигенции эта картина была еще усилена философией Гегеля и марксизмом, понятийный аппарат которых сформировался в иной мировоззренческой системе, так что смыслы многих понятий и выводов в среде русских искажались (а часто не могли быть поняты)^[7].

Этот темный и многослойный смысл рассуждений Гегеля и Маркса очаровывал русскую интеллигенцию, хотя в них была большая доля евроцентризма, и прилагать эти рассуждения к социальной и политической реальности надо было очень осторожно. Признать, что Россия – самобытная цивилизация, что она может нарушить «правильный» ход истории, было для европейски образованного марксиста очень трудным шагом. Это значило внутренне признать правоту славянофилов, которые в среде социал-демократов выглядели архаическими реакционерами. Как уже было сказано, статья «Лев Толстой – зеркало русской революции» была страшной ересью.

По сути, уже в 1908 году Ленин отказывается от главных тезисов своей книги 1899 года и признает, что народники верно определили конечный идеал, устремление 85 % населения России, а значит, и грядущей русской революции. Это новое понимание и сделало Ленина вождем революции.

Ленин убедительно показал, что капитализм складывается периферийный, он несет России не прогресс, а одичание. Поэтому возможен союз рабочего класса и крестьянства. Революция, которую осуществит этот союз, будет не предсказанная Марксом пролетарская революция, устраняющая исчерпавший свою прогрессивную потенцию капитализм, а революция иного типа – предотвращающая установление в стране периферийного капитализма. Выдвижение этой программы означало полный разрыв с ортодоксальными марксистами (меньшевиками). Потому-то меньшевики оказались в союзе с

буржуазными либералами и даже участвовали в Гражданской войне в основном на стороне белых.

4. Крестьянская община в России: конфликт марксизма с ленинизмом

В отличие от марксистской теории классовой революции, в России создавалась теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран революция была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Русские революционные демократы, анархисты и народники (Герцен и Бакунин, Ткачев и народовольцы) видели в крестьянской общине социальную и культурную форму, обладающую большим революционным потенциалом. В 1905–1907 годах к этому выводу пришел и Ленин.

Это – принципиально иная теория, можно даже сказать, что она является частью другого представления о мироустройстве, нежели у Маркса. Между этими теориями не могло не возникнуть глубокого *философского* конфликта. А такие конфликты всегда вызывают размежевание и даже острый конфликт сообществ, исходящих из разных картин мира. Тот факт, что в России большевикам, следующим ленинской теории революции, приходилось маскироваться под марксистов, привел к тяжелым деформациям и в ходе революционного процесса, и в ходе социалистического строительства.

Напротив, отрицательное отношение к общине, особенно русской, акцентируется и проходит красной нитью через множество трудов Маркса и Энгельса. И отношение это было неизменно. Энгельс писал Каутскому (2 марта 1883 г.): «Где существует общность – будь то общность земли или жен, или чего бы то ни было, – там она непременно является первобытной, перенесенной из животного мира. Все дальнейшее развитие заключается в постепенном *отмирании* этой первобытной общности; никогда и нигде мы не находим такого случая, чтобы из первоначального частного владения развивалась в качестве вторичного явления общность».

Из такого взгляда и выводится представление о реакционности революций, опирающихся на крестьянскую общину и ставящих своей целью сопротивление капитализму. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли

в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, восточного деспотизма, от Индии до России. Только там, где они разложились, народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» [29, с. 186].

Это – плод западной философии капитализма, который уничтожил общину. А в России Д.И. Менделеев, размышляя о выборе такого пути *индустриализации*, при котором мы не попали бы в зависимость от Запада, писал: «В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение» (см. [41]).

Так оно и произошло – после революции русские крестьяне, вытесненные в город в ходе коллективизации, восстановили общину на стройке и на заводе в виде «трудового коллектива». Именно этот уникальный уклад со многими крестьянскими атрибутами (включая штурмовщину) во многом определил «русское чудо» – форсированную индустриализацию СССР.

В 1882 году в предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» за подписью «*Карл Маркс. Фридрих Энгельс*» сказано: «Спрашивается теперь: может ли русская община – эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей – непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?»

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [42].

Но русская община конца XIX века не была и просто не могла быть «формой *первобытного* общего владения землей». После реформы 1861 года община не разрушалась, а именно *укреплялась*.

Наконец, ни народникам, ни большевикам и в голову не приходило ожидать, чтобы община «*непосредственно* перешла в высшую, коммунистическую форму». Говорилось о *пути развития* с использованием общины как социокультурной системы, как большого общественного института. После революции 1905–1907 годов Ленину это было ясно.

Но главное – в этом предисловии ясно сказано, что русская революция, позволяющая избежать «того же процесса разложения, который присущ историческому развитию Запада», возможна только в том случае, если она будет «дополнена» пролетарской революцией на Западе. И в этом процессе роль русской революции – «послужить сигналом» западному пролетариату.

А в 1892 году Энгельс пишет народнику Н.Ф. Даниельсону (переводчику «Капитала»): «Если Россия и дальше пойдет по тому пути, на который она вступила в 1861 г., то крестьянская община обречена на гибель. Мне кажется, что именно сейчас это начинает сбываться... Боюсь, что нам придется рассматривать вашу общину как мечту о невозвратном прошлом и считаться в будущем с капиталистической Россией. Несомненно, таким образом будет утрачена великая возможность, но против экономических фактов ничего не поделаешь» [43, с. 265].

Чуть позже (22 сентября 1892 г.) Энгельс снова пишет письмо Даниельсону: «Если Россия после Крымской войны нуждалась в своей собственной крупной промышленности, то она могла иметь ее лишь в одной форме: в *капиталистической форме*. Ну а вместе с этой формой она должна была принять и все те последствия, которые сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах. Но я не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались чем-нибудь от того, что происходит или происходило в Англии, Германии, Америке» [43, с. 400].

Это ошибка! В России развитие капиталистической промышленности вело к антикапиталистической революции, и в 1892 году это уже было ясно, а в Англии, Германии и Америке ничего подобного не было. Эмпирических данных, для того чтобы резкие различия можно было увидеть, имелось в 1892 году вполне достаточно, но Энгельс верил догме, а не реальности.

Поразительно, до какой степени Энгельс противоречил известным экономическим фактам. А.В. Чаянов пишет на основании строгих исследований: «В России в период начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г. в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам... Арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих земель можно получить при капиталистической их эксплуатации» [44, с. 407].

И это было не аномалией, а общим для России правилом. После 1905 г. покупка земли общинами и аренда земли у землевладельцев нарастала. Историк В.В. Кабанов пишет: «Все более определяющей становилась тенденция к перемещению центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйство крестьянское, прогресс в мелкотоварных хозяйствах становился заметнее. Накануне Первой мировой войны крестьяне производили 92,6 % совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства, а помещики – только 7,4 %» [45].

Энгельс вернулся через 20 лет (!) к своей полемике с Ткачёвым, чтобы сказать в ней последнее слово. Он пишет свое известное «Послесловие», в котором дает за себя и за Маркса окончательное суждение о русской общине: «Инициатива подобного преобразования русской общины может исходить исключительно лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства общественно управляемым производством – вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития. В самом деле: нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождает из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения...

Исторически невозможно, чтобы обществу, стоящему на более низкой ступени экономического развития, предстояло разрешить

задачи и конфликты, которые возникли и могли возникнуть лишь в обществе, стоящем на гораздо более высокой ступени развития... Каждая данная экономическая формация должна решать свои собственные, из нее самой возникающие задачи; браться за решение задач, стоящих перед другой совершенно чуждой формацией, было бы абсолютной бессмыслицей» [46, с. 444–445].

Даже монархическая верхушка пришла к выводу, что крестьянская община становится источником главной угрозы для общественного и политического строя царской России. В мае 1905 года была составлена записка шести старейших сановников о путях преодоления политического кризиса («записка А.Н. Куломзина»). Она опровергала официальную точку зрения на крестьянство как консервативную и монархически настроенную силу. Корень проблемы старые сановники видели в существовании «в низших слоях населения инстинктивного стремления к ниспровержению частной собственности» и в том, что «общинные порядки» поддерживают это стремление [80].

В 1910 году Ленин пишет в связи со смертью Л.Н. Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которое стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг... несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...» [48].

Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение.

5. О характере русской революции

Первым критическим моментом в расколе российской социал-демократии стала революция 1905–1907 годов, которая явно пошла как раз по тому пути, который был отвергнут и осужден Марксом и Энгельсом. Марксисты оказались перед историческим выбором: включиться в эту революцию или остаться верными учению Маркса и противодействовать этой революции («будущему Октябрю»). Фракция большевиков, возглавляемая Лениным, извлекла уроки из первого акта русской революции и примкнула к революционным народным массам. Меньшевики остались с учением Маркса.

В момент написания «Развития капитализма в России» Ленин следовал тезису о неизбежности прохождения России через господство капиталистической формации. Он делает в этой книге важное утверждение: «Строй экономических отношений в “общинной” деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада, а обыкновенный мелкобуржуазный уклад... Русское общинное крестьянство – не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его» [53, с. 165].

Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной. Да и Троцкий о революции 1905 г. сказал: «Наша революция убила нашу “самобытность”. Она показала, что история не создала для нас исключительных законов».

И даже в первый период после революции 1905–1907 годов отстаивал представление об этой революции как буржуазной. В статье «Аграрный вопрос и силы революции» (1907) Ленин писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства [52].

Главным противоречием, породившим русскую революцию, считалось сопротивление традиционных укладов (община, крепостничество) прогрессивному капитализму. Исходом революции в

любом случае будет «чисто капиталистическое» хозяйство. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы буржуазной революции: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода:

Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, “юнкерское” хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества» [53, с. 14–15].

Эти предвидения не сбылись. Революция свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился. Сегодня более убедительной надо считать концепцию, которая представляет русскую революцию как начало мировой волны крестьянских войн, вызванных именно сопротивлением крестьянского традиционного общества против разрушающего воздействия капитализма (против «раскрестьянивания»). В колыбели капитализма, Западной Европе, эти «антибуржуазные» революции потерпели поражение, а на периферии – победили или оказали огромное влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Мексике, Индонезии, Вьетнаме и Алжире.

Если так, то данный Лениным в «Развитии капитализма в России» диагноз и главного противоречия, и движущей силы, и альтернативных исходов революции был ошибочным. Именно урок революции 1905–1907 годов и сопротивление реформы Столыпина заставили Ленина пересмотреть представление о роли крестьянства в русской революции. В июле 1905 года возникла первая в истории общенациональная крестьянская организация – Всероссийский крестьянский союз. Уже на учредительном съезде он высказался против частной собственности на землю. К концу 1907 г. Союз прекратил существование, но роль сыграл большую. Ленин писал о нем: «Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, но,

безусловно, “почвенная”, реальная организация масс, безусловно, революционная в своей основе».

Трудно было отказаться от авторитетной доктрины, и Ленин сформулировал весьма противоречивое объяснение типа революции: буржуазная, вопреки контрреволюционной буржуазии. Он публиковал три статьи на эту тему (в т. 17 Полного собрания сочинений). В статье «О природе русской революции» (8 апреля 1908 г.) он пишет: «Природа великой буржуазной революции в крестьянской России такова, что только победа крестьянского восстания, немыслимая без руководящей роли пролетариата, способна привести эту революцию к победе вопреки имманентной контрреволюционности буржуазного либерализма».

В статье «К оценке русской революции» (23 мая 1908 г.) сказано: «Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная подавленность его крепостническим (наполовину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата – все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не устраняет буржуазного характера революции (как пытались представить дело Мартов и Плеханов в своих более чем неудачных замечаниях о позиции Каутского). Эта особенность обуславливает лишь контрреволюционный характер нашей буржуазии и необходимость диктатуры пролетариата и крестьянства для победы в такой революции» [99].

В статье «“Левение” буржуазии и задачи пролетариата» (8 апреля 1909 г.) дана особенно парадоксальная формулировка: «Первая кампания нашей буржуазной революции (1905–1907 годы) неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, доказала способность нашего пролетариата быть вождем победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной» [100].

Принципиально Ленин отошел от понятия буржуазной революции (стараясь не обострять конфликта) после февраля 1917 г., в Апрельских тезисах. С этого момента его главные стратегические

установки шли вразрез с «всеобщими законами» исторического материализма. Но официальное советское обществоведение не поднялось до того, чтобы это объяснить. Т. Шанин писал: «Плодотворная противоречивость творческого ума Ленина попросту отрицается».

В дальнейшем даже К. Каутский признавал несводимость революции 1905–1907 годов к формуле «буржуазной революции»: «Русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации».

Т. Шанин пишет: «Какими бы ни были ранние взгляды Ленина и более поздние комментарии и конструкции, он был одним из тех немногих в лагере русских марксистов, кто сделал радикальные и беспощадные выводы из борьбы русских крестьян в 1905–1907 гг. и из того, в чем она не соответствовала предсказаниям и стратегиям прошлого. Вот почему к концу 1905 г. Россия для него уже не была в основном капиталистической, как написано в его книге 1899 г.» [8, с. 279].

Это – совершенно новая трактовка революции, *протест против надвигающегося капитализма* никак нельзя назвать буржуазной революцией! Ленин осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно *предотвращение* этого господства – стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Можно даже сказать, что крестьянская революция была более *антибуржуазной*, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария – лишь партнеры на рынке, спорящие о цене.

Ленин пересмотрел модель Маркса в отношении России и порвал с марксистским взглядом на крестьянство как на реакционную мелкобуржуазную силу. Это был разрыв с западным марксизмом.

Революция союза рабочих и крестьян была мотивирована стремлением *не пойти* по капиталистическому пути развития. Ортодоксальные марксисты (меньшевики) эту теорию не приняли, и конфликт с большевиками углубился.

Таким образом, в России созревали две не просто разные, но *враждебные* друг другу революции. Одна из них – та, о которой мечтали Маркс и Энгельс. Это революция западническая, имевшая целью ликвидацию монархической государственности и империи, установление демократии западного типа и свободного капиталистического рынка. Главной партией были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры.

Другая революция – рабоче-крестьянская (советская), имевшая целью *закрыть* Россию от западной демократии и свободного рынка, национализировать землю помещиков и общинную землю, не допустить «раскрестьянивания» посредством разделения крестьян на классы сельской буржуазии и сельского пролетариата. К этой революции примкнули рабочие с их еще крестьянским общинным мировоззрением и образом действия (например, способом организации в трудовые коллективы заводов и в подпольные общины революционеров). Такую революцию Маркс и Энгельс считали реакционной, поскольку она прямо была направлена на то, чтобы остановить колесо капиталистического прогресса.

Каждое из этих революционных течений имело двух главных врагов – *самодержавие* и *альтернативную революцию*. Конъюнктурно они на короткий период могли быть и союзниками (конкретно в феврале 1917-го, во время свержения монархии, хотя в тот момент большой политической силой большевики не располагали).

Мы учили, что в феврале 1917 года в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию, а затем эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Потом силы «старой России» собрались и летом 1918 года при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти. Эта картина неверна, не в деталях, а в главном. Не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла». И в Гражданской войне

против советской власти воевали не силы «старой России» (монархисты), а революционные «силы Февраля».

Почему большевики, опираясь на Советы и армию, так легко отодвинули от власти Временное правительство? Потому, что все чувствовали расхождение траекторий Февральской и Октябрьской революций, а Ленин внятно и убедительно высказал это чувство как формулу исторического выбора, от которого никто не мог уклониться. И подавляющее большинство не приняло проекта западников. Даже значительная часть буржуазии и дворянства не желала втягивания России в периферийную зону Запада – скрепя сердце приняла власть большевиков.

Офицерство стало отходить от Временного правительства сразу после краха монархии. Выехав 5 апреля на фронт, военный министр (Гучков) был поражен, что генералы подумывали о том, чтобы вступить в партию эсеров. Он писал: «Такая готовность капитулировать перед Советом даже со стороны высших военных, делавших карьеру при царе, парализовала всякую возможность борьбы за укрепление власти Временного правительства».

Показательно разделение офицерства старой армии. В Красной армии служили 70–75 тыс. этих офицеров, т. е. 30 % (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40 %) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой – 750. Из 100 командармов, которые были в Красной армии в 1918–1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами. Можно сказать, что цвет российского офицерства разделился между *красными* и *белыми* пополам. При этом офицеры, за редкими исключениями, вовсе не становились на «классовую позицию» большевиков и не вступали в партию (приглашая их к строительству новой армии, советская власть взяла обязательство «не посягать на их политические убеждения»). Они выбрали *красных* как выразителей определенного цивилизационного пути, который принципиально расходился с тем, по которому пошли *белые*.

Стоит прочесть воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», с которым обратилась большая группа бывших генералов русской армии во главе с Брусиловым. Такого шага царских

генералов не купишь – большевики заслужили его не речами и обещаниями, а совокупностью своих действий, включая мелкие и каждодневные, отражавшие общий вектор их устремлений. Даже великий князь Александр Михайлович, видя безвыходность положения белых, ставших пособниками Запада, написал: «На страже русских национальных интересов стоит не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

Ортодоксальные марксисты выступили против Октябрьской революции потому, что она прерывала «правильный» процесс смены экономических формаций и угрожала не дать капитализму в России развиваться вплоть до исчерпания его возможностей в развитии производительных сил. Сразу после революции, 28 октября 1917 года Плеханов опубликовал открытое письмо петроградским рабочим, в котором предрекал поражение Октябрьской революции: «В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было.

Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру? Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь, ответит на этот вопрос решительным отрицанием.

Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России» [54].

И меньшевики, и эсеры верно указали на тот факт, что представления Ленина о русской революции означали отход от марксизма к концепции народников. Эсер Чернов писал в эмиграции: «Русские народники-максималисты пророчески предвосхитили в своих фантазиях едва ли не все крупнейшие большевистские эксперименты».

Лидер Бунда (еврейской социал-демократической партии) М. Либер (Гольдман) писал (в 1919 г.): «Для нас, “непереучившихся” социалистов, не подлежит сомнению, что социализм может быть осуществлен прежде всего в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития, – Германия, Англия и Америка – вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений. Между тем с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов... Эта теория очень старая; корни ее – в *славянофильстве*» (цит. в [55, с. 294]).

На Западе оценки были еще жестче. Пауль Шиман, развивая мысль К. Каутского, писал: «Духовная смерть, внутреннее окостенение, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собой азиатизацию Европы» (цит. в [55, с. 288]).

Разрыв с меньшевиками было настолько острым, что их лидеры после поражения интервентов и белых призывали социалистов Запада к крестовому походу против советской власти. Вот выдержки из документа, который называют «Политическим завещанием» лидера меньшевиков Аксельрода (письмо Ю.О. Мартову, сентябрь 1920 г.). Он пишет, обращаясь к социал-демократам Европы, о большевиках:

«...И все это проделывалось под флагом марксизма, которому они уже до революции изменяли на каждом шагу. Самой главной для всего интернационального пролетариата изменой их собственному знамени является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России в то время, когда в экономически наиболее развитых странах еще царит капитализм. Вам мне незачем напоминать, что с первого дня своего появления на русской почве марксизм начал борьбу со всеми русскими разновидностями утопического социализма, провозглашавшими Россию страной, исторически призванной перескочить от крепостничества и полупримитивного капитализма прямо в царство социализма. И в этой борьбе Ленин и его литературные сподвижники активно участвовали.

Совершая Октябрьский переворот, они поэтому совершили принципиальную измену и предприняли преступную геростратовскую авантюру, с которой их террористический режим и все другие преступления неразрывно связаны, как следствие с причиной.

Большевизм зачат в преступлении, и весь его рост отмечен преступлениями против социал-демократии. Не из полемического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию прямо, как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии... А мы противники большевиков именно потому, что всецело преданы интересам пролетариата, отстаиваем его и честь его международного знамени против азиатчины, прикрывающейся этим знаменем... В борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом...

Тот факт, что законность или необходимость этого крепостнического режима мотивируется, хотя бы и искренно, соображениями революционно-социалистическими или коммунистическими, не ослабляет, а усугубляет необходимость войны против него не на жизнь, а на смерть, – ради жизненных интересов не только русского народа, но международного социализма и международного пролетариата, а быть может, даже всемирной цивилизации...

Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... и в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции» [56].

Таким образом, тезис о реакционности революции при незрелых классовых отношениях был важным оправданием развязывания Гражданской войны против советской власти, а в 80-е годы – оправданием уничтожения советского строя.

6. Образ советского народного хозяйства при Ленине

Придя в России к власти и начав грандиозный советский проект, большевики приняли в качестве официальной идеологии учение, объясняющее совершенно иной тип общества и хозяйства и заведомо не дающее ответа на вызов времени. Это несоответствие маскировалось бедствиями и перегрузками, которые заставляли действовать просто с позиций здравого смысла в очень узком коридоре возможностей. Но оно выявилось в благополучный период «застоя».

А в начале пути догмы политэкономии и реальное хозяйство не пересекались. Стали быстро восстанавливаться традиционные («естественные», по выражению М. Вебера) взгляды на хозяйство и производственные отношения. Главными укладами становились трудовая крестьянская семья и вертикальная кооперация на селе (изученные А.В. Чаяновым), малые предприятия традиционного капитализма (НЭП в городе), первые крупные предприятия социалистического типа в промышленности.

Поразительно, что воспитанный в марксизме Ленин, став во главе правительства, смог моментально проникнуться мышлением и чувством экономики в смысле Аристотеля^[8]. Когда читаешь его документы и об «очередных задачах», о гидроторфе или обводнении нефтяных скважин Баку, видишь хозяина, воспринимающего мир во всей его материальной фактуре, как воспринимает его мастер. Здесь и следа нет хрематистики и трудовой теории стоимости.

Маркс отмечал кардинальное отличие основного уклада капиталистического общества от хозяйства некапиталистического (на примере экономики античной древности) в отношении использования техники: «Единственной руководящей точкой зрения здесь [в экономике] является сбережение труда для самого работника, а не сбережение цены труда». Он приводит стихотворение Антипатера, современника Цицерона, посвященное изобретению водяных мельниц [38]. Поэт радостно обращается к работницам:

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом кружат глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой».

В главах «Капитала» VIII и XIII («Рабочий день» и «Машины») Маркс показывает, что в условиях капитализма введение машин приводит к интенсификации труда и стремлению хозяина удлинить рабочий день, и противодействие этому оказывает лишь сопротивление рабочих. Да и Адам Смит видел смысл разделения труда лишь в том, чтобы рабочий производил больше продукта, – ему и в голову не приходило, что улучшение техники и организации может быть использовано для сокращения рабочего дня при том же количестве продукта. А вот как Ленин в статье «Одна из великих побед техники» излагает выгоды предложенного Рамзаем способа подземной газификации угля, почти словами поэта Антипатера из Тесалоники:

«При социализме применение способа Рамсея, “освобождая” труд миллионов горнорабочих, позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру, до 7, а то и меньше. “Электрификация” всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавят миллионы “домашних рабынь” от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне» [36].

Сложной проблемой оказалось представление о *национализации промышленности*. Причины и ход национализации промышленных предприятий после Октября 1917 года в официальной советской истории были искажены ради упрощения. Они были представлены как закономерный, вытекающий из марксизма процесс. На деле этот шаг Советского государства был сделан *вопреки* намерениям правительства

и совершенно вопреки теории. Взяв власть при полном распаде и саботаже госаппарата, советское правительство и помыслить не могло взвалить на себя функцию управления всей промышленностью.

Эта проблема имела и важное международное измерение. Основной капитал главных отраслей промышленности принадлежал иностранным банкам. В горной, горнозаводской и металлообрабатывающей промышленности 52 % капитала было иностранным, в паровозостроении – 100 %, в электрических и электротехнических компаниях – 90 %, все имеющиеся в России 20 трамвайных компаний принадлежали немцам и бельгийцам и т. д. Никакие теории не могли предсказать последствий национализации такого капитала – в истории не было опыта.

Был выбран умеренный вариант, и в основу политики ВСНХ была положена ленинская концепция «государственного капитализма». Готовились переговоры с промышленными магнатами о создании крупных трестов с половиной государственного капитала (были проекты с крупным участием американского капитала). Это вызвало резкую критику «слева» как отступление от социализма, своего рода «Брестский мир в экономике». Примечательно, что к этой критике присоединились левые эсеры и даже меньшевики, которые до этого обвиняли Советское государство в преждевременности социалистической революции. Спор о месте государства в организации промышленности перерос в одну из самых острых дискуссий в партии.

Чтобы противостоять национализации предприятий, нужна была не только смелость, но и чувство меры – и близость к массам, совершающим ошибку. Ленин сдерживал порывы, но не доводя до конфликта, не обескураживая людей. Выступая в апреле 1918 года, Ленин сказал: «Всякой рабочей делегации, с которой мне приходилось иметь дело, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: вам угодно, чтобы ваша фабрика была конфискована? Хорошо, у нас бланки декретов готовы, мы подпишем в одну минуту. Но вы скажите: вы сумели производство взять в свои руки, и вы подсчитали, что вы производите, вы знаете связь вашего производства с русским и международным рынком? И тут оказывается, что этому они еще не научились, а в большевистских книжках про это еще не написано, да и в меньшевистских книжках ничего не сказано» [40].

Ленин всеми силами стремился избежать «обвальной» национализации, остаться в рамках государственного капитализма, чтобы не допустить развала производства. На это не пошли капиталисты, и с этим не согласились рабочие. В недостатке революционности Ленина тогда обвиняли не только троцкисты, но и меньшевики, которых мы по привычке считали умеренными реформистами.

Ленин требовал налаживать производство и нормальные условия жизни, контроль и дисциплину, требовал от рабочих технологического подчинения «буржуазным специалистам». И в апреле 1918 года меньшевики в газете «Вперед» заявили о солидарности с левыми коммунистами: «Чуждая с самого начала истинно пролетарского характера политика советской власти в последнее время все более открыто вступает на путь соглашения с буржуазией и принимает явно антирабочий характер... Эта политика грозит лишить пролетариат его основных завоеваний в экономической области и сделать его жертвой безграничной эксплуатации со стороны буржуазии».

Но события пошли не так, как задумывалось по плану умеренного варианта. Английский историк Э. Карр, написавший «Историю Советской России» (до 1929 г.) в 14 томах, писал о первых месяцах после Октября: «Большевиков ожидал на заводах тот же обескураживающий опыт, что и с землей. Развитие революции принесло с собой не только стихийный захват земель крестьянами, но и стихийный захват промышленных предприятий рабочими. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, революционная партия, а позднее и революционное правительство оказались захвачены ходом событий, которые во многих отношениях смущали и обременяли их, но, поскольку они [эти события] представляли главную движущую силу революции, они не могли уклониться от того, чтобы оказать им поддержку» [39, с. 449].

Требую национализации, обращаясь в Совет, в профсоюз или в правительство, рабочие стремились прежде всего сохранить производство (в 70 % случаев эти решения принимались собраниями рабочих потому, что предприниматели не закупили сырье и перестали выплачивать зарплату, а то и покинули предприятие). Реальной причиной было то, что многие владельцы крупных предприятий

повели дело к распродаже основного капитала и ликвидации производства.

С весны 1918 года ВСНХ в случае, если не удавалось договориться с предпринимателями о продолжении производства и поставках продукции, ставил вопрос о национализации. Невыплата зарплаты рабочим за один месяц уже была основанием для постановки вопроса о национализации, а случаи невыплаты за два месяца подряд считались чрезвычайными.

После Брестского мира положение кардинально изменилось. Было снято предложение о «государственном капитализме», и одновременно отвергнута идея «левых» об автономизации предприятий под рабочим контролем. Был взят курс на немедленную планомерную и полную национализацию. Против этого «левые» выдвинули аргумент, который затем был развит в трудах Троцкого и безотказно работал восемь десятилетий: согласно которому при национализации «ключи от производства остаются в руках капиталистов» (в форме специалистов), а рабочие массы отстраняются от управления. В ответ на это было указано, что восстановление производства стало такой жизненной необходимостью, что ради него надо жертвовать теорией^[9]. СНК принял решение о национализации всех важных отраслей промышленности, о чем и был издан декрет.

В декрете было сказано, что до того, как ВСНХ сможет наладить управление производством, национализированные предприятия передаются в безвозмездное арендное пользование прежним владельцам, которые по-прежнему осуществляют финансирование производства и извлекают из него доход. То есть, юридически закрепляя предприятия в собственности РСФСР, декрет не влек никаких практических последствий в экономической сфере. Он лишь в спешном порядке отвел угрозу германского вмешательства в хозяйство России. Вскоре, однако, гражданская война заставила установить реальный контроль над промышленностью.

После войны был восстановительный период НЭПа, но одновременно создавались структуры, необходимые для развития того хозяйства, черты которого прояснились уже в 1918 году.

7. Образ будущего СССР в марксизме и у Ленина

Едва ли не самой сложной задачей государства и общества является создание *образа будущего*. Образ будущего собирает людей в народ, обладающий волей. Предвидение позволяет *проектировать будущее*, осуществляя *целеполагание*. Это соединяет людей в народы и нации, наполняет действия каждого общим смыслом. В то же время образ будущего создает саму возможность *движения* (изменения), задавая ему направление.

Для создания образа будущего необходим поток идей особого типа – *откровения* (т. е. *открытие будущего*). Эта работа ума и чувства оформилась в древности. В истории была эпоха *пророков*. Это выдающиеся деятели, сочетавшие в своих речах религиозное, художественное и рациональное сознание. Их деятельность закладывала основы мировых религий. Пророки, «слышащие глас Божий», объясняли судьбы народов и человечества. Они приобретали такой авторитет, что их прорицания задавали матрицу для строительства культуры, политических систем и нравственных норм. *Пророчество* как способ построения образа будущего было и в Новое время. Такова была роль Маркса, который, судя по структуре своего учения, был прежде всего пророком.

Становление программы Ленина – поучительная война альтернативных «образов будущего». Ему пришлось спорить с пророком, которому внимало большинство интеллигенции России в предчувствии катастрофического преобразования жизнеустройства.

Первое большое столкновение произошло по вопросу о том, может ли в России победить социалистическая революция без предварительной революции пролетариата развитых промышленных стран. Речь шла об одной из центральных догм марксизма. Она была столь важна для всей конструкции учения Маркса, что он считал «преждевременную» революцию в России, выходящую за рамки буржуазно-демократической, явлением *реакционным*.

Уже в «Немецкой идеологии», которая была сжатым резюме всей доктрины марксизма, Маркс и Энгельс отвергали саму возможность

социалистической революции, совершенной угнетенными народами в «отставших» западных странах. Они писали: «Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное “сразу”, одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения... Пролетариат может существовать, следовательно, только во всемирно-историческом смысле, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как “всемирно историческое” существование» [23, с. 33–34].

Отсюда вывод, что, согласно учению марксизма, коммунистическая революция в России была невозможна по таким причинам:

- русские не входили в число «господствующих народов»;
- Россия не включилась в «универсальное развитие производительной силы» (то есть в единую систему западного капитализма);
- русский пролетариат еще не существовал «во всемирно-историческом смысле», а продолжал быть частью общинного крестьянского космоса;
- господствующие народы еще не произвели пролетарской революции «сразу», одновременно.

Ни одно из условий, сформулированных Марксом и Энгельсом как необходимые, не выполнялось к 1917 году.

Более того, развивая свою теорию пролетарской революции, Маркс много раз подчеркивал постулат глобализации капитализма, согласно которому капитализм должен реализовать свой потенциал во всемирном масштабе – так, чтобы весь мир стал бы подобием одной нации. Он пишет в «Капитале»: «Для того чтобы предмет нашего исследования был в его чистом виде, без мешающих побочных обстоятельств, мы должны весь торгующий мир рассматривать как одну нацию и предположить, что капиталистическое производство закрепилось повсеместно и овладело всеми отраслями производства» [16, с. 594].

Но Ленин мыслил как ученый – изучал историю и актуальную реальность, а из этого выводил наиболее вероятные тенденции. И так еще в августе 1915 г. высказал вывод: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон

капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран» [22].

Этот вывод был, по выражению Бурдье, «еретическим бунтом» против марксизма.

Тезис Ленина о возможности победы социализма в одной стране не был туманным пророчеством. Он вытекал из *знания*, полученного строгим анализом реального развития капитализма не как равномерного распространения во всемирном масштабе, а как неравновесной системы центр – периферия. Из него вытекало, что русским трудящимся нет смысла ждать революции «господствующих народов», поскольку они совместно со своей буржуазией эксплуатируют пролетариат периферии. И Ленин осознанно утверждал, что Россия станет социалистической без всемирной пролетарской революции.

В одной из последних работ 6 января 1923 г. он пишет: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточной культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции, чтобы оказаться вполне социалистической страной» [21].

Предметом предвидения здесь был стратегический вопрос национальной повестки дня России – СССР. Позиции стали радикальными, Троцкий писал в работе «Наша революция» (1922 г.): «Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты».

Большинство в России (и уже в СССР) поверило Ленину, а не Троцкому.

Следующим основанием, по которому российские либералы и социал-демократы отвергали советский проект, был прогноз Маркса о том, каким будет тот уравнилельный «казарменный коммунизм», если произойдет не пролетарская, а рабоче-крестьянская («народная») революция. Маркс так представлял «преждевременный» коммунизм, который возникает «без наличия развитого движения частной собственности», как это и было в России в начале XX века:

«Коммунизм в его первой форме... имеет двойкий вид: во-первых, господство *вещественной* собственности над ним так велико, что он стремится уничтожить *все* то, чем *на началах частной собственности* не могут обладать все; ...категория *рабочего* не отменяется, а распространяется на всех людей...

Всеобщая и конституирующаяся, как власть, *зависть* представляет собой ту скрытую форму, которую принимает *стяжательство* и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет... Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме... Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее.

Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность *труда* и равенство *заработной платы*, выплачиваемой общинным капиталом, *общиной* как всеобщим капиталистом. ...Таким образом, первое положительное упразднение частной собственности, *грубый* коммунизм, есть только *форма проявления* гнусности частной собственности» [20, с. 114–115].

Эта футуралистическая конструкция укрепила антисоветские убеждения меньшевиков в 1917–1921 годах и интеллектуальной команды Горбачева и Ельцина в конце 80-х и начале 90-х годов XX века. Советский коммунизм был объявлен выражением зависти и жажды нивелирования, он якобы отрицал личность человека и весь мир культуры и цивилизации, он возвращал нас к неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не дорос еще до частной собственности.

Советская власть уже на первом этапе успешно выполнила едва ли не главную задачу государства – задачу *целеполагания*, собирания общества на основе понятной цели объединяющего образа будущего. Г. Уэллс, назвав Ленина кремлевским мечтателем, в то же время признал, что его партия «была единственной организацией, которая давала людям единую установку, единый план действий, чувство взаимного доверия... Это было единственно возможное в России идейно сплоченное правительство» [24].

Другой узел противоречий относительно образа будущего России был связан с выбором цивилизационной траектории. Это было продолжение того же раскола, который разделил большевиков и меньшевиков после революции 1905 года. Речь шла об отношении к крестьянству и их требованию национализации земли. За этим расколом стояли разные представления о модернизации – или с опорой на структуры традиционного общества, или через культурную революцию как демонтаж этих структур. Представления крестьян о благой жизни (образ царства справедливости) были подробно изложены крестьянами в годы революции 1905–1907 годов, и перед социал-демократами стоял вопрос: принять их или следовать установкам марксизма.

На IV (объединительном) съезде РСДРП Ленин предложил принять требование национализации земли, которое было крестьянским лозунгом революции 1905 года. Это было настолько несовместимо с догмами марксизма, что против Ленина выступили не только меньшевики, но и почти все большевики. Сам Плеханов так понял поворот Ленина: «Ленин смотрит на национализацию [земли] глазами социалиста-революционера. Он начинает даже усваивать их терминологию – так, например, он распространяется о пресловутом народном творчестве. Приятно встретить старых знакомых, но неприятно видеть, что социал-демократы становятся на народническую точку зрения».

Взятый Лениным курс на *союз рабочего класса и крестьянства* был встречен в штыки не только ортодоксальными марксистами (как, например, Г.В. Плеханов), но и частью интеллигенции, близкой к большевикам. Действительно, принятие большевиками главных требований крестьян (национализация земли) и идеи советской государственности, идущей от опыта общинного самоуправления,

означали важный отход от марксизма и от установки на усиление *классовой* структуры общества. Это чутко уловил А.М. Горький, который колебался между либерализмом и марксизмом. Он писал: «Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои “тезисы”, я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству» [19].

По сути, фракционная борьба в советском политическом руководстве отражала расхождения в вопросе о выборе цивилизационного пути, который даже после победы в гражданской войне не был «снят». Та борьба, которую «классовики» вели в годы НЭПа против лозунга «лицом к деревне» или в Пролеткульте, продолжала конфликт, вызванный Апрельскими тезисами.

Именно представления о мироощущении подавляющего большинства людей России в тот период, а не социальная теория, породили русскую революцию и предопределили ее характер. Ленин, когда решил сменить название партии с РСДРП(б) на РКП(б), понял, что революция занесла не туда, куда предполагали социал-демократы, — она не то чтобы «проскочила» социал-демократию, она пошла по своему, иному пути.

В этом и есть суть развода коммунистов с социал-демократами в России: массы сочли, что могут не проходить через страдания капитализма, а проскочить сразу в пострыночную жизнь. Идея народников (пусть обновленная) победила в большевизме, как не старался Ленин следовать за Марксом. В принципе, опыт СССР показал, что миновать «кавдинские ущелья капитализма» было возможно, но сейчас нас пытаются вернуть на «столбовую дорогу». Велик соблазн!

8. Русский либерализм: провалы кадетов

Немного об истории кадетов. Становление этой российской либеральной партии началось с издания в июле 1902 г. в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение», редактором которого был известный философ, «легальный марксист» Б.П. Струве. В 1903 году возникли две организации – «Союз освобождения» и «Союз земцев-конституционалистов». Они и образовали партию на съезде в октябре 1905 года в Москве, на волне революции. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею *социальной* революции, хотя и признавали возможность, в крайнем случае, революции *политической*.

В столкновении мнений о выборе образа будущего для России кадеты были необходимым участником. Они очень многое поняли и объяснили. Кадеты были интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи.

Философы кадетов в совокупности представляли интеллектуальное сообщество с очень широким диапазоном фундаментальных и актуальных проблем. Многие из них прошли школу марксизма, многие углубились в историю России и Запада, другие – в религию или науку. Они не были реакционерами и мещанами. Вот суждение академика В.И. Вернадского в момент формирования партии кадетов, членом ЦК которой он стал: «Социализм явился прямым и необходимым результатом роста научного мировоззрения; он представляет из себя, может быть, самую глубокую и могучую форму влияния научной мысли на ход общественной жизни, какая только наблюдалась до сих пор в истории человечества... Социализм вырос из науки и связан с ней тысячью нитей; бесспорно, он является ее детищем, и история его генезиса – в конце XVIII, в первой половине XIX столетия – полна с этой точки зрения глубочайшего интереса» [101].

М. Вебер, внимательно изучая революцию 1905 года и концепции российских либералов, считал, что происходящие в России процессы имели важное значение для мирового обществоведения. Это было первое крупномасштабное столкновение крестьянского общества с наступающим на него современным капитализмом. Такое столкновение давало очень ценное знание как о капитализме, так и о его противнике – традиционном обществе. Вебер даже изучил русский язык, чтобы следить за ходом событий.

Анализируя проекты кадетов, Вебер предвидел, что в случае поражения монархии через прорванную кадетами плотину хлынет мощный *антибуржуазный* революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, которую предлагали кадеты, «по всей вероятности, мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», – вот вывод Вебера. Таким образом, их реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

Вебер писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг – царское правительство – не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно разобрать ее сегодня. Неудача кадетов очень важна для понимания России.

Вне союза с «красными» кадеты не только не имели бы связи с массами, но и не представляли бы никакого серьезного партнера для власти. Связь кадетов с демократическим движением во время революции была, если можно так выразиться, идеальной, в ней не было социального субстрата. Кадеты в своих либерально-буржуазных устремлениях оказывались между входящими в конфликт классами и сословиями, не вбирая в себя силу никакого класса. Ленин отзывался о кадетях резко: «кадеты – могильные черви революции». Но если отвлечься от обидной фразеологии, то эта характеристика совпадает с самооценкой кадетов. Когда кадеты после поражения революции стали быстро сдвигаться вправо, он так писал о них: «Вы зовете себя партией народной свободы? Подите вы! Вы – партия мещанского обмана народной свободы, партия мещанских иллюзий насчет

народной свободы... Вы – партия слов, а не дела, обещаний, а не исполнений, конституционных иллюзий, а не серьезной борьбы за настоящую (не бумажную только) конституцию» [26].

После Февраля кадеты сразу заняли главенствующее положение во Временном правительстве и фактически вырабатывали его программу. Милюков стал министром иностранных дел. Находясь во власти, они быстро сдвигались вправо, отходя даже от своих программных принципов. Так, будучи демократами и считая насилие принципиально неприемлемым средством, они летом 1917 года сделали ставку на военную диктатуру и участвовали в организации попытки военного переворота Л.Г. Корнилова. Это означало конец либерально-демократического проекта в России начала XX века. После провала Корниловского путча кадетов удалили из Временного правительства, и это резко ослабило и те партии, которые находились в коалиции с кадетами (прежде всего меньшевиков).

Строго говоря, Октябрьская революция была «реставрацией» после того, как в Феврале кадеты пустили революцию по буржуазно-либеральному пути. Этим и объясняется переход на сторону красных большого числа видных российских консерваторов и массовый переход рядовых членов Союза русского народа («черносотенцев»). С.Н. Булгаков в своем трактате «На пиру богов», в котором он «моделировал» расстановку социальных сил в революционной России, представил этот взгляд в рассуждениях Генерала: «Уж очень отвратительна одна эта мысль об окадеченной “конституционно-демократической” России. Нет, лучше уж большевики: style russe, сарынь на кичку! Да, из этого еще может толк выйти, им за один разгон Учредительного собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести. А вот из мертвой хватки господ кадетов России живую не выбраться б» [25].

Историк-эмигрант А. Кустарев, изучавший «русские студии» М. Вебера, пишет: «Самое, кажется, интересное в анализе Вебера – то, что он обнаружил драматический парадокс новейшей истории России. Русское общество в начале XX века оказалось в положении, когда оно было вынуждено одновременно “догонять” капитализм и “убегать” от него. Такое впечатление, что русские марксисты (особенно Ленин) вполне понимали это обстоятельство и принимали его во внимание в своих политических расчетах, а также в своей зачаточной теории

социалистического общества. Их анализ ситуации во многих отношениях напоминает анализ Вебера» [18].

Это верное замечание, и надо только удивляться, что к сходным выводам Вебер и Ленин пришли, исходя из совершенно разных философских посылок.

9. «Империализм как высшая стадия капитализма» и ориентиры для революции

Накануне 1917 года Ленин, будучи в Цюрихе, написал очень важный труд «Империализм как высшая стадия капитализма». Заглавие академическое, а под ним актуальный анализ реальности и стратегический вывод для всех политических сил России, которые в этот момент втягивались в революционное столкновение. Более того, этот анализ и вывод показывали несостоятельность доктрины мировой пролетарской революции, разработанной Марксом и которой следовали западные социал-демократы и большинство марксистов в России (легальные марксисты партии кадетов, меньшевики и эсеры).

В этой работе, напечатанной в середине 1917 года в Петрограде, показывается неадекватность модели развития всемирной системы капитализма, из которой Маркс выводил теорию революции, и дается представление о модели мировой системы с центром метрополии капитализма и периферии – колониальных и зависимых стран, экономика которых «дополняет» хозяйство метрополии. В дополнение к совершенному В.И. Лениным ранее (после революции 1905–1907 гг.) отходу от марксистских представлений о крестьянстве «Империализм...» стал необходимым блоком для выработки концепции антикапиталистической революции «*в одной стране*» – вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции и руководства к действию.

Его внимательное изучение исключительно важно для нас сегодня для обсуждения и понимания следующих проблем: адекватности главных моделей марксизма (политэкономии, исторического материализма, роли пролетариата) в анализе развития и кризиса современного капитализма; характера русской революции и причины раскола российского левого движения в 1917 году; краха официальной советской идеологии и мирового левого движения в конце XX века;

перспективы построения рыночной экономики на постсоветском пространстве; смысла глобализации и ее идеологического прикрытия.

Изданный летом 1917 года, «Империализм...» уже не мог быть внимательно прочитан и обсужден из-за бурных событий момента, иначе бы он вызвал дополнительную ожесточенную критику в РСДРП сверх той, которая была нацелена на Апрельские тезисы. В этом труде Ленин прямо не вступает в полемику с положениями марксизма и даже не упоминает важных для темы работ.

В советском обществоведении «Империализм...» был дан неадекватно, главное было замаскировано. Тогда не решились признать расхождения официальной идеологии с марксизмом. Сегодня этот труд Ленина, почти полностью опирающийся на работы видных западных экономистов, может быть привлечен для дискуссии по принципиальным вопросам нынешней реформы в РФ. Он содержит хорошо подобранные и изложенные фактические сведения и аргументы, показывающие утопичность планов встраивания РФ в ядро «глобального капитализма». Труд Ленина ценен тем, что обнаруживает очевидность этой невозможности уже в начале XX века, когда шансов встроиться в ядро капиталистической системы было больше, чем сегодня^[10].

Рассмотрим главные для нас положения. Как известно, влиятельной частью марксистов и начала, и конца XX века было принято положение Маркса о том, что прохождение всех стран через формацию капитализма неизбежно. Маркс писал в предисловии к первому изданию «Капитала»:

«Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов... Существенна здесь, сама по себе, не более или менее высокая степень развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из общих законов капиталистического производства. Существенны сами эти законы, сами эти тенденции, действующие и осуществляющиеся с железной необходимостью. Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [16, с. 6, 9].

Ленин показывает, что переход капитализма в стадию империализма сделал такое развитие мировой системы невозможным – хотя бы потому, что монополии «центра» завладевают источниками сырья во все мире, пресекая тем самым возможность развития «туземного» капитализма^[11]. Он пишет: «Концентрация дошла до того, что можно произвести приблизительный учет всем источникам сырых материалов (например, железнорудные земли) в данной стране и даже, как увидим, в ряде стран, во всем мире. Такой учет не только производится, но эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами» [15, с. 320].

Более того, по мере развития капитализма возможности его возникновения и развития вне метрополии сокращаются. Ленин пишет: «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний» [15, с. 380]. В действительности развитие «туземного» капитализма пресекалось Западом уже на первой стадии колониальных захватов. Он изъямл и частично вывез из колоний тот «материал», из которого мог быть построен местный капитализм. Однако и в 1916 году констатация этого факта была делом очень важным – ведь либеральная интеллигенция всего мира не признает его до сих пор.

Сам же Ленин приводит данные, показывающие, что уже в XIX веке земельная собственность в Африке, Полинезии и Австралии была присвоена западными колониальными державами практически полностью, а в Азии – на 57 %. Без земельной собственности национального производственного капитализма возникнуть не могло. Присвоение земельной собственности в колониях происходило до стадии империализма, а завершилось в эпоху империализма.

Таким образом, из «Империализма...» прямо вытекал вывод, что уже в начале XX века всякая возможность индустриализации и модернизации на путях капитализма для тех стран, которые не попали в состав метрополии, была утрачена. Их уделом стала *слаборазвитость*. Единственную возможность обеспечить условия для своего экономического и социального развития для таких стран в тот момент могла дать только большая (по сути дела, именно *мировая*) антикапиталистическая революция. Как показала практика, плодами такой революции, которая и прокатилась по миру в первой половине

XX века, смогли воспользоваться и некоторые страны, оставшиеся в «лоне капитализма».

Особый случай представляют сейчас страны, которые успешно используют для индустриализации и модернизации вывоз производственных мощностей и технологий западными ТНК в ходе изменения структуры разделения труда.

Ленин в «Империализме...» приводит много данных о масштабах изъятия ресурсов из зависимых стран *финансовым* капиталом Запада, то есть не через эквивалентный обмен на рынке товаров: «Доход *рантье* *внятеро* превышает доход от внешней торговли в самой “торговой” стране мира!» [15, с. 398]. «Народный доход Англии приблизительно удвоился с 1865 по 1898 г., а доход “от заграницы” за это время вырос *в девять раз*» [15, с. 403]. То есть в цикл расширенного воспроизводства экономики Запада непрерывно *впрыскиваются* огромные средства извне.

Маркс в «Капитале» ввел такое условие: «С целью рассмотреть объект нашего исследования во всей полноте, свободным от искажающего влияния побочных обстоятельств, мы представим весь мир в виде одной-единственной нации и предположим, что капиталистическое производство установлено повсеместно и во всех отраслях промышленности» [16, с. 594].

Но уже в 1908 г. Роза Люксембург в работе «Накопление капитала» отмечала, что это условие не просто противоречит действительности, оно неприемлемо *для самой модели Маркса* и ведет к ложным заключениям. Цикл расширенного воспроизводства не может быть замкнут только благодаря труду занятых в нем рабочих, за счет их прибавочной стоимости – необходимы покупатели *вне зоны капитализма*. Очевидно, что работники, занятые в метрополии капитализма, могут купить только такую массу товаров, которая по стоимости равна стоимости их рабочей силы. А товары, в которых овеществлена прибавочная стоимость, должен купить *кто-то другой*. Для метрополии необходимо непрерывное привлечение ресурсов *извне* капиталистической системы (из деревни, из колоний, из «третьего мира»). Дело не ограничивается «первоначальным накоплением», оно должно идти *постоянно* – сделанное Марксом предположение, что капитализм охватит весь мир, невыполнимо.

Анклавы капитализма, создаваемые с помощью капитала метрополии в периферийных обществах, качественно отличны от капитализма в ядре системы. Это – очаги дополняющей экономики, не интегрированные в народное хозяйство периферии и неспособные существовать в рамках капитализма на периферии при разрыве связей с метрополией. Опыт России начала XX века это показал с достаточной очевидностью. Тот капитализм, который развивался в России, загнал народное хозяйство в историческую ловушку – даже при весьма впечатляющих показателях своего развития (концентрация капитала, темпы роста, строительство железных дорог и т. п.).

Создавая на периферии анклавы современного производства, господствующий извне капитализм метрополии обязательно производил «демодернизацию» и даже архаизацию остальной части производственной системы. Россия в конце XIX и начале XX века была именно страной *периферийного* капитализма. А внутри нее крестьянство было как бы «внутренней колонией» – периферийной сферой собственных капиталистических укладов. Его необходимо было удержать в натуральном хозяйстве, чтобы оно, «самообеспечиваясь» при очень низком уровне потребления, добывало зерно и деньги, на которые можно было бы финансировать, например, строительство необходимых для капитализма железных дорог. Крестьяне были для капитализма той «природой», силы которой ничего не стоят для капиталиста.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии вытекает вывод о том, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада *не является революционным классом* (строго говоря, не является и пролетариатом). Значит, присущее марксизму убеждение, что лишь мировая пролетарская революция может освободить народы от капиталистической эксплуатации, ошибочно. Этот вывод был важным доводом для ленинской теории революции, а затем и для советского проекта.

В «Империализме...» на данных западных экономистов показан масштаб перемещения основной массы физического труда, в том числе промышленного, из Западной Европы «на плечи темнокожего человечества», а также вовлечения всего рабочего класса Запада в эксплуатацию периферии. Так, известный английский экономист Дж.

А. Гобсон пишет: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными» [15, с. 400].

В.И. Ленин приводит красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, С. Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил – его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные В.И. Лениным высказывания Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело, в конце концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом* с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплуатирует весь мир, это до известной степени правомерно» [15, с. 405].

И это представление Энгельса, сложившееся к 1858 году, было устойчиво. 12 сентября 1882 года он пишет Каутскому, что «рабочие преспокойно пользуются вместе с ними [буржуазией] колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке».

Из этого прямо следовало, что уповать на пролетарскую революцию в метрополии капитализма не приходилось, а революция в странах периферийного капитализма, к которым относилась и Россия, неизбежно приобретала не только антикапиталистический, но и национально-освободительный характер.

Ленин, полемизируя с Каутским, высказал тезис, актуальный и сегодня: в ходе развития институты свободного рынка уступили место монополистическому финансово-промышленному капиталу. Исходя из этого же методологического принципа, М. Вебер, обсуждая программу кадетов, имевшую целью построение в России либерального капитализма, сказал: «Уже поздно!» Капитализм изменился, и он не

может допустить появления на его периферии системы, которая воспроизводила бы ранние формы капитализма метрополии. Новые, зрелые формы (монополистический капитализм) неминуемо сожрали бы зародыши ранних, «юных» форм буржуазного общества.

Именно поэтому революция в России была *отрицанием капитализма*. Английские рабочие эксплуатировали Индию, а русские рабочие и вся их деревенская родня были сами объектом эксплуатации со стороны западного капитала. И без революции вырваться из этого тупика оказалось невозможно – до революции были испробованы все щадящие проекты.

А. Грамши в статье 5 января 1918 г., которая называлась «Революция против “Капитала”», пишет об Октябрьской революции: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса. “Капитал” Маркса был в России книгой скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски те схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось» [17].

Ленинская теория революции получила развитие на опыте подобных революций в других крестьянских странах. Ортодоксальные марксисты (Аксельрод, Засулич, Плеханов) посчитали, что в Феврале главная задача русской революции, поставленная Марксом и Энгельсом, выполнена. А с реакционной советской революцией надо бороться. Эта часть марксистов стала антиленинцами и заняла антисоветскую позицию.

10. Дискуссия о самоопределении в революции среди марксистов

Модель, созданная русскими марксистами с активной помощью Маркса и Энгельса для понимания России, была логична: Россия должна пройти тот же путь, что и Запад, – буржуазную революцию, развитие капитализма, разделение народа на классы, борьба которых приведет к пролетарской революции в момент, когда капитализм исчерпает свой потенциал и станет тормозить прогресс производительных сил. Так же поначалу считал и Ленин, мысливший в рамках политэкономии капитализма. Однако эта модель была неадекватна в принципе – не в мелочах, а в самой своей сути.

В 1914 г. Ленин вступил в очень тяжелый и трудный спор с марксистами (западными и российскими) по вопросу о праве наций на *самоопределение*. Одной из побудительных причин для этого был конфликт Маркса и Энгельса с предыдущим поколением русских революционеров. Как говорилось выше, Маркс и Энгельс представили реакционной саму назревающую революцию в России, если ее социальной базой станет, как предполагали народники, общинное крестьянство, а сама она произойдет не под руководством западного пролетариата.

Было ясно, что война прямо толкает Россию к революции, и для русских актуальным выражением их права на самоопределение было *право на их революцию*. Русским было необходимо право *самим* определить характер, движущие силы и организационные принципы революции, а не делать это «под контролем остальной Европы» и не дожидаться победоносной пролетарской революции на Западе. Но чтобы не входить в конфликт с марксистами России и Запада (или хотя бы смягчить этот конфликт), надо было в дискуссии утвердить этот общий принцип самоопределения наций.

Советское официальное обществоведение затушевало суть конфликта, но в тот момент эта суть была понятна. В большевизме марксисты увидели силу именно *национальную*, ставшую организационным ядром русского сопротивления Западу, который

угрожал России превратить ее в периферию своей экономической и культурной системы.

Другая причина, по которой большевики утверждали «право наций на самоопределение», заключалась в необходимости сохранить как раз *единство* трудящихся всей Российской империи в революционной борьбе – и на этой основе произвести «пересборку» империи уже в виде будущего Советского Союза. Без признания этого права было бы невозможно, по выражению Ленина, нейтрализовать попытки «националистического мещанства» расколоть трудящихся разных национальностей.

Впоследствии опыт подтвердил правильность этого анализа. Попытавшись подавить сепаратизм национальных элит под флагом «единой и неделимой России», белые, по выражению историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». Красные, напротив, собрали страну «снизу», как многонациональную «республику Советов», которая была выгодна трудящимся, поддержавшим общую Красную армию против своих «элит».

Ленин изложил все эти соображения в большой работе «О праве наций на самоопределение», написанной в феврале – мае 1914 года [27]. Было сказано, что это право не поощряет сепаратизм, а делается «именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций... теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности». В примечании Ленин поясняет: «Нетрудно понять, что признание марксистами всей России и в первую очередь великороссами *права* наций на отделение нисколько не исключает *агитации* против отделения со стороны марксистов той или иной угнетенной нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода» [27, с. 318].

Накануне Октябрьской революции Ленин подчеркнул: «Мы вовсе отделения не хотим. Мы хотим как можно более крупного государства, как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великороссами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения, поэтому не ставим

лозунга объединения всех и всяких государств вообще, ибо на очереди дня социальная революция ставит объединение только государств, перешедших и переходящих к социализму, освобождающихся колоний и т. д. ...Мы хотим, чтобы республика русского (я бы не прочь сказать даже: великорусского, ибо это правильнее) народа *привлекала* к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением. Иначе нарушается единство и братский союз рабочих всех стран» [28].

Закончив Гражданскую войну и получив поддержку нерусского населения, советское правительство заняло вполне определенную позицию.

Сталин заявил в 1923 г.: «Следует иметь в виду, что, помимо права наций на самоопределение, существует также право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему право на самоопределение является подчиненным».

Но предыстория была драматической. Развитие революционного процесса в России находилось под пристальным вниманием и даже контролем Маркса и Энгельса. Очень интенсивными были их личные контакты с русскими революционерами того времени, очень жесткими были оценки даже их личностей.

Причиной неприятия идеи социалистической революции в крестьянской России было положение исторического материализма о правильной смене общественно-экономических формаций: «*Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего*». Но это было невозможно уже потому, что капитализм метрополий *не допускал* развития капитализма на своей периферии, и это Маркс прекрасно знал. Он пишет в «Капитале»: «Европейские государства... насильственно искореняли всякую промышленность в зависимых от них соседних странах, как, например, была искоренена англичанами шерстяная мануфактура в Ирландии» [16, с. 767].

Вообще, любой сбой в смене формаций запрещал получить пропуск в социализм. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге»: «*Рабство* было открыто. Оно скоро сделалось господствующей формой производства у всех народов, которые в своем развитии пошли дальше древней общины... Мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма» [29, с. 185, 186].

Из этого утверждения Энгельса прямо вытекает, что Россия, не пройдя через рабство, не может сама освоить «современного социализма». «Грубому» общинному коммунизму, в котором русские народники видели культурное основание назревающей революции, Маркс уделял большое внимание с самых ранних этапов разработки его доктрины.

По этому вопросу раскол в среде российских марксистов был очень глубоким. Он продолжился после исчерпания в Гражданской войне конфликта большевиков с меньшевиками в форме конфликта «национал-большевиков» с «большевиками-космополитами» (которых представлял Троцкий).

Важно учесть еще и тот факт, что к концу XIX века марксизм стал блокировать разработку русской революционной доктрины тем, что постепенно изменил сам вектор своих устремлений, готовя почву для поворота социал-демократии от революции к реформизму.

В 1890 году уже и сам Энгельс считал, что дальнейшее развитие капитализма – в интересах господствующих народов. Он пишет в рабочую газету в Вене: «В настоящее время капитал и наемный труд неразрывно связаны друг с другом. Чем сильнее капитал, тем сильнее класс наемных рабочих, тем ближе, следовательно, конец господства капиталистов. Нашим немцам, а к ним я причисляю и венцев, я желаю поэтому поистине бурного развития капиталистического хозяйства и вовсе не желаю, чтобы оно коснело в состоянии застоя» [*32].

Вот и теория революции – нужно всемерно укреплять капитализм, потому что это приближает конец господства капиталистов!

Ну ладно, «господствующим народам» была не нужна революция – так запрещают бороться и другим народам. Евразиец лингвист Н.С. Трубецкой писал в книге «Европа и человечество» (1920): «Социализм, коммунизм, анархизм, все это “светлые идеалы грядущего высшего прогресса”, но только лишь тогда, когда их проповедует современный европеец. Когда же эти “идеалы” оказываются осуществленными в быте дикарей, они сейчас же обозначаются как проявление первобытной дикости» [31].

В рамках представлений о классовой борьбе марксистская методология не давала никаких оснований считать назревающую в России революцию преждевременной и тем более реакционной. В дебатах с социал-демократами Ленин это показал убедительно, и

большевики посчитали, что никаких рациональных запретов на революцию нет. Было ясно, что внутренне противоречивое отношение Маркса и Энгельса к русской революции сводилось к следующему:

- они поддерживали революцию, не выходящую за рамки буржуазно-либеральных требований, свергающую царизм и уничтожающую Российскую империю; структура классовой базы такой революции была несущественна;

- они категорически отвергали рабоче-крестьянскую народную революцию, укрепляющую Россию и открывающую простор для ее модернизации на собственных цивилизационных основаниях, без повторения пройденного Западом пути.

Это стало причиной глубокого раскола среди российских марксистов. Руководитель партии эсеров В.М. Чернов в своих воспоминаниях пишет о либералах, социал-демократах и эсерах, собравшихся в коалиционном Временном правительстве: «Над всеми над ними тяготела, часто обеспоживая их работу, одна старая и, на мой взгляд, устаревшая догма. Она гласила, что русская революция обречена быть революцией чисто буржуазной и что всякая попытка выйти за эти естественные и неизбежные рамки будет вредной авантюрой... Соглашались на всё, только бы не переобременить плеч трудовой социалистической демократии противоестественной ответственностью за власть, которой догма велит оставаться чужой, буржуазной» [34].

11. Русофобия «прогрессивной» интеллигенции

Это специфическое условие, которое очень осложняло становление и развитие «русского коммунизма», вождем и учителем и стал Ленин. Ведь первые кадры большевиков все время общались и вели дискуссии с интеллигентами.

Этот сдвиг интеллигенции был усилен влиянием на ее сознание марксизма, который вплоть до 1907 года своим авторитетом сильно укреплял позиции западников, особенно после дискредитации народников. Хотя работы Маркса и Энгельса, исполненные русофобии, в России широкой гласности не предавались, косвенно они разлагающе действовали на национальное сознание интеллигенции.

Как вспоминает меньшевичка Лидия Дан, сестра Мартова, в 90-е годы XIX века для студента было «почти неприличным» не стать марксистом. Анализируя воспоминания Л. Дан о самой себе, своих братьях и сестрах, Л. Хеймсон делает вывод об установках этого типа меньшевиков «из Санкт-Петербургских кругов ассимилированной высокой еврейской культуры». Он выделяет такие позиции: «отношение превосходства к крестьянству» (при одновременном незнании его и деревни вообще), их глубоко городской взгляд на мир... их «книжный» характер («мы мало знали о жизни, у нас уже был сложившийся взгляд, заимствованный из книг») и превышающая все остальное их интеллектуальная элитарность».

Л. Хеймсон подчеркивает особую роль, которую сыграли в формировании мировоззрения меньшевистской молодежи марксистские произведения Г.В. Плеханова: «В этих работах молодежь, пришедшая в социал-демократию, нашла опору для своего бескомпромиссного отождествления с Западом и для своего не менее бескомпромиссного отвержения любых форм российской самобытности» [88]^[12].

Когда после поражения революции 1905–1907 годов и утраты веры в успех Столыпинской реформы единственная буржуазно-либеральная партия в России (кадеты) стала уповать на буржуазию («русских Круппов» и «крепкое мещанство»), она предприняла

большую кампанию по преодолению враждебного отношения интеллигенции к буржуазии. Вели ее бывшие марксисты (авторы книги «Вехи» Струве, Бердяев, Изгоев). При этом им неизбежно пришлось отвергнуть сам идеал *равенства*. Струве писал, что основанием прогрессивного общества «является всегда человеческая личность, отмеченная *более высокой степенью годности*».

Так либеральная интеллигенция потеряла возможность служить культурным мостиком между частями общества, в которых назревала взаимная ненависть. Она все больше становилась для крестьян (и рабочих, сохранивших крестьянское мироощущение) *чужими*. Этот поворот бывшего марксиста Струве к социал-дарвинизму был очень радикальным, и в поддержку ему сразу выступил Бердяев: «Скажут, Струве хочет обуржуазить Россию, привить русской интеллигенции буржуазные добродетели. И Россию необходимо “обуржуазить”, если под этим понимать призыв к социальному творчеству, переход к высшим формам хозяйства и отрицание домогательств равенства» [90].

Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов, которые перешли на сторону противников революции. Например, Бердяев излагал определенно расистские представления. В книге «Философия неравенства» он писал: «Культура существует в нашей крови. Культура – дело расы и расового подбора... “Просветительное” и “революционное” сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование “белой кости” есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт» [91].

В целом, когда в условиях пореформенного кризиса русский «имперский» народ стал «пересобирается» в гражданскую (но антибуржуазную) нацию, возник глубокий раскол между массой и элитой, которая в сфере общественного сознания была представлена интеллигенцией. Этот раскол приобрел характер разделения на два разных народа. Г. Флоровский писал: «Завязка русской трагедии сосредоточена именно в факте культурного расщепления народа. Разделение “интеллигенции” и “народа” как двух культурно-бытовых,

внутренне замкнутых и взаимно-ограниченных сфер есть основной парадокс русской жизни» [89].

Это расщепление стало очевидным именно вследствие того, что «народ» после реформы стал обретать *национальное* самосознание, а значит, стал превращаться в политическую силу. До этого о «расщеплении» не шло речи потому, что народ просто не имел статуса субъекта истории. В начале XX века стал быстро нарастать социальный расизм дворянства и буржуазии в отношении крестьян. Либеральная интеллигенция от народопоклонства метнулась к русофобии. После 1905 года русофобия распространилась в интеллектуальной элите России – влиятельной части гуманитарной и творческой интеллигенции. Это не могло не разрушать связей, соединявших старый народ Российской империи, но в то же время спланивало русское простонародье, ускоряло становление «нового», советского народа.

Академик С.Б. Веселовский, судя по его дневникам, – либерал и даже социалист^[13]. Но он, «один из ведущих исследователей Московского периода истории России XIV – XVII веков», рассуждает как русофоб. Он пишет в дневнике: «Еще в 1904–1906 гг. я удивлялся, как и на чем держится такое историческое недоразумение, как Российская империя. Теперь мои предсказания более чем оправдались, но мнение о народе не изменилось, т. е. не ухудшилось. Быдло осталось быдлом... Последние ветви славянской расы оказались столь же неспособными усвоить и развивать дальше европейскую культуру и выработать прочное государство, как и другие ветви, раньше впавшие в рабство. Великоросс построил Российскую империю под командой главным образом иностранных, особенно немецких, инструкторов» [93, с. 31].

Красноречивы установки И.А. Бунина, который обладал большим авторитетом и как писатель, и как «знаток русского народа». И.Л. Солоневич пишет: «Бунинские “Окаянные дни”, вышедшие уже в эмиграции, полны поистине лютой злобы – злобы против русского народа» [92]^[14].

Бунин часто встречался с видными историками, которые в 1916 году собирались у С.Б. Веселовского, с которым у него завязалась большая дружба. Сын академика Всеволод вел записи бесед на этих собраниях.

Вот как он резюмирует высказывания Бунина «о русском народе»:

«Отношение к народу у Бунина соединено с пессимизмом, в основе которого признание бессилия разума в исторической жизни... От дикости в народе осталось много дряни, злобности, зависть, жадность. Хозяйство мужицкое как следует вести не умеют. Бабы всю жизнь пекут плохой хлеб. Бегут смотреть на драку или на пожар и сожалеют, если скоро кончилось. По праздникам и на ярмарках в бессмысленных кулачных боях забивают насмерть. Дикий азарт. На Бога надеются и ленятся. Нет потребности улучшать свою жизнь. Кое-как живут в дикарской беспечности. Как чуть боженька не уродил хлеб – голод...

Профессора не согласились с этими высказываниями Бунина. Нельзя все мерить на свой интеллигентский аршин. То, что для интеллигента дикость, есть состояние народной массы и при том естественное состояние – ступень в его историческом развитии» [93, с. 14–15].

Профессора заступились за народ примерно так же, как этнографы – просвещенные расисты заступаются за дикарей перед расистами грубыми. «Естественное состояние»!

В другом месте сам Веселовский высказывается даже определеннее: «Годами, мало-помалу, у меня складывалось убеждение, что русские не только культурно отсталая, но и низшая раса... Повседневное наблюдение постоянно приводило к выводу, что иностранцы и русские смешанного происхождения даровитее, культурнее и значительно выше, как материал для культуры» [93, с. 38]. Или еще: «Когда переходишь от русских писателей к иностранным, то начинает казаться, будто попал из притона хитрованцев и хулиганов или из дома умалишенных в общество нормальных и порядочных людей. Со времени Гоголя пристрастие русских писателей к подлому, пошлому, уродливому и болезненному росло по мере проникновения в литературу полукультурных, талантливых и бездарных разночинцев» [93, с. 86].

Русофобия российской элиты подкреплялась русофобией Запада. Даже Керенский, масон и западник, так начинал в эмиграции в 1942 году свою рукопись «История России»: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали... Нашей

музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиатских степей» (цит. в [7]).

Кстати, это взаимопонимание в русофобии не исчезло даже после Великой Отечественной войны, когда наш народ представлял собой «нацию инвалидов и вдов». Вот что пишет в эмиграции писательница Н. Берберова в 1947 году Керенскому: «Для меня сейчас “русский народ” – это масса, которая через 10 лет будет иметь столько-то солдат, а через 20 – столько-то для борьбы с Европой и Америкой... Что такое “его достояние”? Цепь безумств, жестокостей и мерзостей... Одно утешение: что будущая война будет первая за много десятилетий необходимая и нужная» [94]^[15].

Уроки революции 1905–1907 годов, из которой Ленин и идущая за ним часть большевиков сделали фундаментальные выводы, позволили им преодолеть важные догмы марксизма и начать строить новую концепцию общества, государства, революции и даже мироустройства (*марксизм-ленинизм*). По мере того как продвигалась эта работа, партия большевиков все больше приобретала *национальный* (точнее, *народный*) характер. Важнейшим поворотом на этом пути стало принятие и развитие идеи *союза рабочих и крестьян* как субъекта русской революции.

Этот шаг дался Ленину очень непросто. Мало того, что углубился конфликт с марксистами-меньшевиками – настолько, что они призывали Запад к социалистическому крестовому походу против большевиков и в значительной своей части поддерживали белых. «Национализация» марксизма поразила и старых большевиков-ленинцев. В декабре 1914 года Ленин послал в журнал «Социал-демократ» свою статью «О национальной гордости великороссов». Редактор В.А. Карпинский, прочитав слова «мы, великорусские с.-д.» и «мы полны чувства национальной гордости», ответил Ленину: «Никогда таких разделений на страницах нашего Центрального органа не проводилось, никогда там не раздавалось таких слов! Понимаете: даже *слов!*»

Действительно, Карпинский был уверен, что чувство национальной гордости несовместимо с его положением марксиста. В своем ответе он продолжал: «Мне не чуждо только одно чувство гордости: пролетарской гордости (равно как и пролетарского стыда)».

Ленин с этими замечаниями не согласился, статья вышла, но оппозиция в партии была серьезной.

Но этот сдвиг после 1905 года в представлениях Ленина не просто послужил методологической основой для выработки нового национального проекта России и подготовительной работы по сборке советского народа. Он провел мировоззренческий синтез представлений крестьянского общинного коммунизма с марксистской идеей модернизации и развития – но по некапиталистическому пути.

Насколько сложно сотрудничать с русофобствующей интеллигенцией, мы могли убедиться за перестройку и 1990-е годы.

12. Апрельские тезисы

Эсеры и меньшевики, став во главе Петроградского совета, не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственность крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И критическим событием в этом были «Апрельские тезисы» В.И. Ленина.

Книга Ленина «Государство и революция», которую в курсе исторического материализма представляли как главный его труд по вопросу государственности, на деле посвящена тактической проблеме слома государственного механизма (который, кстати, в России был уже практически сломан усилиями самого Временного правительства). Апрельские тезисы имели более глубокое значение: в них ставился вопрос о выборе типа государственности.

Апрельские тезисы – это прозрение, смысл которого нам становится ясен только сегодня. В них сказано, что Россия после Февраля пошла *не по пути Запада* — без явных решений политиков и лидеров. В этот момент Ленин еще описывал происходящее в понятиях последовательной смены ступеней общественного развития: «Не парламентская республика – возвращение к ней от Советов рабочих депутатов было бы шагом назад – а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» – так оценивал положение В.И. Ленин. На деле речь шла о двух разных траекториях, и понятия «*вперед*» и «*сзади*» к сравнению парламента и Советов неприменимы.

Вернувшись в 1917 году в Россию, он писал: «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты... еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый тип государства». На уровне государства это был, конечно, новый тип, но на уровне самоуправления это был именно традиционный тип, характерный для аграрной цивилизации, – тип военной, ремесленной и крестьянской демократии доиндустриального общества. В России

Советы вырастали из крестьянских представлений об идеальной власти.

Исследователь русского крестьянства А.В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

Таким образом, в Апрельских тезисах содержался цивилизационный выбор, прикрытый срочной политической задачей, но опирающийся на мироощущение и культуру подавляющего большинства населения. Обращаясь к партии, Ленин в Апрельских тезисах говорит на языке марксизма, но на деле это было углубление марксизма и явное уже начало его новой, русской ветви. Главная его мысль была в том, что путь к социализму в России лежит не через полное развитие и исчерпание возможностей капитализма, а прямо из состояния того времени с опорой не на буржуазную демократию, а на новый тип государства – Советы. Сила их, по мнению Ленина, была в том, что они были реально связаны с массами и действовали вне рамок старых норм и условностей («как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа»). А ведь в тот момент большевики не только не были влиятельной силой в Советах, но почти не были в них представлены.

Последующая советская мифология представила эту идею Ленина как очевидно разумную, вытекающую из марксизма. Это не так, апрельские тезисы поразили социал-демократов. На собрании руководства большевиков В.И. Ленин был в полной изоляции. Потом выступил в Таврическом дворце перед всеми социал-демократами, членами Совета. Богданов прервал его, крикнув: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!» Примерно так же выступил большевик Гольденберг и редактор «Известий» Стеклов (Нахамкес). Отпор был такой, что В.И. Ленин покинул зал, даже не использовав свое право на ответ.

Тезисы были опубликованы 7 апреля. На другой день они обсуждались на заседании Петроградского комитета большевиков и были отклонены: против них было 13 голосов, за – 2, воздержался 1. Но уже через 10 дней Апрельская партконференция тезисы Ленина

поддержала. Большевики «с мест» лучше поняли смысл, чем верхушка партии.

Потом в Советах стала расти роль большевиков (работали «будущие декреты»). История прекрасно показывает этот процесс: власть совершенно бескровно и почти незаметно «перетекла» в руки Петроградского совета, который передал ее II Съезду Советов. Тот сразу принял Декреты о мире и о земле – главные предусмотренные Лениным источники легитимности нового порядка в момент его возникновения. Именно эти декреты нейтрализовали потенциальный источник легитимности Учредительного собрания.

Я думаю, что завершением большого пути Ленина – от ортодоксального марксиста и евроцентриста, написавшего «Развитие капитализма в России», до творца советского строя и вождя цивилизационного масштаба – можно считать Апрельские тезисы 1917 года.

В них содержался исторический выбор: не буржуазная республика, а идущие от крестьянской общины Советы, не ускоренное развитие капитализма с последующей пролетарской революцией, а продолжение некапиталистического пути развития в форме социализма.

Суть Апрельских тезисов и следующего за ними Октября как отказ от евроцентризма и признание своеобразия России отметили многие левые идеологи России и Европы. Лидер эсеров В.М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М.И. Либер (Гольдман) видел корни взглядов Ленина в славянофильстве. Отсюда – антисоветизм Плеханова и Засулич, смычка меньшевиков с белыми. На Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». В дальнейшем эти идеи развил Л.Д. Троцкий.

Прагматичные историки и в России, и за рубежом оценили стратегию Ленина, позволившую осуществить практически бескровный переход, как блестящую. Меньшевики же считали ее окончательным отходом от марксизма – прыжком в бездну социалистической революции без прочного фундамента в виде развитого капитализма.

13. Советы

Становление системы Советов было процессом «молекулярным», хотя имели место и локальные решения. Так произошло в Петрограде, где важную роль сыграли кооператоры. Еще до отречения царя, 25 февраля 1917 года руководители Петроградского союза потребительских обществ провели совещание с членами социал-демократической фракции Государственной думы в помещении кооператоров на Невском проспекте и приняли совместное решение создать Совет рабочих депутатов – по типу Петербургского совета 1905 года. Выборы депутатов должны были организовать кооперативы и заводские кассы взаимопомощи. После этого заседания участники были арестованы и отправлены в тюрьму – всего на несколько дней, до победы Февральской революции.

Историки говорят об этом очень скупно (известно, однако, что создание Советов на заводах не согласовывалось ни с какой партией). Очень активный деятель того времени художник А.Н. Бенуа писал в апреле 1917 года: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов».

Социал-демократы, включая Ленина, долго не понимали сущности русских Советов, относясь к ним как к полезным формам рабочего самоуправления. В крайнем случае, их рассматривали как продукт стихийного политического творчества масс, и Ленин отнес их зарождение к временам Парижской коммуны. Т. Шанин резонно пишет, что рабочие в массе своей вряд ли знали о теоретических спорах среди социал-демократов и тем более о перипетиях истории Парижской коммуны в 1871 г. «Но каждый рабочий знал, что есть волостной сход – собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие “чужаки” обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждают вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была

учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми».

В России Советы вырастали именно из крестьянских представлений об идеальной власти. А.В. Чаянов писал: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями».

В поединке Временного правительства и Петроградского совета, за которым наблюдали все те, до кого доходила информация, Совет все время «набирал очки». И здесь пробным камнем стал вопрос о земле. Уже 9 апреля Петроградский совет признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания на местах земельных комитетов.

И не только по главным вопросам – мира и земли, а по множеству житейских дел, которые сильно влияли на обыденное сознание, выигрывали Советы в общественном сознании. Так, Петроградский совет, имея авторитет в среде солдат и опираясь на фабзавкомы, оказался гораздо более дееспособным, чутким и гибким в создании условий жизни граждан. В первые же дни революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет – милицию из рабочих, обязав откомандировать в нее каждого десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция.

Именно в Советы приходилось обращаться за разрешением социальных конфликтов, причем даже «буржуазной» стороне (например, при конфликте инженеров с рабочими в Петрограде и врачей с младшим персоналом в Москве). Таких вопросов, в решении которых Советы оказывались более практичными и близкими к жизни органами власти, было множество. В августе была попытка свергнуть Временное правительство «справа» (Корниловский мятеж). Тот факт, что защиту его в основном пришлось организовывать Петроградскому совету, в глазах граждан означал полное банкротство правительства.

Именно в этих Советах увидел Ленин в апреле 1917 года уже не полезные вспомогательные инструменты, а основание новой государственности. Ему пришлось в этом вопросе пойти на разрыв с западными социал-демократами, представив дело так, будто они исказили учение Маркса. Обращаясь к партии, Ленин в Апрельских тезисах говорит на языке марксизма, но на деле это было *преодоление* марксизма.

Поначалу обретение Советами *власти* происходило даже вопреки намерениям их руководства (эсеров и меньшевиков). Никаких планов сделать Советы альтернативной формой государства у создателей Петроградского совета не было. Их целью было поддержать новое правительство снизу и «добровольно передать власть буржуазии». Но под идеей власти Советов лежал большой пласт традиционного знания. Оно было выражено в тысячах наказов и приговоров сельских сходов в 1904–1907 годах. Это был уникальный опыт формализации традиционного знания, которое было актуализировано и обрело политический характер во время Февральской революции.

Ленин сыграл важнейшую роль в том, что традиционное знание русского крестьянства о власти было включено в теоретический багаж политической мысли. Первым, еще очень осторожным обоснованием новой концепции власти в политической философии были «Апрельские тезисы» 1917 года.

Во время Гражданской войны были учреждены чрезвычайные органы власти – революционные комитеты (ревкомы). Их создавали реввоенсоветы (РВС) армии при участии местных органов власти в составе от 3 до 5 человек. В прифронтовой полосе (на расстоянии 25–50 км от линии фронта) постановлением РВС армии исполкомы Советов могли быть временно распущены и заменены ревкомами. Ревкомы могли создаваться в местностях, освобожденных от неприятеля, в прифронтовой полосе и в тылу для организации обороны и поддержания порядка. При нормализации обстановки, создании местных органов власти ревкомы передавали им все свои полномочия, имущество и дела.

После Гражданской войны возникла главная проблема строительства Советского государства, которая коренилась в глубокой противоречивости самой принципиальной идеи новой государственности – смысле *Советов*. Лозунг «Вся власть Советам!»

отражал крестьянскую идею «земли и воли» и нес в себе большой заряд *анархизма*. Положение осложнялось тем, что, с точки зрения государственного порядка, Советы взяли на себя власть, когда в России во многих системах царил хаос, а другие находились на грани хаоса.

Возникновение множества местных властей, не ограниченных «сверху» ни иерархией монархического порядка, ни законами, буквально рассыпало Россию на мириады «республик». Ведь Советы, имея «*всю* власть», могли сами устанавливать и менять законы. Поэтому и пришлось в форсированном порядке и принимать Конституцию, и создавать свою армию.

Вот пример местного законотворчества, которое действовало до принятия в июле 1918 года первой Конституции РСФСР (его привел в дневнике М.М. Пришвин). 25 мая 1918 года Елецкий Совет народных комиссаров постановил «передать всю полноту революционной власти двум народным диктаторам Ивану Горшкову и Михаилу Бутову, которым отныне вверяется распоряжение жизнью, смертью и достоянием граждан» (Советская газета. Елец. 1918. 28 мая. № 10). А 2 июня 1918 года М.М. Пришвин записал в дневнике: «Вчера мужики по вопросу о войне вынесли постановление: “Начинать войну только в согласии с Москвою и с высшей властью, а Елецкому уезду одному против немцев не выступать”».

Чтобы на основе Советов восстановить *государство*, требовалась обладающая непререкаемым авторитетом сила, которая была бы включена во все Советы и в то же время следовала бы не местным, а общегосударственным установкам и критериям. Такой силой виделась *партия*, игравшая роль «хранителя идеи» и высшего арбитра, но не подверженная критике за конкретные ошибки и провалы. Однако для выполнения этой объединяющей и координирующей функции еще предстояло создать развитую сетевую структуру.

Нам важно отметить, что государственное строительство советской власти вошло в конфликт с освобожденной энергией революционных масс и с теми институтами, которые она породила и, строго говоря, которые и были инструментом революции. Как выразился Есенин, большевикам «страну в бушующем разливе пришлось заковывать в бетон». Но это значит, что надо было преодолеть смуту и подавить «русский бунт».

Во время революции каждая политическая сила, имеющая конструктивный проект и претендующая на то, чтобы стать во главе строительства нового жизнеустройства страны, вынуждена в какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, *обуздание* того самого социального движения, что ее подняло. Возможно, это самый болезненный этап в любой революции, здесь – главная проба сил. Обуздать революцию может только *государственная власть*. Таким образом, государственное строительство, ведущееся революционерами, сопряжено с острыми фундаментальными противоречиями, расколами и конфликтами.

И в этом, безусловно, главную роль сыграл Ленин как мыслитель, методолог и редкостно ответственный в объяснениях самых сложных проблем.

Вот что сказал Есенин, когда умер Ленин:

Еще закон не затвердел,
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода.

.....

Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

14. Попытка компромисса: Учредительное собрание

Следуя классическим схемам европейских буржуазных революций, либералы, меньшевики и эсеры уже в феврале 1917 года приняли принцип *непредрешенчества*. Поэтому и правительство в 1917 году назвало себя Временным и оставляло главные вопросы государственного строительства и социальные реформы будущему Учредительному собранию, с созывом которого, однако, не торопилось. Страна формально до осени 1917 года оставалась монархией – без царя и без всяких предпосылок для коронации нового монарха.

Сразу после установления советской власти, 27 октября 1917 года, ВЦИК на своем первом заседании постановил провести выборы в Учредительное собрание в назначенный еще Временным правительством срок, 12 ноября 1917 года. Выборы состоялись по спискам, составленным еще до революции. Например, разделившиеся на две партии с разным отношением к советской власти левые и правые эсеры шли одним списком, как эсеры. Историки, в том числе буржуазные, признают, что соотношение числа депутатов правых эсеров (370) и левых эсеров (40) было случайным и не отражало позиции крестьянства к этим уже двум разным партиям. Среди делегатов крестьянских съездов, на которые правые и левые эсеры избирались уже по отдельным спискам, преобладали левые эсеры, а на выборах в Советы в городах эсеры уступали даже кадетам.

Политический процесс уже ушел далеко вперед, сама идея Учредительного собрания осталась в прошлом и не интересовала основную массу населения. В октябре И.А. Бунин записал в дневнике: «Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим».

Но для политиков отношение к Учредительному собранию было вопросом принципиальным, поскольку оно было органом, который по типу своему соответствовал буржуазно-либеральному пути развития революции. 13 декабря 1917 года были опубликованы «Тезисы об Учредительном собрании» – важнейшая после Апрельских тезисов

работа В.И. Ленина о государственном строительстве в русской революции. В ней говорилось, что возможность сосуществования двух типов государственности исчерпана, поскольку крестьянство и армия определенно перешли на сторону советской власти, а буржуазные силы начали с ней вооруженную борьбу (восстание Каледина, действия буржуазных режимов на Украине, в Белоруссии, в Финляндии и на Кавказе). Поэтому вопрос об отношении к Учредительному собранию не является юридическим. Оно может быть включено в государственное строительство лишь при условии признания им советской власти.

За эсеров, меньшевиков, различные национальные партии проголосовало около 60 %. За большевиков – около 25 %. За кадетов и другие правые партии – около 15 %. Таким образом, партии с принципиально буржуазной программой получили около 15 % тех, кто принял участие в выборах, партии с разными социалистическими программами – 85 %.

В связи с Учредительным собранием возник конфликт между революционными партиями социалистов – большевиками и эсерами (меньшевики имели 16 мест, а эсеры – 410). Это важно подчеркнуть, т. к. в годы перестройки пресса внедрила в общественное сознание представление, будто речь тогда шла о выборе между буржуазно-либеральным и социалистическим путем развития России. Большевики были более умеренной партией, нежели эсеры (например, в отношении террора). Передача власти Учредительному собранию (рассмотренная как умозрительный вариант) означала бы не возникновение буржуазной государственности, а гражданскую войну в худших условиях.

Накануне созыва Учредительного собрания, 3 января 1918 года ВЦИК принял постановление «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти», где говорилось, что вся власть принадлежит Советам. Учредительное собрание отвергло «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», большевики и левые эсеры покинули собрание, и оно утратило кворум. Собрание разошлось, на дверь повесили замок, и 6 января ВЦИК принял декрет «О роспуске Учредительного собрания». 10 января собрался III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, к нему присоединился

Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Эти съезды объединились, одобрили роспуск Учредительного собрания, и так возник единый высший орган власти.

Р. Пайпс пишет, что после разгона большевиками Учредительного собрания «массы почуяли, что после целого года хаоса они получили, наконец, “настоящую” власть. И это утверждение справедливо не только в отношении рабочих и крестьянства, но парадоксальным образом и в отношении состоятельных и консервативных слоев общества – пресловутых “гиен капитала” и “врагов народа”, презиравших и социалистическую интеллигенцию, и уличную толпу даже гораздо больше, чем большевиков» [37].

То, что произошло с «учредиловцами» дальше, красноречиво. Учредиловцы отправились к белочехам, объявили себя правительством России (Директорией), потом эту «керенщину» переловил Колчак. Они сидели в тюрьме в Омске, их вместе с другими заключенными освободили восставшие рабочие. Колчак приказал бежавшим вернуться в тюрьму, и «революционные демократы» послушно вернулись. Ночью их «отправили в республику Иртыш» – вывели на берег и расстреляли. В тот момент антисоветский парламент в России никого не привлек.

15. Представление о масштабах революции

Опыт революции 1905–1907 годов изменил не только представление Ленина о целях и социальной базе движения. Ленин ушел от марксизма и в том, что его программа стала исходить из иной картины мироустройства – структура капиталистической системы стала видеться как «центр – периферия». Ленин ушел и от присущего марксизму *механицизма* во взглядах на исторический процесс. Кризис классической ньютоновской физики сдвинул мышление к понятиям общественных процессов как перехода «порядок – хаос – порядок».

Революционная программа Ленина была адекватна большому общему процессу, всей траектории российской государственности. Позже это признали многие противники Ленина. Так, лидер кадетов П.Н. Милюков в своих воспоминаниях, изданных в 1927 году в Париже («Россия на переломе. Большевистский период русской революции»), писал о русской революции как о глубоком и длительном процессе изменения основных структур жизнеустройства.

Он так оценивал Октябрь: «С этой точки зрения и “коммунистическая” революция 25 октября 1917 г. не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции. Мы увидим, что никакого “коммунизма” не было введено в России и что сами коммунисты в процессе революции должны были приспособляться к условиям русской действительности, чтобы существовать. Большевистская победа в этом смысле лишь продлила общий процесс русской революции. Существенна в этой победе не поверхностная смена лиц и правительств – и даже не перемена их тактик и программ, а непрерывность великого основного потока революционного преобразования России, плоды которого одни только и переживут все отдельные стадии процесса» (см. [57]).

Сейчас нам лучше отложить современную мифологию и послушать летописца из очевидцев, как Н.Н. Суханов, который написал «Записки о революции» в семи томах (М., 1991–1992). Он был в гуще событий – член Исполкома Петроградского Совета с момента

его образования, член ВЦИК Советов, марксист по убеждениям, сторонник аграрной программы эсеров, вступил в партию меньшевиков.

Как очевидец он отвергает столь популярную ныне версию, что Октябрьская революция была «переворотом». Довод в пользу этой версии в том, что Зимний занимали небольшие силы. На это Суханов отвечает 26 октября: «Очевидно, восстание пролетариата и гарнизона в глазах этих остроумных людей непременно требовало активного участия и массового выступления на улицы рабочих и солдат. Но ведь им же на улицах было нечего делать. Ведь у них не было врага, который требовал бы их массового действия, их вооруженной силы, сражений, баррикад и т. д. Это – особо счастливые условия нашего октябрьского восстания, из-за которых его доселе клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом» [63].

Несмотря на сильную оппозицию внутри партии, большевики приняли новую теорию русской революции, которую разрабатывал Ленин после 1907 года^[16]. Согласно этой теории, это была революция союза рабочих и крестьян, направленная на то, чтобы *избежать* капитализма. Для ее успеха не было необходимости (да и возможности) дожидаться, чтобы капитализм в России исчерпал свой потенциал как двигатель в развитии производительных сил. А главное – в конкретных исторических условиях России на пути либерально-буржуазной государственности грозила верная катастрофа.

За 60 дореволюционных лет самым урожайным в России был 1909 год. В этот год в 35 губерниях с общим населением 60 млн человек (что составляло почти половину населения России) было произведено зерна, за вычетом посевного материала, ровно по 15 пудов на человека, что составляло официальный физиологический минимум. То есть, никакой товарной продукции село этой части России в среднем не производило. А значит, и ресурсов для строительства капитализма не возникало^[17]. Поэтому большевики взяли курс на революцию и власть Советов. И это был не доктринальный выбор, он вытекал из всей истории Российского государства.

Статья А. Грамши «Революция против “*Капитала*”», написанная в январе 1918 года, содержит такую мысль: «Создается впечатление, что в данный момент максималисты [большевики] были стихийным выражением [действия], *биологически* необходимого для того, чтобы

Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие стимулы голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга» [17].

Сегодня поражает доктринерская ограниченность наших антисоветских патриотов, отрицающих Октябрьскую революцию. Все, знающие имя русского ученого и государственного деятеля В.Н. Ипатьева, его, конечно, очень уважают. Гордость России, генерал, эмигрант, крупнейший химик и т. д. Так надо его послушать! В своем большом двухтомном труде «Жизнь одного химика» (Нью-Йорк, 1945) он пишет, что «продолжение войны угрожало полным развалом государства» – а либеральные и почти все левые партии требовали продолжения войны.

«Наоборот, большевики, руководимые Лениным, – продолжает Ипатьев, – своим лейтмотивом взяли требование окончания войны и реальной помощи беднейшим крестьянам и рабочим за счет буржуазии... Надо удивляться талантливой способности Ленина верно оценить сложившуюся конъюнктуру и с поразительной смелостью выдвинуть указанные лозунги, которым ни одна из существовавших политических партий в то время не могла ничего противопоставить... Можно было совершенно не соглашаться с многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию, но надо быть беспристрастным и признать, что переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 г., проведенный Лениным и Троцким, обусловил собой спасение страны, избавив ее от анархии и сохранив в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны» [58].

Ленин на митинге 2 мая 1920 г. сказал людям: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: “каждый за себя, один бог за всех”... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: “все за одного и один за всех”» (Соч. Т. 41. С. 108). Можем ли мы сегодня услышать такое от власти?

Ю.В. Ключников, редактор журнала «Смена вех» (в прошлом профессор права Московского университета, а во время Гражданской войны министр иностранных дел у Колчака), объяснял эмиграции

(1921), что большевики – «и не славянофилы, и не западники, а чрезвычайно глубокий и жизнью подсказанный синтез традиций нашего славянофильства и нашего западничества» [12].

Соединение русского славянофильства и русского западничества, крестьянского коммунизма с эсхатологической идеей прогресса придало проекту Ленина большую убедительную силу, которая привлекла в собираемый советский народ примерно половину старого культурного слоя (интеллигенции, чиновничества, военных и даже буржуазии). Так проект революции стал и большим проектом *нациестроительства*, национальным проектом и «разбудил» Азию. Там тоже была проблема западничества интеллигенции.

Этот сдвиг в России дался очень непросто. Преодоление старых догм углубило конфликт радикальных течений, в частности меньшевиков. «Национализация» марксизма поразила и старых большевиков-ленинцев. Этот конфликт был разрешен и частично подавлен лишь в начале 30-х годов. Но именно этот синтез позволил России вырваться из ловушки периферийного капитализма и придал революции характер национальной.

Об этом кадет Н.А. Гредескул так писал, споря с авторами «Вех», которые считали русскую революцию интеллигентской: «Нет, русское освободительное движение в такой мере было “народным” и даже “всенародным”, что большего в этом отношении и желать не приходится. Оно “проникло” всюду, до последней крестьянской избы, и оно “захватило” всех, решительно всех в России – все его пережили, каждый по-своему, но все с огромной силой. Оно действительно прошло “ураганом”, или, если угодно, “землетрясением” через весь организм России. Наше освободительное движение есть поэтому не что иное, как колоссальная реакция *всего* народного организма на создавшееся для России труднейшее и опаснейшее историческое положение» [11].

Ленин представлял российское общество как большую систему, и главные общности – тоже как системы, а не как монолиты. Он так выразил позицию мелкобуржуазной части крестьянства: «Россия так исключительно велика, что различные части ее могли в одно и то же время переживать различные стадии развития.

В Сибири и на Украине контрреволюция могла временно побеждать, потому что буржуазия имела там за собой крестьянство,

потому что крестьяне были против нас. Крестьяне нередко заявляли: “Мы большевики, но не коммунисты. Мы – за большевиков, потому что они прогнали помещиков, но мы не за коммунистов, потому что они против индивидуального хозяйства”. И некоторое время контрреволюция могла побеждать в Сибири и на Украине, потому что буржуазия имела успех в борьбе за влияние среди крестьян; но достаточно было очень непродолжительного периода, чтобы открыть крестьянам глаза. В короткое время они накопили практический опыт и вскоре сказали: “Да, большевики довольно неприятные люди; мы их не любим, но все же они лучше, чем белогвардейцы и Учредительное собрание”. Учредилка у них ругательное слово» [62].

А в наших учебниках даже не объяснили, почему крестьяне некоторых регионов разделяли большевиков и коммунистов. И мы в кино смеялись над тем, как крестьяне спрашивают Чапаева, большевик он или коммунист.

В функции революции Ленин включал срочные программы инвентаризации производительных сил России, на всей территории – огромная миссия. Уже это привлекло к советскому строительству большую часть старых ученых. Для примера можно привести работы по исследованию Курской магнитной аномалии. В ноябре 1918 года начала работать созданная для этой цели комиссия, в феврале 1919 года ее планы рассматривались в Совете обороны под председательством Ленина. Несмотря на боевые действия в этом районе, на месте стала работать экспедиция Академии наук, за год были определены границы аномалии. Работа была комплексной, участвовали ведущие ученые (И.М. Губкин, П.П. Лазарев, А.Н. Крылов, В.А. Стеклов, Л.А. Чугаев, А.Н. Ляпунов и др.). Был создан целый ряд новых приборов, разработаны ценные математические методы.

Академик П.П. Лазарев писал: «Мы можем с полным правом утверждать, что без Ленина не было бы предпринято это грандиозное комплексное исследование, получившее в настоящее время такое большое практическое значение. Несомненно, что идейная помощь Ленина, его ясное понимание задач, которые стояли перед исследованием, сыграли колоссальную роль в тех успехах, которые были получены в этой области» [64].

После революции 1905–1907 годов по степени привлечения *научного* знания стал выделяться проект большевиков. В нем шло быстрое развитие интеллектуального аппарата марксизма, основанного на картине мира классической науки, что привело к преодолению механистического детерминизма, свойственного историческому материализму. Ленин и близкие к нему интеллектуалы в большей степени, чем другие политические течения, сумели интегрировать в одну доктрину методологию марксизма, традиционное знание (общинный крестьянский коммунизм) и связанное с ним «народное» православие, разработки анархизма и концепцию «некапиталистического пути развития» народников. В целом в программе большевиков к 1917 году присутствовало видение России как большой динамической системы в переходном состоянии и уделялось большое внимание структурному анализу общественных процессов.

Эта структура доктрины революции показывает масштаб изменений. Уже тот факт, что в результате русской революции возник Коммунистический интернационал, в котором было представлено множество стран и культур, говорит о мировом характере произошедших в России событий. «Генеральным конструктором» этого реактора был Ленин.

16. Классы и сословия

Разрабатывая концепцию русской революции, Ленин столкнулся с принципиальной трудностью – представлением о *субъекте* социальных процессов и политического действия. В исторический материализм в качестве догмы вошло ключевое положение, согласно которому главными субъектами истории являются *классы*, а общественные противоречия выражаются в форме *классовой борьбы*.

Это положение было введено Марксом и Энгельсом в качестве постулата, а затем показано на историческом материале как непреложный вывод. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) сказано: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов».

Энгельс пишет в важной работе: «По крайней мере, для новейшей истории доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, – ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, – ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*» [67].

Авторитет основоположников марксизма в этом вопросе был непререкаемым^[18]. Уже русские демократы XIX века, а затем марксисты начала XX века восприняли это положение марксизма как догму. В России в начале XX века делались предупреждения об ограниченности возможностей классового подхода для понимания общественных процессов, однако перестроить сознание активных политических сил не удалось. С.Н. Булгаков, уже отходя от марксизма, писал в «Вехах», что национальную проблему игнорировала вся российская левая интеллигенция, «начиная от Чернышевского, старательно уничтожавшего самостоятельное значение национальной проблемы, до современных марксистов, без остатка растворяющих ее в классовой борьбе» [66, с. 76].

С.Н. Булгаков писал тогда о национальности: «Существует распространенное мнение, ставящее выше нации классы... Нельзя уменьшать силы классовой солидарности и объединяющего действия общих экономических интересов и борьбы на этой почве. И однако

при всем том национальность сильнее классового чувства, и в действительности, несмотря на всю пролетарскую идеологию, рабочие все-таки интимнее связаны со своими предпринимателями-соплеменниками, нежели с чужеземными пролетариями, как это и сознается в случае международного конфликта» [65].

Но в условиях кризисов и катастроф общие закономерности не действуют. Прошло всего несколько лет после этого его утверждения, и социальный конфликт в России именно «рассек нацию на части» — вплоть до гражданской войны. Рабочие и крестьяне воевали со своими «предпринимателями-соплеменниками» и помещиками буквально как с иным, враждебным народом. Казалось, что ими движет классовое чувство. И в обыденном сознании укоренилась классовая риторика. Ее использовал Ленин.

Летом 1917 года в работе «Русская революция и гражданская война» он писал: «Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты» [68, с. 217]^[19].

В действительности социальные группы в России имели еще сословное мировоззрение, а не классовое. Наиболее продвинутое классовое самосознание было присуще только буржуазии, но эта общность была крайне малой. В 1905 году доход свыше 20 тыс. руб. (10 тыс. долл.) в год от торгово-промышленных предприятий, городской недвижимости, денежных капиталов и «личного труда» получали в России, по подсчетам Министерства финансов, 5739 человек^[20]. Остальные богатые люди, не считая помещиков, получали доход на службе. В Москве, согласно переписи 1902 года, было 1394 хозяев фабрично-заводских заведений, включая мелкие. 82 % предпринимателей входили в состав старых ремесленно-торговых сословий, были включены в иерархию феодального общества, имели свои сословные организации и не испытывали нужды в переустройстве общества на либерально-буржуазный лад.

Одним из парадоксов России было то, что за расширение возможностей буржуазного развития боролись партии (меньшевики и эсеры), не являющиеся буржуазными ни по своему социальному составу, ни по идеологии. М. Вебер, объясняя коренное отличие

русской революции от буржуазных революций в Западной Европе, приводит фундаментальный довод: к моменту первой революции в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей буржуазии в либеральном движении. Это понятие даже не фигурирует среди главных программных требований данного движения. Как пишет исследователь трудов Вебера А. Кустарев, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции».

Реально представление о буржуазии в массовом сознании было далеким от марксизма. М.М. Пришвин записал в дневнике (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс “эгоистических побуждений”, но кого считать за буржуазию?.. Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Ясно, что эти критерии принадлежности к классу буржуазии не имели ничего общего с концепцией Маркса. Взятые у него слова в России были наполнены другими смыслами.

В примерно таком состоянии было представление о рабочем классе. На VIII съезде РКП(б) Ленин говорил, что слой рабочих, «которые составляли нашу силу, – этот слой в России неимоверно тонок». Много исследователей после этого пытались уточнить число рабочих. В результате считалось, что рабочих в фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн. Но главное даже не в количестве. Рабочий класс России, не пройдя через горнило атомизации, не обрел мироощущения *пролетариата* – класса утративших корни индивидов, торгующих своей рабочей силой. В подавляющем большинстве они были рабочими в первом поколении и по типу мышления оставались крестьянами. В 1905 году половина рабочих-мужчин имела землю, и эти рабочие возвращались в деревню на время уборки урожая. Большая часть рабочих жила в бараках, а семьи их оставались в деревне. В городе они чувствовали себя «на заработках». Городской рабочий начала XX века говорил и одевался примерно так же, как и крестьянин, был близок к нему по образу жизни и по типу культуры.

Даже и по сословному состоянию большинство рабочих было записано как крестьяне.

Сохранение общинной этики проявилось в форме мощной рабочей солидарности и способности к самоорганизации, которая не возникает из только классового сознания. Это определило необычное для Запада поведение рабочего класса в революционной борьбе и в его самоорганизации после революции, при создании новой государственности. Многие наблюдатели отмечали даже такое явление: рабочие в России начала XX века «законсервировали» крестьянское мышление и по образу мыслей были более крестьянами, чем те, кто остался в деревне.

В реальной политической практике революционеры обращались к *народному*, а не *классовому*, чувству – именно потому, что народное чувство ближе и понятнее людям. Так, Ленин писал в листовке «Первое мая» (1905 г.): «Товарищи рабочие! Мы не позволим больше так надругаться над русским народом. Мы встанем на защиту свободы, мы дадим отпор всем, кто хочет отвлечь народный гнев от нашего настоящего врага. Мы поднимем восстание с оружием в руках, чтобы свергнуть царское правительство и завоевать свободу всему народу... Пусть первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания, – давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на тирана... Пусть вооружится весь народ, пусть дадут ружье каждому рабочему, чтобы сам народ, а не кучка грабителей, решал свою судьбу» [69].

Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «В мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным, реакционным классом» [6, с. 88–89].

Этот единый народ рабочих и крестьян и был *гражданским обществом* России, ядром всего общества, составленным из свободных граждан, имеющих сходные идеалы и интересы. Оно было отлично от западного гражданского общества тем, что представляло из

себя *республику трудящихся*, в то время как ядро западного общества представляло собой *республику собственников*.

Ключевым понятием советской идеологии на первых этапах была *диктатура пролетариата*. Термин этот, введенный Марксом в 1852 году, не был разработан, в России он употреблялся как метафора, без придания ему затвержденного значения. Его эмоциональная окраска менялась в зависимости от обстановки. Сразу после Октября диктатура пролетариата (в союзе с крестьянством) понималась как власть абсолютного большинства, которая сможет поэтому обойтись без насилия – с таким основанием отпускались под честное слово юнкера и мятежные генералы. По мере обострения обстановки упор делался на слове *диктатура*, и метафора использовалась для оправдания насилия.

Главное, что в советской идеологии это понятие не имело классового смысла (независимо от риторики). К неклассовому пониманию «диктатуры пролетариата» крестьяне были подготовлены самой их культурой. Она воспринималась как диктатура тех, кому нечего терять, кроме цепей, – тех, кому не страшно постоять за правду. Пролетариат был новым воплощением народа, несущим избавление – общество без классов.

Антибуржуазность и органов рабочего самоуправления (фабзавкомов), и сельских советов была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а культурной. Фабзавкомы, забиравшие после Февраля рычаги управления в свои руки, предлагали владельцам фабрик стать «членами трудового коллектива», войти в «артель» – на правах умелого мастера с большей, чем у других, долей дохода (точно так же, как крестьяне в деревне, ведя передел земли, предлагали и помещику стать членом общины). Ленин писал об организованном в рамках фабзавкома рабочем: «Правильно ли, но он делает дело так, как крестьянин в сельскохозяйственной коммуне» (см. [70, с. 86]).

Партийно-представительная демократия, свойственная классовому обществу, не была принята населением. Временное правительство, которое пыталось опереться на такую политическую структуру, «повисло в воздухе». Историки (например, В.О. Ключевский) еще с 1905 года предупреждали, что попытки сразу

перейти от монархии к «партийно-политическому делению общества» будут обречены на провал, но кадеты этого не поняли. В августе 1917 года М.В. Родзянко говорил: «За истекший период революции государственная власть опиралась исключительно на одни только классовые организации... В этом едва ли не единственная крупная ошибка и слабость правительства и причина всех невзгод, которые постигли нас».

В отличие от этой буржуазно-либеральной установки, Советы (рабочих, солдатских и крестьянских) депутатов формировались как органы не классово-партийные, а корпоративно-сословные, в которых многопартийность постепенно вообще исчезла.

В 1921 году началась «новая экономическая политика» (НЭП). Она породила в партии острые и болезненные дискуссии о классовой борьбе. НЭП называли «крестьянским Брестом», Ленин опять объяснял, что в России «смычка с крестьянством» – фундаментальное условие построения социализма. Ненависть к «крестьянской» компоненте у части просвещенных большевиков была устойчивой, и позже эту «смычку» прямо увязывали со сталинизмом. Неявно вопрос об отношении к крестьянству возник и в культуре. В дискуссии о литературе к Пролеткульту примкнули «классовики», с которыми ЦК партии вел борьбу. Острые споры с «классовиками» возникли относительно комсомола, который стал преимущественно *крестьянской* организацией.

Недовольство отходом от классового подхода возникло не только в РКП(б), меньшевики и эсеры называли поддержку отсталого мелкобуржуазного крестьянства вместо рабочего класса капитуляцией. В партии вновь активизировалась «рабочая оппозиция». Был проект привлечь иностранный капитал и иностранных рабочих для создания «крупных сельскохозяйственных фабрик» и внедрения современной технологии.

Летом 1921 года М. Горький в беседе с гостем из Франции сказал: «Пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае – несколько миллионов). Крестьяне же – это целый легион. В борьбе, которая с самого начала революции идет между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырех лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов,

огромная крестьянская волна поглотит все... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего» (см. [39, с. 750]).

Ленин с большим трудом убедил и съезд Советов, и XI съезд РКП(б) продолжить программу НЭПа. Уже результаты 1922 года показали, что прогноз Ленина был верен: «реанимирующее влияние НЭПа распространилось на все области хозяйства».

Сложные проблемы создали представления о классах в сословном обществе в переходном состоянии при строительстве институтов права. В системе права в период НЭПа начались поворот от борьбы с *классовым врагом* и отмена классового подхода. Важную роль в дискуссиях по юридическим вопросам занимала концепция «революционной законности», возникшая в 1921–1922 гг. Она была идеологической основой для перехода от *«революционного правосознания»* к нормальной правовой системе со стабильными юридическими гарантиями, без которых был невозможен НЭП. В результате этих дискуссий резко возросла роль прокурора как стража революционной законности (эпитет *«революционная»* был вскоре тихо забыт).

В ранний период советского права идея «классовых судов против буржуазии» почти не оказала никакого влияния на судебную практику (саму идею выяснять на суде классовую принадлежность преступника Ленин назвал «величайшей глупостью»). Суды просто поддерживали порядок и закон против любых нарушителей. В УК 1922 года принцип классового суда не упомянут. Но в 1924 году видные юристы (особенно прокурор РСФСР Н.В. Крыленко) подняли вопрос о применении классового подхода при назначении наказаний. После периода колебаний и противоречивых приказов Верховный суд РСФСР принял установки Ленина 1922 года и 29 июня 1925 года издал инструкцию со специальным предостережением против классовой дискриминации в уголовном судопроизводстве.

Прошла волна *культы законности* в связи с лозунгом «Лицом к деревне!», который означал установление правовых гарантий для состоятельного крестьянина. Настолько сильной была массовая тяга к уравнительству по выходе из «военного коммунизма», что Семашко пояснял закон так: «Если по нашим законам гражданин имеет право владеть комплектом одежды, то никто не имеет права раздевать его на

основе принципа равноправия только потому, что ему случилось встретить на улице человека без одежды».

Пройдя через НЭП с его восстановительной программой и большими проектами и через форсированную индустриализацию и ВОВ, СССР смог почти полвека стабильно и быстро развиваться. Этот путь во многом был определен методологией и стратегией Ленина. Но требуется исследовать колоссальный провал русской революции – Гражданскую войну.

Только партия Ленина, будучи марксистской, не подчинялась догмам классового подхода, а смогла верно представить структуру российского общества, чаяния и ценности большинства. Она смогла интегрировать в свою программу знание, полученное в поисках главных общностей. Даже идеи народников большевики поняли гораздо органичнее, нежели прямые наследники народников – эсеры.

Разрыв с меньшевиками и эсерами, революционерами с *социалистическими* программами, произошел из-за ошибочной трактовки революции как *буржуазной* и потому, что они считали необходимым поддерживать буржуазию как в данный момент прогрессивный класс. Догмы устаревшего механистического учения привели к катастрофе.

Признание эсерами и меньшевиками советской власти, по мнению Ленина, предотвратило бы гражданскую войну. Он писал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной» [68, с. 222].

Но признать власть Советов эсеры и меньшевики не согласились, и та часть народа, что их поддерживала, сложилась в достаточную для гражданской войны «критическую массу».

17. Чаяния и расхожие мнения

Хосе Ортега-и-Гассет сказал (1914): «Фихте гениально заметил, что секрет политики Наполеона и вообще всякой политики состоит всего-навсего в провозглашении того, что есть, где под тем, что есть, понимается реальность, существующая в подсознании людей, которая в каждую эпоху, в каждый момент составляет истинное и глубоко проникновенное чаяние какой-либо части общества.

Политика – это работа в равной мере и мысли, и волеизъявления; недостаточно каким-либо идеям промелькнуть в нескольких головах, надо, чтобы они получили социальную реализацию. А для этого необходимо, чтобы на службу идеям решительно устремилась энергия широких социальных групп... Отсюда та миссия, которую и надлежит выполнить политику, настоящему политику: провозглашать то, что есть, отказываясь от витающих в воздухе и лишенных ценности расхожих суждений, от устаревших сентенций» [71].

В системе «русская революция» таким политиком был Ленин. По критерию, который сформулировал Ортега-и-Гассет, в тот период никто не мог сравниться с Лениным даже в мировом масштабе. Он очистил от расхожих суждений и провозгласил в ясных словах чаяние большинства людей почти всех культур. И русская революция стала двигателем мирового процесса. Это чувствовалось и в России, и на Западе, и на Востоке.

Английский экономист Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, писал, что Россия тогда была главной лабораторией жизни. Она, как никто, была близка и к земле, и к небу. Он написал: «Ленинизм – странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, – религии и бизнеса».

Ленин понял, что крестьяне поднялись как сплоченная *антибуржуазная* сила и что революция в России в главном своем потоке не буржуазная и не может привести к либеральной западной демократии. По уму и чувству Ленин был несравненно выше и Плеханова, и Троцкого. Они даже после «университета» революции 1905 года так и остались догматическими марксистами, а Ленин был

марксистом творческим и отошел от догм. Хотя убеждать даже верхушку партии большевиков ему было очень трудно.

Т. Шанин писал, что два политика в России верно поняли суть революции 1905 года – Столыпин и Ленин. Столыпин поставил своей целью спасти помещиков, а ради этого расколоть крестьянство на классы, заменив общину капитализмом. Так же поначалу мыслил и Ленин, но после 1905 года резко изменил позицию, а Столыпин потерпел поражение.

Сравните главные тезисы Ленина между Февралем и Октябрем с расхожим суждением по этим вопросам партийной интеллигенции почти всех направлений. *Немедленный мир* (Ленин) – война до победного конца; *национализация земли* (Ленин) – отложить до законного решения парламента; *республика Советов* (Ленин) – буржуазная республика; *немедленная социалистическая революция* (Ленин) – развитие капитализма до исчерпания его возможностей.

Совершенно не важно, какая из этих противоположных позиций нам *сегодня* нравится больше. Важно не *сегодня*, а *тогда*. Тогда крестьяне не желали того, чего требовало «расхожее мнение» всех революционных политиков, кроме Ленина. И потому-то крестьяне не слишком сопротивлялись красным продотрядам (а белым сопротивлялись очень упорно).

Проект Ленина по своему типу был деятельным и вытекающим не из доктрины, а из обыденных жизненных потребностей – материальных и духовных. Это – редкое сочетание больших идеалов (чаяний) со здравым смыслом. Кейнс сказал, что Ленин соединил чисто земные задачи с высшими идеалами. В условиях национальной катастрофы именно такое сочетание и оказывается спасительным. В условиях разрухи, при, казалось бы, полном отсутствии средств, Ленин заботился о восстановлении какого-то подобия жизнеустройства, чтобы свести гибель людей к минимуму. Бедствие в среде крестьянства было резко снято двумя декретами – о мире и о земле. Бедствие горожан было смягчено военным коммунизмом – 35 млн пайков, которые дали горожанам половину их пропитания. А для всего населения главная заслуга Ленина состоит в том, что он сумел *обуздать* революцию и реставрировать Российское государство. Это плохо вяжется с официальной историей, но это так.

Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужны были огромная смелость и понимание именно чаяний народа, а не его «расхожих суждений». В марте 1920 года, продолжая спор с меньшевиками и эсерами, Ленин сказал им следующее: «Разве с февраля до октября 1917 года вы не были у власти вместе с Керенским, когда вам помогали все кадеты, вся Антанта, все самые богатые страны мира? Тогда вашей программой было социальное преобразование без гражданской войны. Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему же вы этого не сделали? Потому что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием. Потому что нельзя сговориться с капиталистами и мирно их себе подчинить, особенно после четырехлетней империалистической войны» [72].

После 25 октября 1917 года со всей остротой встала перед новым государством проблема выхода из мировой империалистической войны. Еще летом 1917 г. стало очевидно, что после разрушения государственности царской России продолжать войну было нельзя, старая армия не могла воевать. Последний военный министр Временного правительства генерал А.И. Верховский заявил о необходимости мирных переговоров и за это был отправлен в отставку. Н.Н. Суханов писал: «Среди “правителей” Верховский был не только ответственным, но и *добросовестным* человеком. И он с конца сентября забил тревогу не только в качестве военного министра, но и в качестве патриота. Он тоже видел, что армия не выдержит и воевать больше не может. И он поднял голос не только о ее усилении, о ее избавлении от голода, но и о *прекращении войны*» [73].

Как и все главные политические решения большевиков после Февраля, Декрет о мире и затем его реализация в практически достижимой форме были вызваны реальным состоянием страны и соответствовали чаяниям народа. Вовсе не сразу пришли большевики к пониманию этого состояния. Член Исполкома Петроградского Совета меньшевик Н.Н. Суханов в своих «Записках о революции» вспоминает, как 21 сентября 1917 года на заседании Совета прибывший с фронта говорил: «Солдаты в окопах не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят сейчас одного – конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут». Как пишет Суханов, на

это слышались возгласы: «Этого не говорят и большевики!» Но офицер продолжал твердо: «Мы знаем, и нам неинтересно, что говорят большевики. Я передаю то, что я знаю и о чем передать вам меня просили солдаты» [73]^[21].

Критика большевиков, пошедших на мир с Германией, была доктринальной – и внутри России, и в западном левом движении. В декабре 1917 года немецкий республиканец Г. Фернау, живший в Швейцарии, в открытом письме обвинил Ленина в том, что он пошел на переговоры с военщиной Германии, вместо того чтобы «довести до конца дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс от всякого рабства». Ленин ему ответил тоже открытым письмом, в котором говорилось: «Мы хотели бы спасти наш народ, который погибает от войны, которому мир абсолютно необходим. Требуете ли Вы, чтобы, если другие народы все еще позволяют губить себя, наш народ делал бы то же из духа солидарности?» [77]^[22].

Взяв власть под лозунгом «мира без аннексий и контрибуций», Советы начали переговоры о мире, и 3 марта 1918 года был подписан Брестский мирный договор с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. Как и предвидел Ленин, длительного правового действия этот мир не имел и был официально аннулирован советским правительством 13 ноября 1918 года.

Особую роль сыграл Ленин в программе, которую можно назвать «*Возрождение государственности в чрезвычайных условиях*». Это было практически всеобщее чаяние.

Важнейшей программой, к которой приступили большевики сразу после Октябрьской революции, было *государственное строительство*. Оно неминуемо должно было войти в конфликт с освобожденной энергией революционных масс и с теми неформальными или квазигосударственными институтами, которые она породила и которые, строго говоря, и были инструментом революции. В условиях острой разрухи и острой политической борьбы в руководстве рабочих организаций даже очевидно необходимые действия по наведению порядка вызвали столкновение с частью несогласных – тем более что многие действия Советов сами отличались избыточным радикализмом, особенно там, где руководителями были левые большевики и левые эсеры.

В понимании революции, которая пошла по «двум коридорам», Ленин разрабатывал сложную концепцию: *общества без государства* (переход «порядок – хаос») и периода *построения и укрепления государства* (переход «хаос – порядок»).

Коротко вспомним первый переход («порядок – хаос»). 27 февраля 1917 года Совет министров послал царю в Ставку (Могилев) телеграмму с просьбой о коллективной отставке и разошелся. 28 февраля многие министры, включая председателя Совмина, были арестованы. 2 марта состоялось отречение царя и было создано Временное правительство.

Сразу разрушению подверглась вся система власти, важнейшие вопросы откладывались до появления Учредительного собрания. Как признал тогда лидер правых А.И. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть». Что Временное правительство, ориентируясь на западную модель буржуазного государства, разрушало структуры традиционной государственности России, было очевидно и самим пришедшим к власти либералам. Французский историк Ферро, ссылаясь на признания Керенского, отмечает это *уничтожение российской государственности* как одно из *важнейших явлений Февральской революции*.

Безвластие коснулось буквально каждого человека. Были ликвидированы посты генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, полицейские и жандармские должности и управления, в губернии и уезды назначили комиссаров. Но у них не было никаких реальных средств влиять на положение. Как они сами заявили в Петрограде, без опоры на местные Советы их власть «равна нулю» – но правительство вело дело к конфликту и с Советами. В армии была проведена чистка комсостава (по данным Деникина, за первые недели было уволено около половины действующих генералов). Начался территориальный распад.

Хаос стал бы полным, если бы уже не были созданы элементы матрицы советской власти (Советы, фабзавкомы, Красная гвардия и милиция, а также партийные ячейки). Для советского государственного строительства было характерно абсолютное недопущение *разрывов непрерывности* в наличии власти. Проявившееся в эпоху становления

советского строя «чувство государственности» (иногда даже говорили об «инстинкте»), а также доктрина государственности, сложившаяся во многом на базе обыденного здравого смысла, – особая глава истории русской культуры.

За полвека до Октября русская культура создала уникальную гамму крупных социально-философских учений, в которых были продуманы (мысленно «испытаны») целые цивилизационные проекты: народничество, анархизм, русский либерализм, монархический традиционализм, социал-демократизм и русский коммунизм, православный социализм (для сравнения стоит сказать, что в западной общественной мысли в то время конкурировали лишь два крупных социально-философских учения – либерализм и марксизм, – родственные по своим мировоззренческим корням). При всей несхожести этих течений, все они участвовали в создании образов идеального, желаемого и возможного государства России. Русская культура провела огромный и длительный «мысленный эксперимент». Литература донесла вопросы и ответы этого эксперимента до широких народных масс в художественных образах – лучше, чем это могла бы сделать научная философия.

Всю эту систему знания освоил именно Ленин, методолог-новатор.

Поставив в работе «Государство и революция» проблему слома старой государственной машины, Ленин после Октября, уже как председатель правительства, убедился, что «машина» государства уже разрушена до большевиков и стране грозит катастрофа. И в идеологии большевиков был сделан удивительно быстрый и принципиальный поворот – она становится государственной и даже державной. По этому вопросу Ленину приходилось вести резкие споры с рядом других лидеров (например, с Н.И. Бухариным).

Для нашего главного вопроса достаточно сравнить два главных проекта, задающих России разные и расходящиеся цивилизационные пути. Один проект – партии кадетов и более левых либеральных партий, предполагающие построение в России государства западного типа с рыночной экономикой. Этот проект воплощал сначала Керенский, а потом Деникин и Колчак. Были в нем и радикалы (Корнилов), так что однажды большевикам пришлось защищать

умеренного Керенского – такое бывает в политике. К этому проекту присоединилась часть эсеров и меньшевиков. Это – Февраль, «белые».

Другой проект – советский, его воплощал Ленин. Это – Октябрь, «красные». Советский проект также был неоднороден: вначале его поддерживали левые эсеры, временами анархисты (Махно), внутри большевизма было несколько течений, борьба между которыми разгорелась после смерти Ленина и кончилась 1937-м годом.

И белый, и красный проекты Россия сравнила не в теории, не по книгам, а на опыте, через тысячи больших и малых дел. Сначала, с февраля по октябрь 1917 года, сравнение проходило в мирных условиях сосуществования Временного правительства и Советов. Это соревнование проект Керенского проиграл вчистую. Новая государственность по типу либерального Запада не сложилась, а ее зачатки авторитета не завоевали и 25 октября без боя сдали власть Советам.

При этом надо отметить одну принципиальную трудность, с которой столкнулась новая власть и на которую в нашей официальной истории как-то не обращали внимания. Разочарование, которое испытала либеральная интеллигенция после поражения революции 1905–1907 годов, тяжести мировой войны и хаос революции после Февраля привели к тому, что итак немногочисленная интеллигенция в большой своей части сникла и «дезертировала» от работы по организации государственного и хозяйственного строительства.

Однако под давлением и при активном участии Запада блок кадетов и эсеров попытался военным путем вернуть власть и продолжить свой проект. С середины 1918 года сравнение обоих проектов происходило в форме гражданской войны. За ней наблюдала вся Россия, и это был второй этап «пробы на зуб». Военное соревнование, как известно, белые также проиграли вчистую. Антисоветский историк М.В. Назаров говорит определенно: «При всем уважении к героизму белых воинов следует признать, что политика их правительств была в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь – что и привело их к поражению так же, как незадолго до того уже потерпел поражение сам Февраль» (см. [79]).

Этот факт мы должны себе объяснить и его затвердить, иначе дальше не продвинемся. Белые унаследовали остатки государственного аппарата, имели полную поддержку имущих классов

России и большую поддержку (включая военную интервенцию) Запада. Поначалу у них был такой огромный перевес над красными, что они овладели практически всей территорией России, за исключением маленького пятячка в центре. Почему же они начали утрачивать эти территории и отступать перед Красной армией, обутой в лапти?

Ответ известен, но его у нас из головы вытеснили при промывании мозгов. Образно говоря, красные победили потому, что крестьяне им сплели миллион лаптей. А белым не сплели, и им пришлось просить ботинки и обмотки у англичан. Белая армия действовала в России как завоеватели, и ее продвижение сопровождалось восстаниями (по словам историка белых А. Зайцева, издавшего в 1934 году в Париже большую книгу, вслед за белыми шла «волна восставших низов»). По выражению западных историков, в России тогда возникло «межклассовое единство низов», которые отвергли проект белых. Отвергли в целом, а не по мелочам и не из-за жестокостей и казней.

Важный факт: несмотря на все ошибки и даже злодеяния «местных» большевиков, развязанная против них гражданская война резко изменила отношение населения к ленинскому проекту в принципе. Вот свидетельство человека правых взглядов – Алексея Васильевича Бабина (1866–1930), в эмиграции Алексиса Бабине. В 1988 году в Англии вышли его дневники под названием «Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабине в Саратове. 1917–1922». Он отстраненно повествует о бытовой, фактологической стороне гражданской войны, вплоть до подсчета оружейных выстрелов и пулеметных очередей. Из его дневников становятся ясны масштабы «стихийного» насилия в обстановке хаоса, агонии старой государственности. Рецензенты этой книги отмечают: «Разумеется, автор не смог скрыть своих политических симпатий. Они не на стороне большевиков... Но, странное дело, Бабин отмечает и оказываемую им поддержку со стороны “добропорядочных” граждан Саратова накануне перехода власти к Советам, и неожиданные симпатии к новым правителям со стороны “ультраконсервативной” университетской профессуры».

Об этом же говорил и М.М. Пришвин: большевики сразу проявили себя как сила, занятая строительством государства, а в этом

была надежда на возрождение жизни. И у множества «ультраконсервативных» буржуа и профессоров инстинкт жизни пересиливал их классовую ненависть.

Что касается подходов к обустройству самой России, то стратегии воссоздания государственности в условиях Гражданской войны у красных и у белых были различными, что во многом предопределило исход войны. И Белое, и Красное движения («Февраль и Октябрь») были движениями *революционными*. Но отказ белых принять на себя бремя власти, а не только «борьбы с красными», лишило их поддержки даже со стороны буржуазных слоев. Хаос был страшнее большевиков. Генерал Бонч-Бруевич писал: «Скорее инстинктом, чем разумом, я тянулся к большевикам, видя в них единственную силу, способную спасти Россию от развала и полного уничтожения».

Попробуйте сегодня, когда опубликовано множество воспоминаний лидеров Белого движения, реконструировать их программу! Поразительно, но это в принципе невозможно. Вот «Воспоминания террориста» Б. Савинкова, исключительно активного в Гражданской войне руководителя эсеров, человека университетски образованного, писателя. Ради чего он пролил море крови? Полный мрак – ни одного конструктивного утверждения. Ничего, кроме мечты об Учредительном собрании. Но ведь любой здравомыслящий человек в России в тот момент задал бы вопрос: что же ты, Савинков, хочешь сказать в этом Учредительном собрании? Почему же вы, эсеры, отвергли в Учредительном собрании в январе 1918 года декреты советской власти, которые очевидно были одобрены подавляющим большинством народа?

Не ставя долгосрочных целей, не предъявляя своего «образа будущего», белые не могли решать и срочные задачи. А. Деникин писал, что ни одно из антибольшевистских правительств «не сумело создать гибкий и сильный аппарат, могущий стремительно и быстро настигать, принуждать, действовать. Большевики бесконечно опережали нас в темпе своих действий, в энергии, подвижности и способности принуждать. Мы с нашими старыми приемами, старой психологией, старыми пороками военной и гражданской бюрократии, с петровской Табелью о рангах не поспевали за ними...» [74].

Вот в чем нам надо сегодня разобраться! Ведь П.Н. Врангель под конец пытался проводить «левую политику правыми руками» –

земельную реформу, чтобы привлечь на свою сторону зажиточное крестьянство Юга России и Украины. Ничего не получилось – ее отвергли и помещики, и кулаки, и крестьяне. Видно было по всему, что это наивная утопия.

Для населения важным был и тот факт, что большевики смогли установить в Красной армии более строгую дисциплину, чем в Белой – принцип «непредрешенчества» повлиял даже на армию. В Красной армии была гибкая и разнообразная система воспитания солдат и действовал принцип круговой поруки. Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета – дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать, а новые надо было *строить*. М.М. Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 года записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

Таким образом, проект белых, даже если бы им в первые месяцы удалось задушить советскую власть, означал бы длительную тлеющую гражданскую войну. Он был отвергнут крестьянами – которые составляли 85 % населения России. А они в то время обладали возможностями для сопротивления длительного и упорного. Рано или поздно, но они «сожрали» бы белых, как за два месяца сожрали Колчака в Сибири без Красной армии. Но до этого Россия была бы обескровлена несравненно больше, чем при организованном устранении белых Красной армией. Взаимоуничтожение русских, распад страны и разрушение потенциала развития были бы несравненно более глубокими.

Из опыта вытекает, что проект государственного строительства Ленина был спасительным. Это остро почувствовали поэты и писатели, особенно те, кто знал деревню (Пришвин, Есенин, Клюев). Л. Андреев писал: «Двадцать пятого октября 1917 г. русский стихийный и жестокий Бунт приобрел голову и подобие организации. Эта голова – Ульянов-Ленин. Это подобие организации – большевистская советская власть» [75]. А.М. Горький написал более подробно: «Гражданская война, вероятно, продолжалась бы и до сего дня, если бы Владимир Ленин и его товарищи, рискуя совершенно распылить и уничтожить незначительную численно партию большевиков – рабочих в массе анархизированного войной

крестьянства, не двинули эту партию на передовые посты, возглавив ею крестьянство. Этим Ленин спас Россию от окончательного разрушения и порабощения капиталистами Европы, – история не может не признать за ним эту заслугу» [76].

А сегодня нам стоит повторить за Есениным слова, что он написал в 1924 году: *«Мы многое еще не сознаем, // Питомцы ленинской победы»*.

18. Выход из Гражданской войны и обуздание революции

Во время революции каждая политическая сила, имеющая конструктивный проект и претендующая на то, чтобы стать во главе строительства нового жизнеустройства всего народа, вынуждена в какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, *обуздание* того самого социального движения, что ее подняло. Возможно, это самый болезненный этап в любой революции, здесь – главная проба сил. Только то политическое движение, что отражает самые фундаментальные интересы (чаяния) своей социальной базы, способно выступить против ее «расхожих мнений», чтобы ввести ее разрушительную энергию в русло строительства.

Овладеть главным потоком революции – народным бунтом, со всеми его великими и страшными сторонами, – оказалось для большевиков самой важной и самой трудной задачей, хотя, конечно, острая и прямая опасность исходила, начиная с середины 1918 года, от белого движения. Постановка задачи «*обуздания революции*» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Решение этой противоречивой задачи было в том, чтобы договориться о главном, поддержать выбранную огромным большинством траекторию. Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужны были огромная смелость и понимание именно чаяний народа. А это понимание встречается у политиков чрезвычайно редко.

Мечтать о том, чтобы из революции можно было выйти без подавления какой-то части общества, – наивная утопия. Трагедия любой революции в том и состоит, что противоречия в ходе ее обостряются настолько, что обратно пути нет и согласия достигнуть очень трудно, особенно если уже пролилась кровь. У нас гражданская война кончилась, когда Россия «кровью умылась».

Прежде всего Советское государство должно было восстановить монополию на *легитимное насилие*. Это означало необходимость ликвидации всех иррегулярных вооруженных сил партийной окраски. После Октябрьской революции *вооруженные силы* страны составляли

отряды Красной гвардии, рабочей милиции, части старой армии, которые поддержали советскую власть.

Ввиду явной опасности, что с фронта вглубь страны хлынет неорганизованный поток вооруженных дезертиров, Советское государство сразу приступило к демобилизации старой армии. Одновременно был начат процесс создания новой постоянной и регулярной армии (обсуждалась возможность реорганизации старой армии *без ее демобилизации*, но она была признана нереальной). 15 января 1918 года СНК принимает декрет «О рабоче-крестьянской Красной армии».

Один из самых красноречивых эпизодов – ликвидация *Красной гвардии*. Об этой операции мы ничего не знаем из официальной истории – она никак не вписывалась в упрощенную модель классовой борьбы. В Петрограде Красная гвардия была распущена 17 марта 1918 года, о чем было объявлено во всех районных Советах с предложением всем желающим записываться в Красную армию. Как сообщала оппозиционная печать, начальник штаба Красной гвардии И.Н. Корнилов был арестован [78].

Это и другие действия по «огосударствлению» революционного общества вызвали сопротивление части рабочих даже в центре России. Так, наблюдался отток рабочих из Красной армии: например, к середине мая почти все рабочие с петроградского завода Речкина, ушедшие в Красную армию, вернулись на завод, так как не хотели, чтобы остальные рабочие смотрели на них «как на опричников».

В целом же установка на максимально быстрое восстановление государственности, принятая советской властью, хотя поначалу и создала очаги рабочих восстаний («гражданской войны среди своих»), стала фактором, подавляющим накал Гражданской войны *в целом*.

Весной 1918 года началась иностранная военная интервенция, и ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. Созданные на местах военкоматы вели комплектование армии (оружие было предоставлено трудящимся, нетрудовые элементы выполняли иные воинские обязанности).

В марте СНК узаконил привлечение в Красную армию «военных специалистов» из числа офицеров и генералов старой армии (это решение подтвердил V Всероссийский съезд Советов). Это вызвало в партии острую дискуссию и даже конфликты. Возникла т. н. «военная

оппозиция» на VIII съезде РКП(б) – из числа противников этого решения. Аргументом были частые измены военспецов, особенно мятеж двух фортов Кронштадта, измена командующего Восточным фронтом, нескольких командующих армиями, переход на сторону белых всего профессорско-преподавательского состава и 80 % слушателей старшего курса Военной академии РККА (бывшей Николаевской) в Казани.

Создание новой армии происходило трудно. Однако Ленин в отстаивании своей позиции проявил исключительную настойчивость. Так, когда несколько военспецов из Пермской дивизии перебежали к врагу, председатель Реввоенсовета республики Троцкий приказал расстрелять всех комиссаров частей, где были перебежчики. РВС армии направил протест в ЦК РКП(б), и приказ был отменен. К концу войны категории «военспецов» и «красных командиров» стерлись и были заменены единым наименованием «командир РККА».

В Красной армии служили 70–75 тыс. офицеров, т. е. 30 % всего старого офицерского корпуса России (из них 14 тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служили около 100 тыс. (40 %) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой – 750. Из 100 командармов, которые были в Красной армии в 1918–1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами.

После Октября в целях примирения советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 года издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома силами ВЧК «анархистских центров» в Москве Нестор Махно летом 1918 года приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым.

Нельзя не сказать кратко и об особо важном фронте Гражданской войны, отличном от войны между красными и белыми, – фронте борьбы против «молекулярного» антицивилизационного и антигосударственного движения. Правильнее говорить о присущей этому движению психологии *гунна* – это понятие тоже использовал Блок, подчеркивая его отличие от *скифов*. Сказать о нем надо по той причине, что поворот к массовой поддержке красных во многом произошел потому, что они, в отличие от белых, показали себя силой,

способной не то чтобы победить это движение, но «овладеть» им, придать его хаотической разрушительной силе направление, «ввести в берега».

Установки белых в отношении «бунта гуннов», как и в отношении национального вопроса, можно характеризовать как *непредрешенчество*, унаследованное от Февраля. Как было сказано, они намеревались сначала добиться победы и получить власть, а потом уж строить государственность. Эта ошибочная философская установка оказалась фатальной уже для Временного правительства – государственность, ее матрица, строится в повседневном предъявлении программы при решении самых обыденных дел, тем более в условиях войны. Белые же вели «войну с гунном» конъюнктурную, в ней не проглядывала матрица будущей государственности.

Более того, вожди Февраля, именно вследствие своей оторванности от основной массы населения и неосознанного страха перед ним, потакали «революционной активности» антигосударственной стихии. К чему привело это потакание «гунну» со стороны либералов и эсеров? К тому, что вслед за сломом государственности началось «молекулярное» разрушение и растаскивание всех систем жизнеобеспечения России, и она «погрузилась во мглу». Можно утверждать, что в столкновении с «белыми» советский проект победил именно потому, что в нем идеал справедливости был неразрывно спаян с идеалом государственности. Будучи сами близки к этой стихии, большевики не испытывали к ней никакого уважения и трезво оценивали и ее силу, и ее слабые места. Когда надо, они ее использовали, а потом подавляли.

Многозначительно явление, о котором советская история умалчивала, а зря, – «красный бандитизм». В конце Гражданской войны советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с *красными*, которые самочинно затягивали боевые действия, когда белые уже склонялись к тому, чтобы разоружиться. В некоторых местностях эта опасность для советской власти даже считалась главной. Под суд шли, бывало, целые городские парторганизации, нарушившие общую политическую линию – они для власти уже «не были родственниками».

Ленин много сделал, чтобы Гражданская война была закончена как можно быстрее и резко – без «хвостов». На это была направлена и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий. Опыт многих стран показал, что часто гражданская война переходит в длительную «тлеющую» форму и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

В целом Гражданская война ленинского периода имела «два завершения» – решительную и резкую победу красных над белыми в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления через переход к НЭПу. Это многие из нас помнят, надо только задуматься над тем фактом, что завершение обеих войн было чистым. Это – вовсе не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом является длительное изматывающее противостояние после номинального окончания войны.

В Гражданской войне Россия «кровью умылась», но советский строй сумел овладеть разбуженной энергией и направить ее на строительство, создать новый порядок. Это – поразительная историческая заслуга большевиков, и огромную роль в ней сыграл Ленин.

Сразу после завершения Гражданской войны была начата большая программа по «гашению» взаимной ненависти расколотых частей народа. НЭП во многом и был такой программой. Она была сопряжена с внутрипартийными конфликтами, в частности с борьбой против «классовиков» – фундаменталистов классовой идеологии. Много делалось для привлечения к сотрудничеству старой интеллигенции, в том числе из партий «белого лагеря». Так, в 1924 году разрешили вернуться в СССР историку, бывшему председателю Украинской Центральной рады М.С. Грушевскому (в 1929 году избран академиком АН СССР).

Хороший пример – биография Ю.В. Ключникова (1886–1938). Накануне Октября он был приват-доцентом Московского университета, летом 1918 года участвовал в левоэсеровском мятеже в Ярославле, был заместителем министра в первом антисоветском правительстве Гражданской войны – «Уфимской директории», затем примкнул к Колчаку и стал министром иностранных дел в его правительстве. После разгрома Колчака эмигрировал и входил в

Парижский комитет партии кадетов, читал курсы лекций в Париже и Брюсселе. Затем стал редактором журнала «Смена вех». Одна из его статей, посвященная подготовке Генуэзской конференции, привлекла внимание Ленина, и он пригласил его в качестве эксперта советской делегации в Генуе. В 1923 году Ключников вернулся в СССР и стал преподавать в Коммунистической академии. Эта сторона НЭПа – особая, большая тема.

Не вызывает сомнения, что задача *примирения* воевавших социальных и культурных групп была решена в СССР эффективно и поразительно быстро. Уже в 20-е годы был преодолен присущий гражданским войнам синдром послевоенной непримиримости, который наблюдался, например, в Мексике, Китае или Испании. Это – великое достижение русского коммунизма, в этом большевики очень умело и эффективно использовали свойства русской культуры и культуры всех народов, соединившихся в СССР. Насколько сложна была эта задача примирения, говорит тот раскол, который пережило российское общество в 90-е годы, когда из политической целесообразности власти старые раны были раскрыты, и СМИ стали сыпать на эти раны соль.

19. Модель СССР: возможности и риски

Едва ли не самым сложным и важным позитивным проектом Ленина была «сборка» территорий рассыпанной Российской империи и жившей в ней народов. Разработка модели новой страны и принципов национального общежития велась в острой дискуссии. Программа национально-государственного строительства должна была решить сложнейшие проблемы, поставленные распадом Российской империи и взрывом этнического национализма, который был порожден нарождающейся буржуазией нерусских народов.

Сейчас, обсуждая доктрину национально-государственного устройства СССР, надо не забывать, что во времена Николая II, Ленина и Сталина не было никакой связной «теории этничности» – ни в России, ни на Западе. И представления Ленина были ответственной и творческой систематизацией имеющихся знаний. Во многих отношениях его теоретические соображения, привязанные к динамике исторического процесса первой трети XX века, были шагом вперед^[23].

Доктрина этого строительства осложнялась тем, что в борьбе с монархией все оппозиционные движения в конце XIX века ввели в обиход символический образ России как «тюрьмы народов». Воздействие его было очень сильным, он разрушал этническое самосознание русского народа («народ-угнетатель»!), порождал комплекс вины, обладающий разъедающим эффектом для национального сознания, и подпитывал сепаратистские настроения в элите нерусских народов. Февральская революция резко изменила установки и цели разных социальных групп, возникли новые противоречия. Не углубляясь в предысторию, кратко опишем новую ситуацию.

После Февральской революции Польша и Финляндия потребовали независимости. В этих странах был развитой национальный правящий класс, он имел поддержку Запада, и эти страны отделились (Польша была оккупирована Германией, в Финляндии социал-демократы попытались взять власть, но потерпели поражение.) После Октября вне РСФСР простиралось *разорванное*

пространство, на частях которого националисты старались создать подобия государств. Возникла «независимая Грузия» с премьер-министром меньшевиком Жордания, которая «стремилась в Европу» и искала покровительства у Англии. Возникла «независимая Украина» с председателем Центральной рады националистом Грушевским, близким к эсерам, и социалистом Петлюрой, которая искала и покровительства Германии, а потом союза с Польшей. «Народная Громада» провозгласила полный суверенитет Белоруссии, возникла автономная Алаш Орда в Казахстане – везде уже существовала местная буржуазная и европеизированная этническая элита, занимавшаяся поисками иностранных покровителей, которые помогли бы ей учредить какое-то подобие национального государства, отдельного от России. Это на время удалось прибалтийским республикам, они были отторгнуты от России с помощью Германии, а затем Антанты.

Надо учесть, что форсированная трансформация монархической сословной России сочеталась с новой «сборкой» исторической России: требовалось одновременно разрушать старые институты и возрождать их в новых формах. Один из руководителей и идеологов «черносотенства» Б.В. Никольский писал о большевиках в 1918 году: «В активной политике они с нескудеющей энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе» (см. [102]).

Модель «сборки». Сейчас многие ученые и политики, говорящие о советской национальной политике, считают одной из главных причин кризиса советской государственности в 1980-е годы ошибочное, по их мнению, решение лично Ленина создавать СССР как федерацию – с *огосударствлением* народов и народностей бывшей Российской империи. Дескать, если бы поделили страну на губернии, без всякой национальной окраски, без каких-то «титulyных наций» с их правом на самоопределение вплоть до отделения, то и не было бы никаких национальных проблем и никакого сепаратизма.

Для нас важнее не выдать оценки деятелям прошлого с высоты нашего нового мышления и проницательности, а разобраться, почему они приняли то или иное решение. Все решения принимались под давлением исторических обстоятельств, и вопрос: было ли это

решение меньшим злом или были лучшие варианты? Такой анализ нам будет полезен, потому что подобные проблемы возникают перед нами сегодня и будут возникать впредь до того момента, как мы выйдем на новый виток стабильного развития – когда мы защитимся от кризисов.

Сегодня мы *не можем* надежно оценить, было ли верным принятое почти сто лет тому назад решение, – очень трудно точно «взвесить» значение каждого фактора, который тогда приходилось принимать во внимание, а также глубину и структуру неопределенности, с которой была сопряжена любая альтернатива. Мы уже не можем *вернуться* в ту неопределенность, ибо мы *знаем*, что произошло в результате принятого решения и развития всей совокупности факторов.

Рассмотрим исходное состояние. Еще до образования СССР сама Российская Федерация представлялась как «союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом». То есть с самого начала государственного строительства в России стали возникать *этнополитические территориальные образования*.

Народностям и народам России были предоставлены территория и политическая (государственная) форма. Были официально закреплены имена этносов и зарегистрирована *этническая* (национальная) принадлежность граждан. Были *созданы* общественные и государственные институты, конституирующие определенную систему советской этнической «реальности».

Работа была очень сложной. Уже привязка народностей к территориям представляла собой задачу, которая не имела удовлетворительного для всех сторон решения (красноречивый пример – Нагорный Карабах). Исторически расселение племен и народов шло на территории исторической России вперемешку. Однородность, достигнутая в Западной Европе, возникла лишь в процессе «сплавления» народов и этносов в нации («Европа – кладбище народов»). Поскольку в России такого сплавления не производилось, мест с «чистым» в этническом отношении населением было очень немного.

В России была сильна *историческая инерция* типа межэтнического общежития, который был принят еще со времен Киевской Руси. Евразийцы называли его «симфония народов». Это

значит – не должно было быть ни этнического плавильного котла (как в США), ни ассимиляции главным народом (как в Германии и Франции), ни апартеида, как в колониях.

Кстати, те русские патриоты, которые не принимают устройства Советского Союза, никогда не говорят, какая из этих реально известных альтернатив им по душе. Похоже, им ближе альтернатива этнического тигля, хотя гласно этого никто не признает.

Многие философы, и российские, и западные, отмечают тот факт, что именно в программах большевиков сильнее всего проявилась преимственность с траекторией российской истории. Ничего не поделаешь!

Утверждения о неизбежности подавления этничности малых народов отражают историю формирования именно западных наций. Когда германский канцлер Бисмарк заявил, что единство наций достигается только «железом и кровью», Тютчев написал известные строки:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, —
Быть может спяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спясть его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Ленин, говоря о типе государственности России после победы революции, имел в виду примерно то же самое, что и Тютчев (только вместо «любви» у него была солидарность трудящихся). Он писал в 1916 году: «Мы в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы *не* силой рубля, *не* силой дубья, *не* насилием, а *добровольным* согласием, солидарностью трудящихся» [81].

Это – общий фон. А первое конкретное условие, которое предопределило принятие советской властью доктрины федерализма, – *укорененность* этой идеи в общественном сознании. Эти доктрины развивались в России уже в первой трети XIX века. В федерализме стала вызревать идея России как федерации *народов*. В статье об истории этого процесса Н. Алексеев пишет: «С развитием революционного движения в России во второй четверти XIX – первом

пятилетию XX в. принцип национального самоопределения начинает преобладать над принципом областничества. Русская революционная интеллигенция разных группировок начинает пробуждать и поддерживать децентрализационные силы русской истории, дремавшие в глубоких, замиренных империей настроениях различных вошедших в Россию народностей» [59].

С полной определенностью принцип национального самоопределения был декларирован в программе партии «Народная воля». В начале XX века возникают национальные революционные движения и партии с сепаратистскими установками (например, армянская партия Дашнакцутюн). Важнейший для нашей темы исторический факт состоит в том, что эти настроения господствовали во всем революционном движении России. Это значит, что возможности учредить в ходе Гражданской войны унитарное государство, разделенное на безнациональные административные единицы, не существовало.

Это и заставило Ленина изменить первоначальные намерения. Ведь накануне Февральской революции он был *противником* федерализации. Большевики в принципе были за сильное, крупное, централизованное государство, так что самоопределение рассматривалось Лениным как *нецелесообразное* право. Он выступал за трансформацию Российской империи в русскую демократическую республику – *унитарную* и *централистскую*. Это видно и из его труда «Государство и революция», и из его конспектов, в которых он делал выписки при изучении федерализма [60]. Ленин первым оценил изменение обстановки в ходе Гражданской войны, другие члены руководства (например, Дзержинский и Сталин) продолжали придерживаться идеи унитарного государства, и их поддерживало руководство большинства советских республик. Потому Сталин и выдвинул план *автономизации*, предлагавший объединение всех республик в составе РСФСР на правах автономий. Однако в ходе обсуждения они согласились с доводами Ленина.

Среди тех организованных политических сил в России в момент революции большевики были как раз *менее* федералистами, чем другие (если не считать черносотенцев и анархистов, которые верили в утопию свободы без государства).

Ленин считал федерацию вынужденным временным состоянием, о чем говорил в работах 1914 года, а в 1920 году писал в Тезисах ко II конгрессу Коминтерна: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся... Необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу» [81].

Реальная политическая альтернатива большевикам, ставшая и движущей силой Белого движения, – либерально-буржуазная – была принципиально *антиимперской* (декларации белого офицерства не в счет). С.Н. Булгаков писал, что моделью государственности для России не мог быть «деспотический автаркизм татарско-турецкого типа, возведенный в этот ранг Византией и раболепствующей официальной церковью; ею должна была стать федеративная демократическая республика» [82]. Здесь – полное отрицание «самодержавного централизма».

На 3-м съезде Советов (январь 1918 г.) Ленин сказал: «Мы действовали без дипломатов, без старых способов, применяемых империалистами, но величайший результат налицо – победа революции и соединение с нами победивших в одну могучую революционную федерацию. Мы властвуем, не разделяя, по жестокому закону Древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. И наш союз, наше новое государство прочнее, чем насильническая власть, объединенная ложью и железом в нужные для империалистов искусственные государственные образования... Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима» [84].

Либералы Керенского, пытаясь собирать разваленную ими же Российскую империю по шаблонам западных федераций, принципиально не могли построить *никакой государственности*. Федерация не либерально-демократическая, а советская, была не просто возможна, она стала свершившимся фактом – именно потому, что накладывалась на единую систему национальной и социальной политики развития и соединения народов – при сохранении их этнического лица. По мере укрепления СССР и всех союзных институтов (партии и идеологии, культуры и науки, школы, армии и правоохранительных органов, хозяйства и образа жизни) набирал силу и процесс объединения народов в большой советский народ.

«Сборка» в условиях войны. Второе, еще более важное условие, которое определило выбор модели СССР как федерации, – на территории бывшей Российской империи шли гражданские войны разной интенсивности, а также интервенция иностранных вооруженных сил (14 государств). Э. Карр пишет: «Повсюду на территории нерусских окраин проблема самоопределения безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны... Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира... В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик – или антибольшевик, – рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны» [39, с. 220].

Большевики в октябре 1917 года *унаследовали* национальные движения, которые уже вызрели в царской России и активизировались после Февраля. Если бы Российская империя и сумела преодолеть системный кризис 1905–1917 годов и продолжила свое развитие как страна периферийного капитализма, то ускоренное формирование национальной буржуазии неминуемо привело бы к отделению от России и созданию национальных государств. Эти движения получили бы поддержку Запада и либерально-буржуазной элиты в крупных городах Центра самой России. Монархическая государственность с этим справиться бы не смогла, и Российская империя была бы демонтирована.

Для советской власти не существовало дилеммы: сохранить национально-государственное устройство Российской империи – или преобразовать ее в федерацию республик. Собираение бывшей империи могло быть проведено или в войне с национальными элитами регионов, или через их нейтрализацию и компромисс.

Предложение учредить *Союз* из национальных республик, а не *Империю* (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства гражданская война в ее *национальном измерении* была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России и другим народам очень много крови. Работа по «собираению» страны велась уже во время войны (историки называют это военно-политическим союзом

советских республик). Скорее всего, иного пути собрать Россию и закончить гражданскую войну в тот момент не было. Но спорить об этом сейчас бесполезно^[24].

Известен результат предложенных Лениным принципов союзного государства на Украине. Глава образованного Центральной радой правительства (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 году, признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 году большевиками. Он пишет: «огромное большинство украинского населения было против нас», а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации». Он добавляет, в упрек украинцам: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское – украинский язык, музыку, школы, газеты и книги» (цит. в [39, с. 379]).

Окончательное политическое банкротство националистов произошло в 1920 году, когда последний из министров директории Петлюра (социалист и националист) заключил договор с Польшей Пилсудского – национальными врагами украинских крестьян. В июле 1920 году член ревкома Галиции Ф. Конар (националист, внедренный в ревком, позже арестованный) сообщал Винниченко, что на правобережной Украине «отношение к России настолько хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же “проклятые” галичане» (см. [85]).

Красная армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была той силой, которая стягивала народы бывшей Российской империи обратно в единую страну – и она нигде не воспринималась как иностранная. Воссоединение произошло *быстро*, до того, как сепаратисты успели легитимировать свои «государства». В 1991 году их внукам уже пришлось создавать исторические мифы об «утраченной независимости».

Националисты не могли ничего противопоставить спланированной идее союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов прежней России. Альтернативная *национальная политика «белых»* закончилась крахом. Выдвинув имперский лозунг единой и неделимой России, белые сразу были вынуждены воевать «на два фронта» – на социальном и национальном. Это во многом предопределило их поражение. Недаром эстонский историк тех лет писал, что белые, «не

считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков – местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью».

Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм.

Мощно звучавшая в границах “тюрьмы народов” национальная идея оказалась кооптированной и надолго прирученной при посредстве лапидарной формулы “национальное по форме, социалистическое по содержанию”... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла быть создана новая и более высокая форма национального государства в виде социалистического содружества» [86].

Итоги. Перед советской властью была задача: *собрать* разделившиеся куски бывшей империи. Собрание могло быть проведено или в войне с национальными элитами протогосударств, или через их нейтрализацию и компромисс. Первый вариант был нереален, а второй успешен. Сегодня гораздо продуктивнее не обвинять Ленина и большевиков в том, что они не совершили невозможного и не создали унитарного государства по типу Франции, а понять, каким образом они смогли так нейтрализовать этнический национализм, чтобы вновь собрать не просто единое государство, но во многих отношениях гораздо сильнее консолидированное государство, нежели Российская империя^[25].

Это – столь важный фактор в завоевании советской властью авторитета у населения, что даже многие руководители Белого движения признали это с уважением. Красные в большой мере выразили идеалы белых, которых сами они не могли защитить. По выражению В.В. Шульгина, пришлось «*белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных*». Не надо бы нынешним поколениям российской молодежи это забывать!

Ленинской группировке в 1918–1921 годы удалось добиться сосредоточения реальной власти в Центре с таким перевесом сил, что вплоть до 1980-х годов власть этнических и местных элит была гораздо слабее Центра. Это обеспечили и формирование системы неофициальной власти партии, подчиненной Центру, и полное подчинение Центру прокуратуры и карательных органов, и создание унитарной системы военной власти, «нарезающей» территорию страны на безнациональные военные округа, и политика в области языка и образования. Огосударствление этничности в развивающемся *советском* обществе не имело разрушительного характера потому, что этничность занимала в сознании людей небольшое место – мысли и чувства были заняты теми перспективами, которые открывало общество.

А.С. Панарин писал: «Этническая специфика как принадлежность малого жизненного мира, не отменяющая универсалии публичного большого мира, – такова стратегия модерна... В СССР действовала доминанта модерна: культуры союзных республик были национальными *по форме*, но едиными – социалистическими – *по содержанию*. Это социалистическое содержание было на самом деле европейско-просвещенческим. Парадокс коммунизма состоял в том, что он подарил “советскому человеку” юношеское прогрессистское сознание, преисполненное той страстной веры в будущее, которая уже стала иссякать на Западе. Молодежь всех советских республик принадлежала не национальной традиции – она принадлежала прогрессу» [14, с. 170].

Так была решена главная проблема момента – закончить Гражданскую войну и снова собрать историческую Россию в одну страну на основе солидарного социалистического общества. Потому-то система была прочной и на взлете. Отечественная война – экзамен. Эта программа соответствует одному из главных правил здравого смысла – каждое поколение должно решать ту критическую задачу, что выпала на его долю. Тогда на эти вызовы были найдены адекватные ответы – на целый исторический период.

Сейчас политизированная трактовка концепции СССР, которая якобы виновата в наших нынешних бедах, уж слишком поверхностная. СССР был «собран» как институт *советского строя*. Его конструкция была прекрасно гармонизирована с политической, социальной и

культурной системами. Как только идея развития и единое социалистическое содержание национальных культур в СССР были во время перестройки «репрессированы», а затем их лишили своих политических и экономических оснований, на первый план вышла агрессивная политизированная этничность, и «архитекторы» перестройки взорвали мину под СССР. Катастрофы перенесли и национально-государственная система, и экономика с культурой, и демография, и структура общества.

Не хотели этого? Надо было связать руки подрывникам. Но это уже история. Воспоминание о Ленине и СССР сейчас важно как урок. Это знание сегодня необходимо, даже несмотря на то, что тот опыт не может быть применен в нынешних условиях. Важны не рецепты, а методология подхода к проблеме.

20. Создание штатного режима

После долгой войны, катастрофы революции и Гражданской войны требовалась восстановительная программа – НЭП. При выработке ее концепции, наконец, в полной мере проявилось понимание Лениным сути *крестьянской* экономики. Вопрос о ней тогда был поставлен ребром, без доктринерства. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову было поручено подготовить два альтернативных программных доклада. Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, варианта «реформы Столыпина» – создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией.

Доклады в июне 1920 года обсуждались на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу НЭПа была положена концепция Чаянова. Его главная идея, что крестьянская экономика не есть *капитализм*, восторжествовала. Ленин убедил партию, что в России в условиях глубокого спада производства восстановление крестьянской экономики – фундаментальное условие построения социализма. Иными словами, НЭП был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

Ленин не пошел на открытое столкновение со всей системой понятий и категорий марксизма, проще было назвать НЭП временным отступлением, уступкой буржуазной сущности крестьянства. Главное тогда было получить поддержку в срочной проблеме стратегического выбора. Главное значение этой программы Ленина сегодня – исторический урок. Он, на мой взгляд, в следующем: длительное сохранение неадекватной системы понятий, даже если в условиях авторитарного государства есть возможность принимать верные стратегические решения, в конце концов, ведет к поражению. Нельзя использовать понятия совершенно иной модели. Для анализа нашего нынешнего кризиса полезно рассмотреть труд Ленина «Развитие

капитализма в России» как заданную парадигму – вместе с противоречащей этой модели реальностью.

Нам надо осмыслить всю систему процессов: революцию 1905–1907 годов, реформу Столыпина, Февраль – Октябрь 1917 года, НЭП, индустриализацию-коллективизацию и крах 1988–1994 годов. Только тогда нам станут понятны причины двух важнейших наших катастроф XX века: неизбежности превращения реформы Столыпина в крестьянскую коммунистическую революцию, которая отошла в историю, породив советский строй, – и краха советского строя с мировоззренческим кризисом и в завершении реформами 1990-х годов.

После Гражданской войны главным изменением в доктрине государственного строительства было становление *однопартийной* системы – по мере того как союзные и даже коалиционные вначале левые партии переходили в оппозицию к большевикам. Это происходило, несмотря на неоднократные, вплоть до 1922 года, попытки большевиков восстановить признаки многопартийности. Идея единства все больше довлела. Многие рядовые эсеры и меньшевики быстро «перетекли» в РКП(б), а лидеры эмигрировали, были сосланы или арестованы в ходе политической борьбы.

Партия заняла в политической системе особое место, без учета которого не может быть понят и тип Советского государства. В литературе нередко дело представляется так, будто концепция Ленина превратить партию в скелет всей советской системы и ее сращивания с государством возникла из-за того, что политически незрелые и малограмотные депутаты рабочих и крестьянских Советов не могли справиться с задачами государственного управления. Это не требовалось для управления, проблема глубже. Для строительства СССР как большой системы нужна была именно *партия нового типа*. Выражаясь высоким стилем, можно было бы сказать, что нужна была партия не классовая, а *цивилизационная*.

Ведь «рабоче-крестьянский народ», судя по совокупности наказов и приговоров, желал жить в России и «жить по-своему, а не по европейски», поэтому не прошел вполне социалистический проект меньшевиков. В тот исторический момент возможность «жить по-своему» давал советский проект. Этот цивилизационный смысл большевизма тогда прекрасно понимали и западники, и

традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...

То, чего Запад боится, – это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу» [95].

Партии (от слова «часть») есть порождение буржуазных революций, когда сословное общество с его стабильной структурой распределения прав и обязанностей уступало место *классовому гражданскому обществу*. Партии представляли интересы разных социальных групп в обществе «войны всех против всех». Эта роль партий отражена в теориях классовой борьбы как части *формационного подхода* к пониманию общества. Этот процесс шел и в России периода раннего капитализма (начало XX века) – возник спектр классовых партий: кадеты и октябристы, эсеры и социал-демократы.

Но в противовес этим партиям возникли и совсем иные политические организации – «партии нового типа», целью которых было действие, *предотвращающее* разделение народа на классы. С точки зрения либералов и меньшевиков, это были партии *контрреволюционные*. Одна из этих «партий», Союз русского народа, была консервативной (и даже реакционной). Она была полностью лояльна к монархической власти и пыталась выполнить безнадежную программу – *остановить* революцию. Другая «партия», большевики,

интуитивно (и вопреки ее официальной доктрине марксизма) «оседлала» крестьянский коммунизм подавляющего большинства населения России и, вобрав в себя энергию Февральской революции, перенаправила эту энергию на восстановление российской государственности, реставрацию России в форме СССР и даже, в новых формах, самодержавия («Вся власть Советам», «Сталин – наш рулевой»). Классовые партии в союзе с Западом попытались преодолеть этот проект в Гражданской войне, но безуспешно.

М. Агурский пишет: «Если до революции главным врагом большевиков была русская буржуазия, русская политическая система, русское самодержавие, то после революции, а в особенности во время Гражданской войны, главным врагом большевиков стали не быстро разгромленные силы реакции в России, а мировой капитализм. По существу же речь шла о том, что России противостоял весь Запад. Это не было неожиданностью, и дело было даже не в самой России, а в потенциях марксизма, который бессознательно локализовал мировое зло, капитализм, географически, ибо капитализм был достоянием лишь нескольких высокоразвитых стран.

По существу, капитализм оказывался аутентичным выражением именно западной цивилизации, а борьба с капитализмом стала отрицанием самого Запада. Еще больше эта потенция увеличилась в ленинизме с его учением об империализме. Борьба против агрессивного капитализма, желающего подчинить себе другие страны, превращалась невольно в национальную борьбу. Как только Россия осталась в результате революции одна наедине с враждебным капиталистическим миром, социальная борьба не могла не вырасти в борьбу национальную, ибо социальный конфликт был немедленно локализован. Россия противостояла западной цивилизации» [96].

По своему отношению к России как цивилизации черносотенцы и большевики были партиями, родственными по типу, но разными по идеалам и векторам желаемого развития. Но обе эти общности имели целью разрешение противоречия не классового, а *цивилизационного* типа (в этом случае разрешались бы и социальные противоречия, как они их видели).

Черносотенцы и большевики разными способами пытались преодолеть одну и ту же угрозу – втягивание России в зону периферийного западного капитализма с утратой ее цивилизационной

идентичности (отсюда следовали и прямые социальные угрозы для главного сословия России – крестьянства)^[26]. Если бы образованный слой России с середины XIX века не был так проникнут евроцентризмом (в версиях и либерализма, и марксизма), что позволило бы раньше созреть партиям «цивилизационной» (а не классовой) борьбы, то Россия избежала бы Гражданской войны (а может быть, и свержения монархии, о чем размышляли и консерватор Леонтьев, и «стихийный сталинист» Солоневич). Если бы большевики не были вынуждены принять жесткую марксистскую фразеологию, к ним примкнуло бы множество людей из «привилегированных» сословий, которые *цивилизационно* были близки к советскому проекту. От активного участия в советском строительстве на первом, самом трудном этапе не была бы отстранена большая часть купечества, буржуазии, духовенства и старой русской интеллигенции.

Природа большевиков видна и в том, что в ходе дальнейшего развития советского общества КПСС вообще перестала быть партией в строгом смысле слова, а стала чем-то вроде постоянно действующего *собора*, т. к. включала в себя представителей всех «сословий» и профессий, всех национальностей и всех местностей. Классовая оппозиция была из нее вычищена, даже с удивительной избыточной жестокостью. Эта партия отражала структуру общества и тип власти, сложившиеся в российской цивилизации в XX веке.

Л.Г. Ионин пишет: «Само существование КПСС как института – *независимо от того, как человек относился к партии, сохранял ли он членство или выходил из нее*, – играло важную роль в деле осознания индивидом собственной идентичности.

Если исходить из того, что марксистская идеология в СССР постепенно превратилась в культуру, можно утверждать, что КПСС в Советском Союзе к концу ее существования превратилась из политического в *культурный институт*. Представление о партии и ее роли в мире определяло, наряду со многими прочими вещами, даже структуру социализации индивида. Рост человека от ребенка до взрослого – это его приобщение к ценностям партии. Каждый проходил один и тот же путь: сначала октябренок (первая идентификация с партией), затем – пионер и комсомолец. Переход с одной на другую ступень социализации имел ритуальный характер, сопровождался проверками и испытаниями.

Далеко не все доходили до самого конца, то есть вступали в партию. Но когда это происходило, это было равносильно инициации: индивид превращался как бы в равноправного взрослого члена общества.

Поэтому существование партии как института было крайне важным с точки зрения сохранения единства и преемственности в биографическом развитии индивидов.

Она играла роль идентификационной доминанты. И это совершенно безотносительно ее политико-идеологического смысла, а только в силу ее культурной роли.

Поэтому когда завершился этап перестроечного, эволюционного развития и началось систематическое разрушение институтов советского общества, запрет КПСС, бывшей ядром советской институциональной системы, сыграл решающую роль в процессах деидентификации... Поэтому распад советской культуры и соответствующих институтов ставил страну в состояние культурного опустошения» [97].

Тот факт, что в СССР советская власть быстро возродила после 7 лет войн (включая гражданскую) приемлемое жизнеустройство, во многом обязан новым социальным и политическим формам. Очень быстро все население и территория были преобразованы в связанные системы двумя сетевыми структурами, следующими общими доктринами и нормами, – партией и номенклатурой (изобретенной в 1923 г.). Тот факт, что эти структуры исчерпали к 1960-м годам свой потенциал и требовали обновления, – тема совсем другая, Ленин и даже Сталин за этот период не отвечают.

Для 1920-х годов была чрезвычайная необходимость в особой властной структуре, не зависящей от Советов. Так, например, была необходима церковь как особая властная инстанция в период раннего феодализма. Другая причина превращения партии в связующий «скелет» государственной системы состоит в том, что Советы – структуры соборного типа. В отличие от парламента с его голосованием, Советы не могли быть *быстрыми* органами управления. Они выделяли из себя управленческий исполком, а сами искали консенсус («правду») и выполняли легитимирующую роль. Для общества традиционного типа эта роль очень важна, но требовался и форум, на котором велась бы выработка *решений* через согласование

интересов и поиск компромисса. Таким форумом, действующим «за кулисами» Советов, стала партия большевиков, подчиненная центру.

В последние два года деятельности Ленин занимался именно соединением структур федерации и Советов в «унитарное государство с этническим разнообразием». Все решения надо было пробить через острые дискуссии.

Например, был создан Верховный суд СССР. К его компетенции относилось: разрешение судебных споров между союзными республиками, рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц Союза в преступлениях по должности.

Было решено создать специальный орган надзора за соблюдением советских законов – прокуратуру. Вопрос о ее создании был поднят на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции в январе 1922 г. Народный комиссариат юстиции (НКЮ) разработал проект закона об учреждении прокуратуры как централизованного органа, главная задача которого – общий надзор за законностью. Критики во ВЦИКе выступали против централизации и независимости прокуратуры от местных Советов, за двойное подчинение прокуроров – губисполкомам на местах и в центре – прокурору республики.

Критиков поддержали комиссия ВЦИК и комиссия ЦК РКП(б). Против них решительно выступил Ленин. Он считал вопрос о принципах создания прокуратуры настолько важным, что предложил вынести его на решение политбюро. Оно рекомендовало отвергнуть принцип двойного подчинения прокуратуры и установить подчинение местной прокурорской власти только центру. Прокуроры губерний и областей находились в непосредственном подчинении прокурора республики (им являлся нарком юстиции). В НКЮ был создан отдел прокуратуры, союзной прокуратуры не учреждалось. Только при Верховном суде СССР состояли прокурор Верховного суда СССР и его заместитель, назначаемые Президиумом ЦИК СССР.

Функция проектирования и изучения новых форм жизнеустройства присутствует во всех программах 1920-х годов: в ГОЭЛРО, внедрении метрической меры и программе стандартизации, в Госплане и доктрине единой общеобразовательной школы, в доктрине профилактической медицины и больших программах ликвидации массовых инфекционных болезней (средняя продолжительность жизни в Европейской России выросла к 1926

гооду на 12 лет), в срочном развитии авиации и др. Многие эти программы были организованы как *экспедиции*. Руководитель экспедиционных работ АН СССР Ферсман говорил в своем докладе: «На нас, работников науки, лежит великая обязанность творить эти формы так, как мы творим и самую науку».

Дух новаторства был общим, культура России была на взлете. Но надо признать, что именно Ленин выработал и продвинул как стратегическую доктрину *проектирование и создание новых социальных форм*. И главное, что декларации Ленина были подкреплены делом, причем начатым со страстью. Власть в этой части своего дела стала выполнять *чаяния* всех общностей, принявших советский проект, – от крестьянства и научной интеллигенции до значительной части бывших дворянства, буржуазии и офицерства.

21. Методология

Ленин нашел такой язык и такую логику, что большие массы людей представляли себе образ реальности, ее противоречий и движений главных процессов. Это очень редкое умение. Не вступая в конфликт с марксизмом, он преобразовал его в учение, дающее ключ к пониманию процессов в незападных обществах. Таким образом, он не просто понял чаяния крестьянства и молодого незападного рабочего класса, но и дал им язык, облек в сильную теорию.

Важнейшее качество Ленина – умение достоверно и беспристрастно увидеть «политическую карту» – расстановку и цели и действия всех главных сил. Он умел взглянуть в глаза реальности и объяснить ее «своим», не пытаясь никого обмануть, – это тоже редкое для политиков умение. Ленин имел способность убеждать людей без манипуляции их сознанием и чувствами. Ленин выработал особый тип текстов – ясных, с разумной мерой и опорой на здравый смысл. Сравните с текстами кадетов (Милюкова, Струве, Бердяева) или блестящего оратора Троцкого. Видно, что этих выдающихся писателей переполняют чувства, что они в плену своих «идолов». Читать их многим приятно, но пользы для дела мало.

Тексты Ленина задавали нормы рационального рассуждения. Из них тщательно изгонялись все идолы и фантомы, они отвечают канонам научного (а не гуманитарного) текста. Современный философ науки П. Фейерабенд считал книгу «Детская болезнь левизны в коммунизме» классическим текстом, отвечающим нормам рациональности модерна, и предлагал использовать ее как учебный материал по методологии науки. А посмотрите на тексты современных политиков, начиная с Горбачева, в них кишат все «идолы Бэкона» – идолы *рынка, площади и театра*. Наше национальное несчастье в том, что в России влиятельная часть интеллигенции стала ненавидеть даже не столько Ленина-политика, сколько ленинский тип мышления и мировоззрения. Этот тип мышления нам нужен позарез, но если вокруг разлита ненависть, он не появится.

Ленин находил аргументы, чтобы убедить разумных людей в правоте совершенно новых идей. Отстояв в дебатах с социал-

демократами право наций на самоопределение, он добился и самоопределения русских в вопросе о революции в России. А ведь тем самым он нейтрализовал меньшевиков, которые призывали социалистов Запада к «крестовому походу» против Советской России. Развивая стратегию славянофилов и народников, Ленин сумел в то же время привлечь на сторону Советской России левую интеллигенцию и пролетариат Запада, что стало важным условием жизнеспособности СССР, пока еврокоммунисты не «раскусили» смысл большевизма.

Ленин делал ошибки, но они у него были *плодотворными*, потому что, проверяя свои выводы реальностью, он хладнокровно отказывался от своих прежних выводов, как это нормально делает ученый, а не идеолог. В 1899 году молодой Ленин пишет ортодоксально марксистскую книгу «Развитие капитализма в России». В ней он говорит о неизбежности распада общины, об исчезновении крестьянства с его разделением на буржуазию и пролетариат и о буржуазно-демократическом характере назревающей русской революции. Опыт крестьянских волнений с 1902 года, революция 1905–1907 годов и первые шаги реформы Столыпина приводят его к принципиально новому видению: крестьянство не просто не распалось, но и выступает как носитель большого революционного потенциала. Программный стержень крестьянства – предотвращение раскрестьянивания, которое означает импортируемый с Запада капитализм.

Когда читаешь книгу Ленина, видно, что если бы он не заострил свои выводы, сделал их умеренными, с оговорками, то и выстрадать новое понимание крестьянства России после 1905 года у него бы не было острой потребности. Достоевский в своих романах заставлял героев доходить до «последних вопросов», ставя над ними *experimentum crucis* – жестокий, решающий эксперимент («эксперимент распятием»). Так работала мысль Ленина – так он поступал со своими концепциями. Но рвать на себе рубаху и опровергать свои прежние выводы он позволить себе не мог, он был политик, а не доктор философских наук.

Это редкое и психологически трудное качество – такая свобода и ответственность мысли, при которой ты, следуя новому знанию, отказываешься от своих вчерашних взглядов, которые как раз и создали тебе авторитет, собрали единомышленников и которые, по

всем признакам, обещали большой политический успех. Ведь книга «Развитие капитализма в России» была целым событием, заявленную в ней концепцию можно было плодотворно расширять и дорабатывать как в научном, так и в политическом плане. Наконец, требовалась большая самоотверженность, чтобы пойти наперекор уважаемым и даже чтимым авторитетам – и самому Марксу, и Плеханову, и друзьям по социал-демократии.

Ленин умел работать с *неопределенностью*, препарировал ее, взвешивал риски. Предвидения Ленина сбылись с высокой точностью (в отличие от Маркса). Читая его рабочие материалы, приходишь к выводу, что дело тут не в интуиции, а в методе работы и в типе мыслительных моделей. Он остро чувствовал пороговые явления и кооперативные эффекты. Исходя из трезвой оценки динамики настоящего, он «проектировал» будущее и в моменты острой нестабильности подталкивал события в нужный коридор. В овладении этим интеллектуальным арсеналом он обогнал время почти на целый век.

Так, в анализе динамики процессов после Февраля 1917 года он учитывал тот факт, что силы, пришедшие к власти в результате революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. В результате новая власть получает кредит доверия, и уже через короткий промежуток времени контратака сходу оказывается невозможной. Исходя из этого, Ленин точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв.

Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора, но когда уже угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства – крестьян. Для этого надо было верно оценивать значение *момента* и *движения*. Помимо системного представления движущих *сил* русской революции, Ленин умело действовал в «точках бифуркации», в моменты неустойчивых равновесий. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

И эти расчеты делались в тот период, когда кадеты, социалистические конкуренты большевиков (меньшевики и эсеры) и иностранные специалисты были уверены, что красные не продержатся дольше нескольких недель. К сожалению, слишком многие так думали, что и подпитывало Гражданскую войну. Качество предвидения у российской интеллигенции в тот момент было невысоким (как, впрочем, и в конце XX века).

В своей теории революции Ленин сразу вышел на важнейшие общие закономерности, отвечающие на критические вопросы многих стран и целых цивилизаций. Это те страны, которые переживали кризис модернизации, находясь на периферии капиталистической системы. В идейном плане ленинизм означал начало современного национально-освободительного движения и крушения колониальной системы.

Ленин мыслил уже в категориях постклассической *науки становления* (изменения как неравновесного состояния), видел общество как большую систему. Это придало партии высокую способность к «обучению у реальности» и отказу от догм. Он ввел в политическое мышление представление общественного процесса как перехода *«порядок – хаос – порядок»*. Поэтому в период революционных преобразований и присущей им высокой неопределенности ключевые решения руководства партии большевиков были «прозорливыми» (делался хороший или лучший выбор альтернатив).

Ленин выработал важные навыки *визуализации* предмета обдумывания, он в сознании строил образы больших систем, видел их в связи и в динамике. Поэтому он мог кратко и доходчиво объяснить сложные проблемы. Сейчас многие специалисты «не чувствуют» таких систем, как *общество, народ, государство*, и, нередко бывает, таких целостностей, как *экономика и кризис*. Говорят об элементах: кто о нефти, кто о курсе валют, кто о ценах. Но все это обрывки ниток клубка, который катится, разматывается и заматывается. Более того, при таком разделении трудно увидеть контекст, связи системы со множеством факторов среды (например, экономисты часто предлагают свои доктрины, совсем не принимая во внимание состояния общества или хотя бы рабочего класса).

Наука (точнее, научный метод) была ядром методологии Ленина. Более того, и большевики по тюрьмам изучали книгу Ленина о кризисе в физике – трудно представить себе фашистов, либералов или социал-демократов в этом положении. На это нередко замечают, что в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин был в том-то и том-то неправ. Но дело не в этом, а в «повестке дня», в проблематике. Главное, что большевизм был политическим течением, которое считало себя обязанным задуматься о диалектике науки и кризисе ньютоновской картины мира. А.А. Богданов вступил в полемику с Лениным, и даже сегодня по ней видно, какую стимулирующую роль сыграла книга в партии.

Наша беда в том, что и Ленин, и те поколения, которые вытащили Россию из ловушки начала XX века и строили СССР, не имели времени, чтобы теоретизировать – формализовать знания, и в том, как они это сделали. Они это знали на опыте, он отложился в «неявном знании», а времени на превращение этого знания в учебники у них не было. Они тащили непосильный груз срочных работ. Кроме того, не хватало для этого понятийного аппарата. Поэтому и та гуманитарная интеллигенция, которая это знание должна была оформить, тоже эту задачу не смогла выполнить. Когда старики после войны быстро сошли с арены, а молодежь стала говорить на новом языке, возникла пропасть в понимании. Теперь это становится угрозой для молодежи.

Заключение. Демонтаж страны и символа

Крах СССР был следствием длительного мировоззренческого кризиса, который стал вызревать после завершения первого цикла развития советской системы, главную роль в создании матрицы этого цикла сыграл Ленин. Зародыши-антиподы появились в середине 1950-х годов. До этого была выполнена программа первичной индустриализации, создана эффективная научно-техническая система, показавшая свои возможности в ВОВ, проведена культурная революция, началась быстрая урбанизация.

Подрастало новое поколение совершенно нового типа, а поколения, строившие СССР и воевавшие, сходили с арены. Исчерпал свой потенциал общинный крестьянский коммунизм – духовная основа советского строя. Незаметно, но быстро возник разрыв коммуникаций между старшими поколениями и городской образованной молодежью. Стала постепенно иссякать основа легитимности советского строя, но это не было осознано и не было вынесено на «неформальный плебисцит» с рациональным диалогом.

Вновь поднялись ростки антисоветских доктрин. Стала деградировать ткань непрерывности развития общества и государства. Преемственность с культурно-историческим типом, эталоном которого был Ленин, была утрачена. Ленин был канонизирован и еще был символом истории, но его опыт, тип мышления и действия перестали быть актуальными инструментами строительства государства и общества. Инкубационный период завершился пороговым явлением – *перестройкой*.

На первом этапе перестройки дискредитация советского строя велась под лозунгами «Больше социализма!» и «поворота к Ленину». Это было принято обществом за чистую монету и даже вызвало энтузиазм населения. Оценить искренность этих исходных установок идеологов перестройки трудно, да и не в них дело. При утрате культурной гегемонии политической системы сразу размножаются вредители самых разных типов.

Позже А.Н. Яковлев писал: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще» [10].

Итак, стали «бить по Ленину» социал-демократией и либерализмом, а к 1991 году выбросили и социал-демократию.

Что поражало, так это кампания по очернению основателя Советского государства Ленина. Никто из правителей, получивших во власть страну, так не делает. Очевидно, что признание «отца-основателя» государства исчадием ада подрывает легитимность и этого государства, и его правопреемника. Население РФ не поддержало кампании против Ленина, а власти не решились настаивать и сохранили множество названий, образованных из имени Ленина, – в результате и наши, и иностранные «либералы» суют нынешней России черную метку как носителю «дьявольского начала».

А.Н. Яковлев писал в правительственной (!) «Российской газете»: «Господин Ульянов, больше известный широкой публике под фамилией Ленин, и господин Джугашвили, больше известный широкой публике под фамилией Сталин, создали в России, по существу, фашистское государство» [103].

Яковлев – академик, не мог не знать, что «по существу», по всем главным признакам, Советское государство было совершенно отлично от фашистского. Партийное задание! Столь же подрывную цель преследовала публикация в той же «Российской газете» статьи Л. Радзиховского в годовщину смерти Ленина. Главное в ней – трактовка государственности СССР через личность его основателя. Читаем: «Ленина в русской истории даже сравнить не с кем... Напрашивается

разве что сравнение с Гитлером: тоже, исходя из утопии, создал небывалый в истории строй, “Государство – газовую камеру”... Ленин же – это предтеча фашизма» [104].

Вспомним: СССР возник в ходе катастрофической революции. Но советское правительство во внешней политике не представляло царскую Россию «империей зла». Оно никогда не ставило под сомнение законность ее существования в исторических границах. Для советской власти царская Россия, несмотря на разрыв с нею в идеологии и социальной политике, была «нашей страной», а не угрозой для цивилизации.

О какой консолидации общества можно говорить при таких статьях в официальной газете? О какой легитимности государства России в мировом общественном мнении можно говорить при такой трактовке нашей истории, если президенты и короли едут в Кремль из аэропорта по *Ленинскому проспекту* и на центральной площади видят *памятник Ленину*? Они читают «Российскую газету», видят памятник и делают вывод: Россия – фашистское государство. Более рассудительные полагают, что сознание правящего слоя этой страны поражено шизофренией.

Эти кампании ведутся, чтобы непрерывно дестабилизировать обстановку в обществе, стравливать людей, искусственно создав ситуацию выбора – «ты за или против Ленина?». Каждого заставляют определять свою позицию в расколотом относительно данного вопроса обществе – и тем усиливают раскол.

Иногда приходится слышать, что подобные кампании не оказывают большого влияния на политическую обстановку по той причине, что и фигура Ленина, и его дела давно стали достоянием истории, а следовательно, спор об их оценке является академическим и обострить нынешние отношения между людьми не может. Это – ошибочная точка зрения. Образ Ленина, независимо от его политической оценки, является *символом*, входящим в ядро национального сознания нашего народа. Политический смысл действий по очернению Ленина ничтожен, по сравнению со значением этих действий для подрыва национального сознания и «рассыпания» народа.

Почему именно в конце XX века возникла такая ненависть ко всему, что представляет собой Ленин? Её ведь не было ни в 20-е, ни в

30-е годы, ни даже во время Гражданской войны. В общем-то, до сравнительно недавнего времени Ленин как мыслитель, политик, мастер государственного управления во всём мире признавался как одна из крупнейших фигур. А уж в России по тому, что ему удалось сделать, это, конечно, был один из безусловных символов ума, воли, работоспособности.

Думаю, это явление не классового, а духовного порядка. Конечно, в принижении фигуры Ленина был прагматический и политический интерес. Но есть и ненависть духовная. Такие явления мирового масштаба, как русская революция, означают столкновение огромных сил, и речь тут шла о принципиальном вопросе: как надо жить в России. Этот вопрос относится к категории мировоззренческих – о человеке и справедливости, о добре и зле. Мысли и дело Ленина открыли путь к новому типу жизни человека на земле. На нашей земле вышел на историческую арену новый культурно-исторический тип – советский человек. Его и ненавидят в Ленине. Образ Ленина помогает советскому человеку пережить этот «переходный период», пусть в тени или даже в молчании.

Образ СССР был ориентиром. Человечеству была предложена идея мироустройства, основанного на сотрудничестве народов, а не на колониальной зависимости и рыночной конкуренции. Благодаря ленинскому синтезу идеи развития с традиционными культурами множество народов стало способно освоить науку и создавать технику, радоваться добрым человеческим отношениям. Ленин в подробностях не описал антипода этим людям, хотя опасность чувствовал. Сейчас Ленин им опасен как источник эффективных подходов к осмыслению сложной реальности. Ленин создал и развил целый ряд методов осмысления ситуации кризиса, перехода, трансформации общества. И как политик испытал свои теоретические наработки на практике.

То, что идеологи реформ сумели закрыть от массы молодежи знание и методологию Ленина и его соратников, очень дорого обойдется нашему народу. А молодежи, которой все равно придется разрывать порочные круги, которыми реформаторы опутали Россию, лучше поскорее прорваться к знанию и опыту первой половины XX века.

Литература

1. *Энгельс Ф.* О социальном вопросе в России // Соч. Т. 18.
2. *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4.
3. *Маркс К.* Речь на польском митинге в Лондоне 22 января 1867 года // Соч. Т. 16.
4. *Маркс К.* Соч. Т. 34.
5. *Бакунин М.А.* Кнуто-германская империя и социальная революция // *Бакунин М.А.* Философия, социология, политика. М.: Правда, 1989. С. 188–290.
6. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
7. *Новиков Г.Н.* Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. № 1.
8. *Шанин Т.* Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997.
9. *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. М.: РОССПЭН, 1996.
10. *Яковлев А.Н.* Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / С. Куртуа С. и др. М.: Три века истории, 2001.
11. *Гредескул Н.А.* Перелом русской интеллигенции и его действительный смысл // Вехи. Интеллигенция в России. М.: Молодая гвардия, 1991.
12. *Ключников Ю.В.* Наш ответ // Смена вех. 1921. № 4.
13. *Баграмов Э.А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М.: Политиздат, 1982.
14. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2006.
15. *Ленин В.И.* Империализм как высшая стадия капитализма // Соч. 5-е изд. Т. 27.
16. *Маркс К.* Капитал. Соч. Т. 23.
17. *Gramsci A.* La revolución contra «El Capital» // *Gramsci A.* Antología. México: Siglo XXI Eds, 1984. P. 34–37.
18. *Кустарев А.* Начало русской революции: версия Макса Вебера // Вопросы философии. 1990. № 8.

19. Горький М. Собр. соч. Т. 17.
20. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 г. // Соч. Т. 42.
21. Ленин В.И. О кооперации // Соч. Т. 45.
22. Ленин В.И. О лозунге Соединенных штатов Европы // Соч. Т. 26.
23. Маркс К., Ф. Энгельс. Немецкая идеология // Соч. Т. 3.
24. Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Политиздат, 1959.
25. Булгаков С.А. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. М.: Изд-во Московского университета, 1990.
26. Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Соч. Т. 12.
27. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Соч. Т. 25. С. 255–320.
28. Ленин В.И. К пересмотру партийной программы // Соч. Т. 34.
29. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Соч. Т. 20.
30. Маркс К., Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии // Соч. Т. 4.
31. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. София, 1920 [электронный ресурс]. Режим доступа: http://hrono.rspu.ryazan.ru/libris/evro_chelov.html.
32. Энгельс Ф. Соч. Т. 39.
33. Ленин В.И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову от 16 декабря 1909 г. // Соч. Т. 47.
34. Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953.
35. Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6.
36. Ленин В.И. Одна из великих побед техники // Полн. собр. соч. Т. 23.
37. Пайнс Р. Русская революция. Часть вторая. М.: РОССПЭН, 1994.
38. Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Соч. Т. 47.
39. Карр Э. История Советской России. Т. 1. М.: Прогресс, 1990.
40. Ленин В.И. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. // Соч. Т. 36.
41. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998.

42. *Маркс К., Ф. Энгельс К.* Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» // Соч. Т. 19.
43. *Энгельс Ф.* Соч. Т. 38.
44. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
45. *Кабанов В.В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2.
46. *Энгельс Ф.* Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Соч. Т. 22.
47. *Ленин В.И.* Философские тетради. М.: Политиздат, 1973.
48. *Ленин В.И. Л.Н. Толстой* // Соч. Т. 20.
49. *Ленин В.И.* Аграрная программа русской социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Соч. Т. 16.
50. От марксизма к идеализму: сб. статей (1896–1903). СПб., 1903. Цит. в: *Соболевская А.А.* Уроки о. Сергия Булгакова: поиски путей социально-экономического устройства России. «Преодоление времени». М.: МГУ, 1998. С. 373.
51. *Поспеловский Д.* Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1.
52. *Ленин В.И.* Аграрный вопрос и силы революции // Соч. Т. 15.
53. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Соч. Т. 3.
54. *Плеханов Г.В.* Открытое письмо к петроградским рабочим [электронный ресурс]. Режим доступа: / <http://libelli.ru/works/gvp1.htm>.
55. *Бухарин Н.И.* Избранные сочинения. М.: Политиздат, 1988.
56. *Ненароков А., Павлов Д.* Политическое завещание П.Б. Аксельрода // Россия XXI. 1999. № 6.
57. *Миллер В.И.* Осторожно, история. М.: ЭТЦ, 1997.
58. *Ипатьев В.Н.* Жизнь одного химика. Нью-Йорк: Авт., 1945. Т. 1.
59. *Алексеев Н.* Советский федерализм // Общественные науки и современность. 1992. № 1.
60. *Ленин В.И.* Государство и революция. Соч. Т. 33.
61. *Чешко С.В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996.
62. *Ленин В.И.* III конгресс Коммунистического интернационала // Соч. Т. 44.
63. *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Книга седьмая. Октябрьский переворот [электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://www.magister.msk.ru/library/history/xx/suhanov/suhan007.htm>.

64. В.И. Ленин и Академия наук: сб. документов. М., 1969.
65. *Булгаков С.Н.* Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.
66. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество // Вехи. М.: Молодая гвардия, 1991.
67. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Соч. Т. 21.
68. *Ленин В.И.* Русская революция и гражданская война // Соч. Т. 34.
69. *Ленин В.И.* Первое мая // Соч. Т. 10.
70. *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Аиро-XX, 1998.
71. *Ортега-и-Гассет Х.* Старая и новая политика // Полис. 1992. № 2, 3.
72. *Ленин В.И.* Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков // Соч. Т. 40.
73. *Суханов Н.Н.* Записки о революции[электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mreadz.com/read93214/p643>.
74. Новейшая история Отечества: XX век. Т. 1. М.: ВЛАДОС, 2002.
75. *Андреев Л.Н.* Верните Россию. М.: Московский рабочий, 1994.
76. *Горький А.М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 24. М.: Гослитиздат, 1953..
77. Ленин и Толстой. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928.
78. *Чураков Д.* 1918 год. Антибольшевистское рабочее повстанчество // Россия XXI. 1999. № 5.
79. *Кожин В.В.* Загадочные страницы истории XX века. М.: Прима В, 1995.
80. *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: реформы и революция. СПб.: Наука, 1991.
81. *Ленин В.И.* Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову) // Соч. Т. 30.
82. *Булгаков С.Н.* Неотложная задача (о Союзе христианской политики) // Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.
83. *Ленин В.И.* Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического интернационала // Соч. Т. 41.

84. *Ленин В.И.* Заключительное слово перед закрытием Третьего Всероссийского съезда Советов // Соч. Т. 35.

85. *Константинов С., Ушаков А.* История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XX, 2001.

86. *Янг К.* Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.

87. *Лавровский И.К.* Странострой // Главная тема. 2005. № 4.

88. *Хеймсон Л.* Меншеизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 7–8.

89. *Флоровский Г.* О патриотизме праведном и греховном // Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.

90. *Бердяев Н.* К вопросу об интеллигенции и нации [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1910_4_133.html.

91. *Бердяев Н.* Об аристократии // Философия неравенства [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vehi.net/berdyaev/neraven/06.html>.

92. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М.: ЭКСМО; Алгоритм, 2003.

93. *Веселовский С.Б.* Из старых тетрадей. М.: АИРО-XX, 2004.

94. *Леонтьева О.Г.* Русские эмигранты о событиях 1945–1949 годов в Европе и России (из писем Н.А. Берберовой, Е.А. Извольской и Е.Д. Кусковой к А.Ф. Керенскому) // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 12.

95. *Шубарт В.* Европа и душа Востока // Общественные науки и современность. 1992. № 6.

96. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003.

97. *Ионин Л.Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС. 1995. № 4.

98. *Энгельс Ф.* Борьба в Венгрии // Соч. 2-е изд. Т. 6.

99. *Ленин В.И.* К оценке русской революции // Соч. Т. 17.

100. *Ленин В.И.* «Левение» буржуазии и задачи пролетариата // Соч. Т. 17.

101. *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.

102. *Кожин В.В.* «Черносотенцы» и Революция. М.: Прима В, 1998.

103. *Яковлев А.Н.* Все эти сталины, гитлеры – одна порода // Российская газета. 2001. 20 июня.

104. *Радзиховский Л.* Явление Ленина // Российская газета. 2004. 20 янв.

---

notes

Примечания

Из «вульгарного» марксизма, который преподавался в СССР, вытекало, что революция ожидалась как путь к освобождению *всех народов* от угнетения и эксплуатации. Именно так мы понимали смысл девиза «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*».

Примечательно введенное Марксом разделение «русских или славянских народов». Маркс верил в нелепую теорию, согласно которой русские не были славянами.

Здесь Ленин прямо отвечал на тезис народников, которые считали, что при национализации крупной промышленности возможно техническое вооружение общины и ее развитие так, «чтобы она была в состоянии сделаться подходящим орудием для организации крупной промышленности и для ее преобразования из капиталистической формы в общественную».

Во втором издании 1908 г. Ленин сделал сноску, чтобы отмежеваться от реформы Столыпина, которая потребовала массовых порок и казней: «Само собой разумеется, что еще больший вред крестьянской бедноте принесет столыпинское (ноябрь 1906 г.) разрушение общины». Но между этой сноской и текстом имеется явное противоречие – трудно поддерживать разрушение общины («отмену всех стеснений») и в то же время ругать за это Столыпина.

Ленин говорил на VII съезде РКП(б) (март 1918 г.), что в России «самые развитые формы капитализма, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие».

Говоря об официальной советской истории, Т. Шанин замечает: «Те цитаты из Ленина, которые не подходили к антикрестьянской тенденции, были просто забыты или затерялись» [8, с. 249].

Стоит прочитать «Философские тетради» Ленина, он сильно намучился, изучая Гегеля. Вот его пометки на полях: «Здесь изложение какое-то отрывочное и сугубо туманное...»; «Темна вода...»; «Сие производит впечатление большой натянутости и пустоты»; «Тут вообще тьма тёмного...»; «Рассуждения о “механизме” сугубо тёмные и едва ли не сплошная чушь». Результатом этого штудирования Лениным было такое суждение: «Нельзя вполне понять “Капитала” Маркса и особенно его первой главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса полвека спустя!» [47].

Аристотель разделял хозяйство на два типа – *экономию*, что означает «ведение дома» (экоса), и *хрематистику*, нацеленную на получение дохода (их различают также как натуральное хозяйство и рыночную экономику). В царской России хрематистика не смогла занять господствующего положения, а в зрелом СССР она была подавлена или ушла в «теневую экономику».

Кроме того, немецкие компании начали массовую скупку акций главных промышленных предприятий России, а буржуазия «старается всеми мерами продать свои акции немецким гражданам, старается получить защиту немецкого права путем всяких подделок, всяких фиктивных сделок». Возникла угроза утраты всей базы российской промышленности.

С точки зрения наших нынешних запросов, представленная в «Империализме...» картина неполна – в ней процесс создания мировой системы капитализма показан почти исключительно «из метрополии». Вне рассмотрения осталось формирование социально-экономических укладов и структур периферийного капитализма в зависимых обществах.

Позже К. Леви Стросс написал: «Запад построил себя из материала колоний».

Хеймсон считает логичным, что меньшевики сблизилась с Бундом (еврейской социал-демократической партией «черты оседлости»). Он пишет: «Начиная со стокгольмского съезда партии, Бунд фактически стал одним из самых надежных союзников в коалиции, которую меньшевики стремились создать против большевизма».

В январе 1918 года он пишет: «Разгон Учредительного собрания – прошел, или, вернее, проходит. Теперь уже несомненно, что революция убита; остаются борьба с анархией и реставрация... Все это... такие удары социализму и революции, от которых в России они не оправятся».

Бунин, в частности, писал в книге «Окаянные дни»: «А сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья, — сколько их, этих атавистических особей, круто замешанных на монгольском атавизме! Весь, Муром, Чудь белоглазая...».

Она столько понаписала в своих письмах, что даже Керенского коробило.

Насколько непростым был этот выбор, говорит тот факт, что большинство тех, кто были членами ЦК РСДРП (большевиков) в 1903–1912 годах, в дальнейшем вышли из партии или были исключены из нее.

Лошадь стоила в то время 80–90 руб., а зерно оптовики скупали по цене 20–50 коп. за пуд. Значит, за лошадь надо было отдать самое меньшее 160 пудов зерна.

Советское обществоведение продолжило эту линию. Следуя этой догме, оно приучило нас к тому, что движущей силой истории является *классовая* борьба. Под давлением этой установки мы перестали понимать и даже замечать те процессы, которые происходят с иными, нежели классы, общностями людей (народами, религиозными, культурными и профессиональными сообществами, с диссидентами, очарованными какой-то мессианской идеей, преступными группами и социальным «дном» и т. д.). Во всех общественных конфликтах и открытых столкновениях советский образованный слой был склонен видеть результат классовых противоречий.

Это стереотипная полемическая риторика, не отвечающая смыслу понятий: летом 1917 года прошло лишь три месяца после победы именно *буржуазной* революции.

Более дотошные подсчеты (В.С. Дякин) дают число лиц с доходом выше 20 тыс. руб., равное 12 377 человек. Это принципиально дела не меняет.

Отмечу мелочность антисоветских идеологов. И. Шафаревич пишет (1999): «Изо всех партий большевики одни призывали к немедленному прекращению войны («воткнуть штык в землю»)). В действительности Ленин писал в работе «Задачи пролетариата в нашей революции» (в п. 10): «Войну нельзя кончить “по желанию”. Ее нельзя кончить, “воткнув штык в землю”». Брестский мир не был бы возможен, если бы еще до Октября не начали создавать Красную армию.

Было опубликовано: La Nation. Geneve. 1917. 30 dec. № 31.

Процесс строительства СССР может быть понят в свете представлений *конструктивизма*. Но под этой конструктивистской программой лежало *примордиалистское* убеждение, что народы и народности России есть изначальная данность, на которую нельзя посягать. Да к тому же из марксизма, основоположники которого следовали примордиализму, прямо вытекало, что в официальную советскую идеологию должен быть заложен *интернационализм*, значит, нужны были и *национальности*.

С.В. Чешко, автор взвешенной и беспристрастной книги на эту тему, считает, что «образование СССР явилось наиболее вероятным в тех условиях решением проблемы обустройства постреволюционной России» [61, с. 93].

И.К. Лавровский замечает, сравнивая две войны с Германией с промежутком всего в 27 лет: «Удар [Германии] в 1941-м был в десятки раз сильнее удара 1914 года. И тем не менее наша страна выстояла и победила – нет, не только Германию, всю Европу! Новая система лояльностей оказалась сильнее прежней. Цель была достигнута» [87].

М. Агурский писал: «Имеются свидетельства, что вскоре после революции и даже за некоторое время до нее массовый элемент правых партий перешел в основном к большевикам. Московский священник С. Фрязинов писал в конце 1917 года, что под флагом большевизма “объединились люди двух крайних лагерей. С одной стороны, мы знаем, – говорит Фрязинов, – что вся рабочая молодежь и матросы Балтийского флота, всегда примыкавшие к крайним левым течениям, составляют основное ядро большевиков, но с другой – ни для кого не секрет, к ним примыкают и все те громады, которые раньше представляли из себя грозную и вместе с тем грязную армию т. н. черносотенцев”» [96].